



ЛЕВ ГУМИЛЕВ

ОТ РУСИ

ДО РОССИИ



Большая книга искусства и истории

Лев Гумилев

От Руси до России

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

1992

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Гумилев Л. Н.

От Руси до России / Л. Н. Гумилев — «ФТМ», «Издательство АСТ», 1992 — (Большая книга искусства и истории)

ISBN 978-5-17-110678-2

«От Руси до России» – оригинальное и по-настоящему глубокое исследование выдающегося русского историка и географа Л. Н. Гумилева. Оно обращает взгляд читателя на исторический период нашей страны, ограниченный становлением Киевского княжества и эпохой петровских реформ, причем все события и поступки исторических лиц объяснены с позиций разработанной автором пассионарной теории этногенеза. Книге «От Руси до России» присуждена премия «Вехи», почетный диплом которой присуждается за произведения, вносящие выдающийся вклад в понимание России, ее истории, ее духа. Все, кто интересуется русской историей, получат немалое удовольствие от знакомства с этим неординарным произведением, написанным живым, образным языком.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-110678-2

© Гумилев Л. Н., 1992

© ФТМ, 1992

© Издательство АСТ, 1992

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	24
Глава I	24
Две Европы	24
Готы	26
Хунны и гунны	28
Рождение Киевской державы	39
Глава II	49
В низовьях Волги	49
Пришельцы с юга	51
Власть и деньги	56
Славяно-русы и Византия	62
Триумф Святослава	65
Глава III	71
Святослав и Калокир	71
Святослав и Цимисхий	75
Прощание с русами	78
Брат на брата	80
Последствия лжи	83
Новый путь	87
Глава IV	93
Сыновья Владимира	93
Мудрость компромисса	101
Перемены	104
Всеслав Полоцкий и Ярославичи	110
Олег Святославич	117
Глава V	122
В поисках союзников	122
Беспринципность	126
Отец и сын	130
Начало конца	134
Часть вторая	142
Глава I	142
Великая степь	142
Юность Чингиса	149
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Лев Гумилев От Руси до России



Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) – советский и российский историк-этнолог, востоковед, доктор исторических и географических наук, переводчик с персидского языка. Сын Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой.

Л. Н. Гумилев – основоположник пассионарной теории этногенеза. Его перу принадлежат труды по истории тюркских, монгольских, славянских и других народов Евразии. «От Руси до России» – последняя работа, подготовленная Гумилевым к печати, результат глубокого, многостороннего изучения автором этнической истории нашей страны.

Вместо предисловия

Сегодня в нашей стране наблюдается небывалый рост интереса к истории. Чем он вызван, на чем основан? Часто можно слышать, что, запутавшись в проблемах современных, люди обращаются к истории в поисках выхода из тяжелых ситуаций, как говорили в старину, «за поучительными примерами». Пусть так, но в таком случае интерес к истории свидетельствует и о другом: современность и история воспринимаются большинством наших соотечественников как принципиально разные, несовместимые временные стихии. Часто история и современность просто сталкиваются лбами: «Нам интересна только современность и нужно знание только о ней!» Похожие суждения можно услышать и в ученом споре, и в беседе за чаем, и даже в базарной склоке.

Действительно, для противопоставления современности и истории есть некоторые основания. Само слово «история» подразумевает «бывшее раньше», «несегодняшнее», а значит, историческая наука немислима без учета изменений, отделяющих «вчера» от «сегодня». Количество и масштабы этих изменений могут быть ничтожны, но вне их история не существует. Говоря «современность», мы, напротив, имеем в виду некоторую привычную и кажущуюся нам стабильной систему взаимоотношений внутри страны и вне ее. Вот это-то привычное, знакомое, почти неизменное и понятное и противопоставляется обычно истории – чему-то неочевидному, неосязаемому и потому непонятному. А дальше просто: если мы не можем с современной точки зрения объяснить действия исторических персонажей, это значит, что они не были образованны, обладали многочисленными сословными предрассудками и вообще жили без благ научно-технического прогресса. Тем хуже для них!

И ведь мало кому приходит в голову, что в свое время прошлое тоже было современностью. Значит, видимое постоянство современности – обман, и сама она ничем не отличается от истории. Все хваленое настоящее – лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху Пунических или наполеоновских войн. И как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история – реальна. Для нее характерна смена эпох, когда внезапно рушится равновесие народов и держав: малые племена совершают великие походы и завоевания, а могучие империи оказываются бессильными; одна культура сменяет другую, а вчерашние боги оказываются ничемными истуканами. Чтобы понять исторические закономерности, работали поколения настоящих ученых, книги которых до сих пор находят своего читателя.

Итак, история – это постоянные изменения, вечная перестройка кажущейся стабильности. Взглянув в каждый отдельный момент на определенную территорию, мы видим как бы фотографический снимок – относительно устойчивую систему из взаимосвязанных объектов: географических (ландшафтов), социально-политических (государств), экономических, этнических. Но как только мы начинаем изучать не одно состояние, а множество их, то есть процесс, картина резко меняется и начинает напоминать скорее детский калейдоскоп, а не строгое картографическое изображение с сухими надписями.



Саркофаг муз (с античного барельефа)

Взглянем, к примеру, на Евразию в начале I в. н. э. Западную оконечность великого Евразийского континента занимала Римская империя. Эта держава, выросшая из крошечного городка, основанного племенем латинов за восемь столетий до нашей эры, вобрала в себя множество народов. В состав империи органично влились культурные эллины, остававшиеся в общем лояльными подданными очень долгое время. С германцами же, жившими за Рейном, римляне, напротив, начали воевать. И хотя их победоносные полководцы Германик и будущий император Тиберий доходили во главе легионов до Эльбы, уже к середине I в. н. э. от покорения германцев римляне отказались. К востоку от германцев обитали славянские племена. Римляне называли их, как и германцев, варварами, но в действительности это был совершенно другой народ, отнюдь не друживший с германцами.

Еще восточнее, в беспредельных степях Причерноморья и Казахстана, мы обнаруживаем в это время народ, мало напоминающий европейский, – сарматов. А на границе с Китаем, на территории нынешней Монголии, кочевал народ хунны.

Восточная окраина Евразии, так же как и западная, была занята огромной державой – империей Хань. Китайцы подобно римлянам считали себя культурным, цивилизованным народом, живущим среди окружающих их варварских племен. Друг с другом римляне и китайцы практически не сталкивались, однако связь между ними все же была. Нитью между двумя империями, невидимой, но прочной, стал Великий шелковый путь. По нему китайский шелк тек в Средиземноморье, оборачиваясь золотом и предметами роскоши.

Но и на Великом шелковом пути китайцы и римляне не встречались, ибо ни те, ни другие не ходили с караванами. С ними ходили согдийцы – обитатели Средней Азии – и евреи, осваивавшие международную торговлю. Под их руководством караваны пересекали огромные пространства континента. А на окраинах его, в римских крепостях и на Великой Китайской стене, часовые день и ночь охраняли покой «цивилизованных» империй.

Зададимся простым вопросом: а что помешало этой отлаженной статичной системе отношений дожить до нашего времени? Почему мы сегодня не видим ни римлян, ни Великого шелкового пути? Да потому, что уже в конце I – начале II в. н. э. положение изменилось принципиально: пришли в движение многие народы, дотеле спокойно жившие в привычных им условиях.

Десантом готов – обитателей Скандинавии – в устье Вислы началось Великое переселение народов, ставшее в IV в. причиной гибели единой Римской империи. Тогда же начали свое продвижение и славяне, покидавшие территорию между Вислой и Тисой и распространившиеся впоследствии от Балтики на севере до Адриатики и Балкан на юге, от Эльбы на западе до Днепра на востоке.



Китайский император со свитой. Со свитка «Тринадцать императоров». VII в.



Сцена из жизни евреев. Рисунок по египетской стенописи

Племя даков, занимавшее территорию современной Румынии, начало войну с Римом, и империи потребовалось 20 лет борьбы, чтобы силами всего Средиземноморья, объединенными военным и государственным гением императора Траяна, победить этот народ.

Из возникших в Сирии и Палестине христианских общин к тому времени возник новый этнос – «этнос по Христу». Носители некогда преследовавшегося учения сумели не только сохранить его, но и сделать официальной идеологией в одной из частей распавшейся империи. Так в противовес умирающему Западнему Риму – Гесперии – возникла новая, христианская держава – Византия.

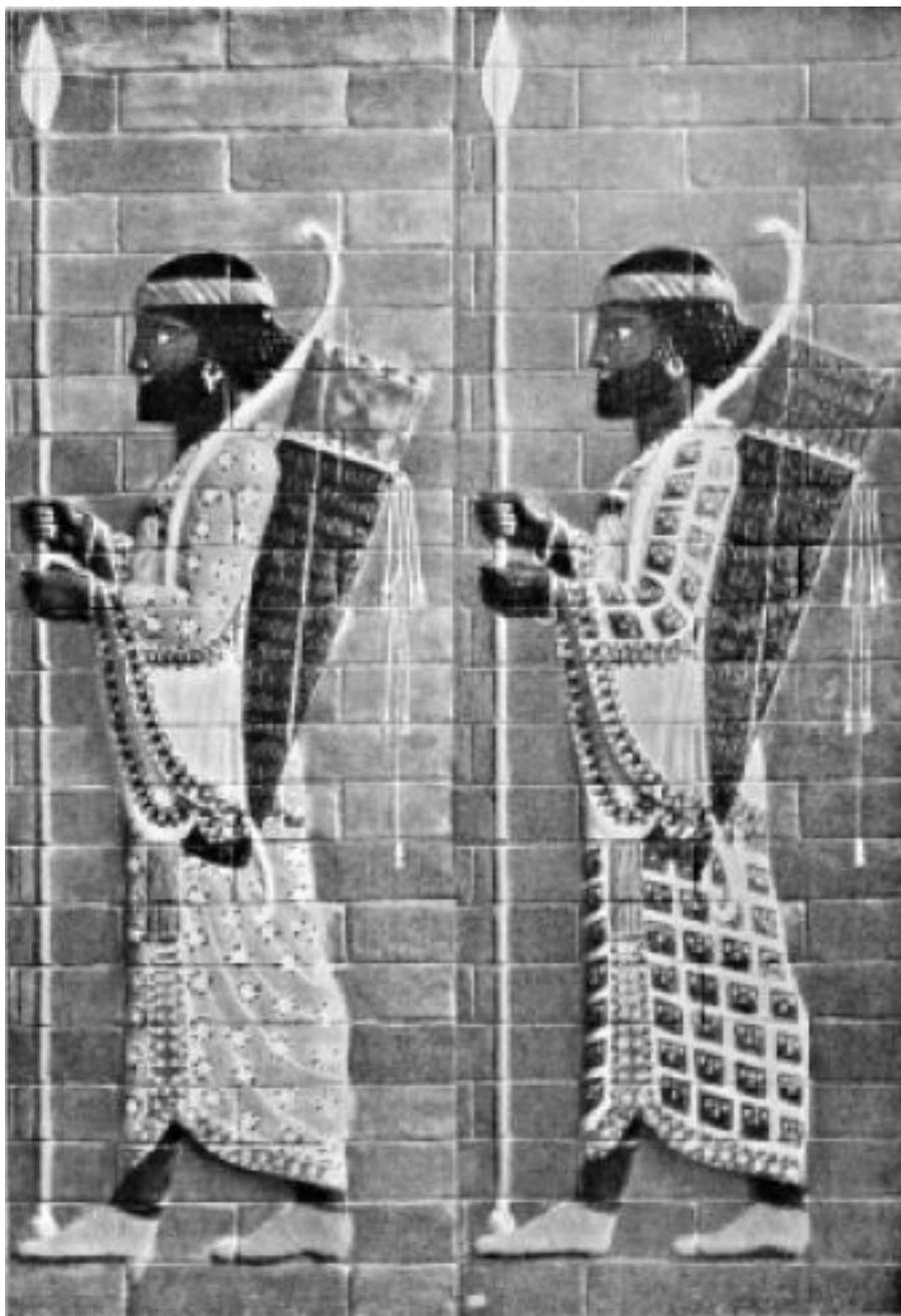
В той же Палестине возник очаг сопротивления римскому господству. Небольшой народ – иудеи – после двух восстаний, жестоко подавленных римлянами, покинул свою историческую родину. Но появление иудейской диаспоры и проповедь христианства обернулись для римлян усилением позиций восточных религий в самом центре империи и в ее провинциях.

Не только Ближний, но и Дальний Восток стал в это время источником бед для Рима. Ветвь хуннов, покинув степи Монголии, в результате беспримерной миграции оказалась

в Европе. Уже в IV в. их потомки сокрушили королевство готов и едва не уничтожили саму Римскую империю.



Рельеф с изображением императора Домициана. Конец I в.



Лучники персидской гвардии. Фриз из дворца Артаксеркса II

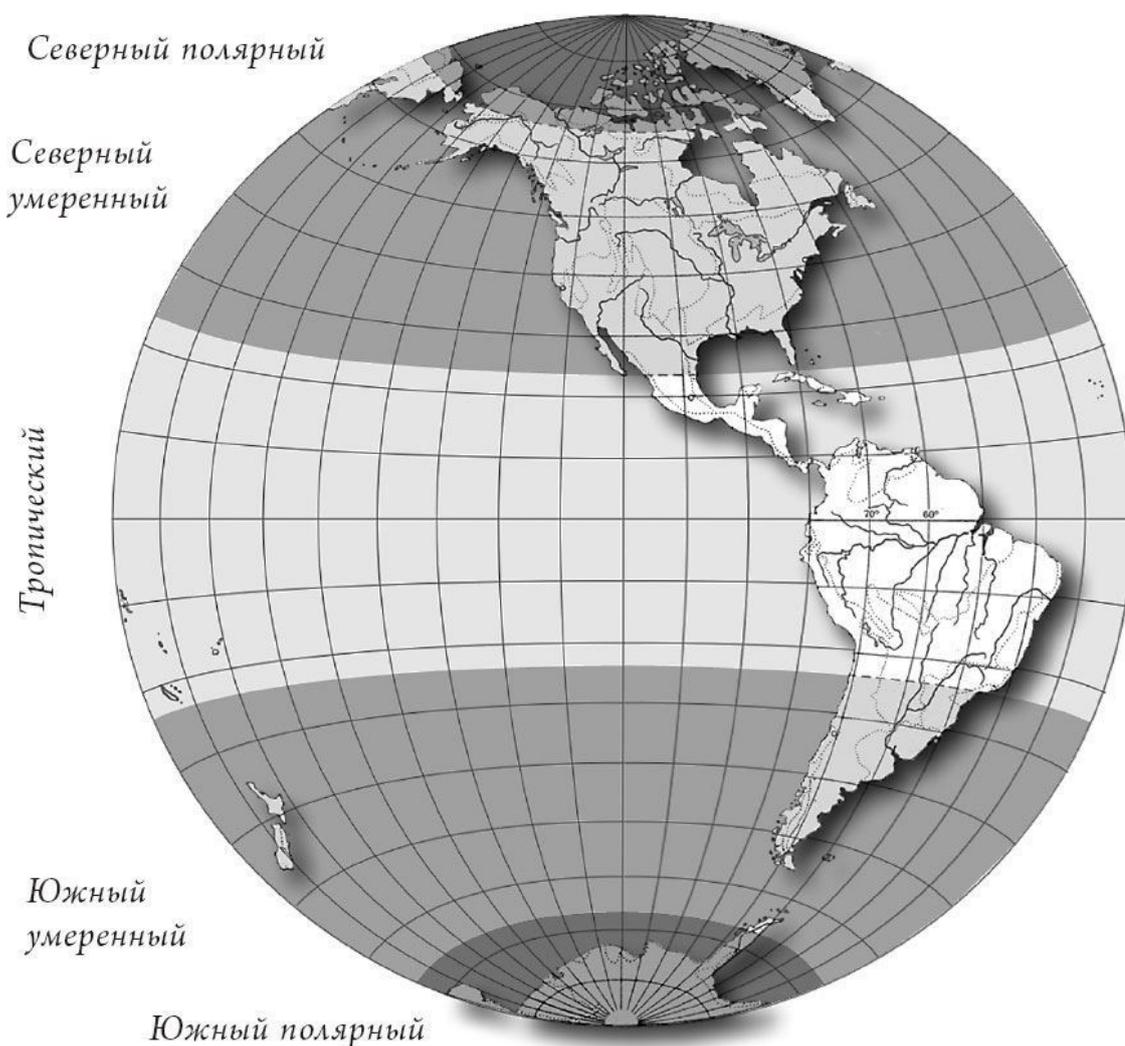
Таким образом, если мы попытаемся представить себе Евразию V–VI вв., то увидим картину, совершенно не похожую на ту, что была в I в. Новые империи располагаются на окраинах континента, совсем другие народы кочуют по просторам Великой степи.

Вся история человечества состоит из череды подобных изменений. Может быть, смена империй и царств, вер и традиций не имеет никакой внутренней закономерности, а представляет собой не поддающийся объяснению хаос? Издавна люди пытливые (а такие есть всегда) стремились найти ответ на этот вопрос, понять и объяснить истоки своей истории. Ответы получались, естественно, разные, ибо история многогранна: она может быть историей социально-экономических формаций или военной историей, то есть описанием походов и сражений; историей техники или культуры; историей литературы или религии. Все это – разные дисциплины, относящиеся к истории. И потому одни – историки юридической школы – изучали человеческие законы и принципы государственного устройства; другие – историки-марксисты

– рассматривали историю сквозь призму развития производительных сил; третьи опирались на индивидуальную психологию и т. д.

А можно ли представить человеческую историю как историю народов? Попробуем исходить из того, что в пределах Земли пространство отнюдь не однородно. И именно пространство – это первый параметр, который характеризует исторические события. Еще первобытный человек знал границы территории своего обитания, так называемый кормящий и вмещающий ландшафт, в котором жил он сам, жили его семья и его племя.

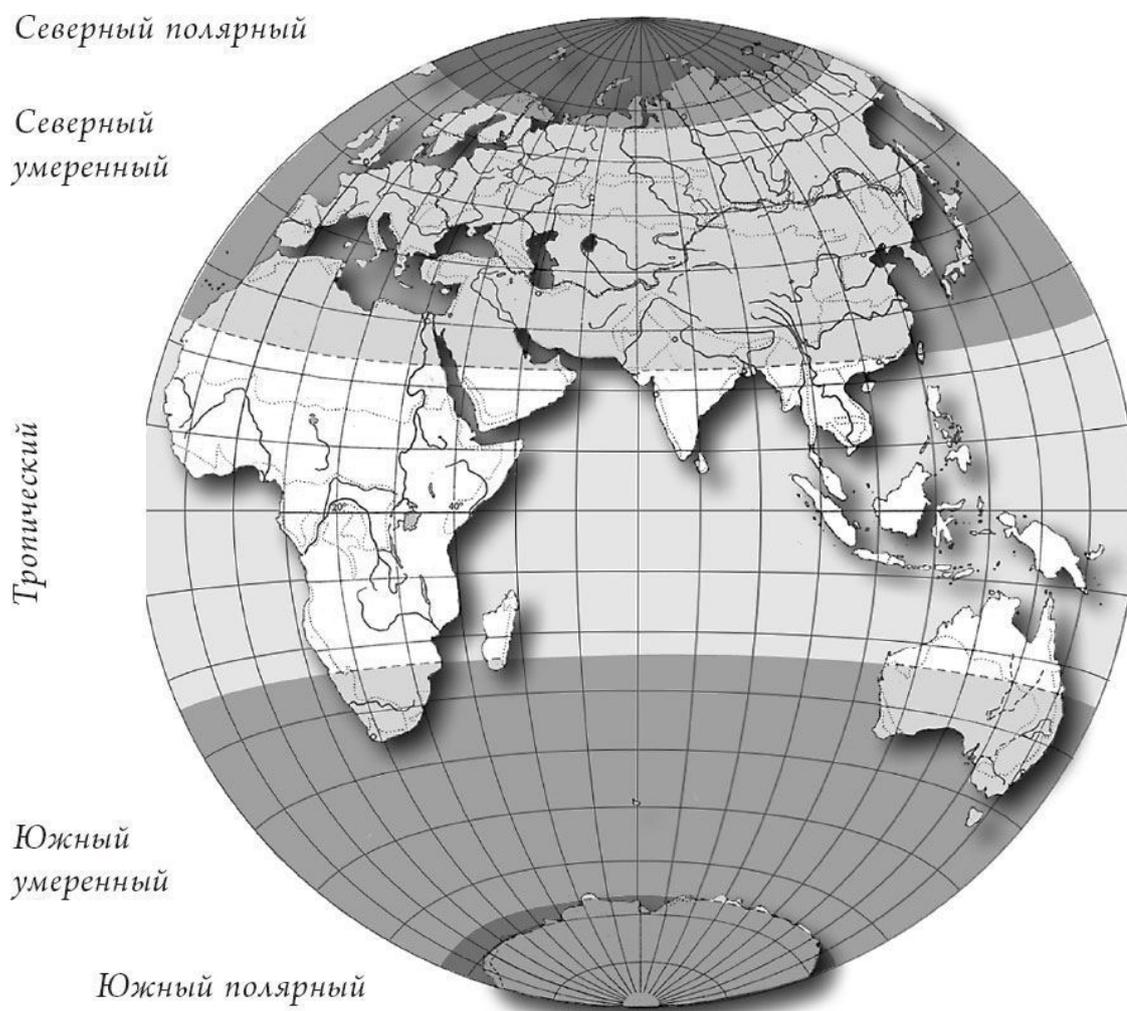
Второй параметр – время. Каждое историческое событие происходит не только где-то, но когда-то. Те же первобытные люди вполне сознавали не только «свое место», но и то, что у них есть отцы и деды – и будут дети и внуки. Итак, временные координаты существуют в истории наряду с пространственными.



Карта поясов освещенности Земли. Западное полушарие

Но в истории есть еще один, не менее важный, параметр. С географической точки зрения все человечество следует рассматривать как антропосферу – одну из оболочек Земли, связанную с бытием вида *Homo sapiens*. Человечество, оставаясь в пределах этого вида, обладает замечательным свойством – оно мозаично, то есть состоит из представителей разных народов, говоря по-современному – этносов. Именно в рамках этносов, контактирующих друг с другом, творится история, ибо каждый исторический факт есть достояние жизни конкретного народа. Присутствие в биосфере Земли этих определенных целостностей – этносов – составляет тре-

тый параметр, характеризующий исторический процесс. Этносы, существующие в пространстве и времени, и есть действующие лица в театре истории. В дальнейшем, говоря об этносе, мы будем иметь в виду коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности – подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы – они» и деление на «своих» и «чужих».

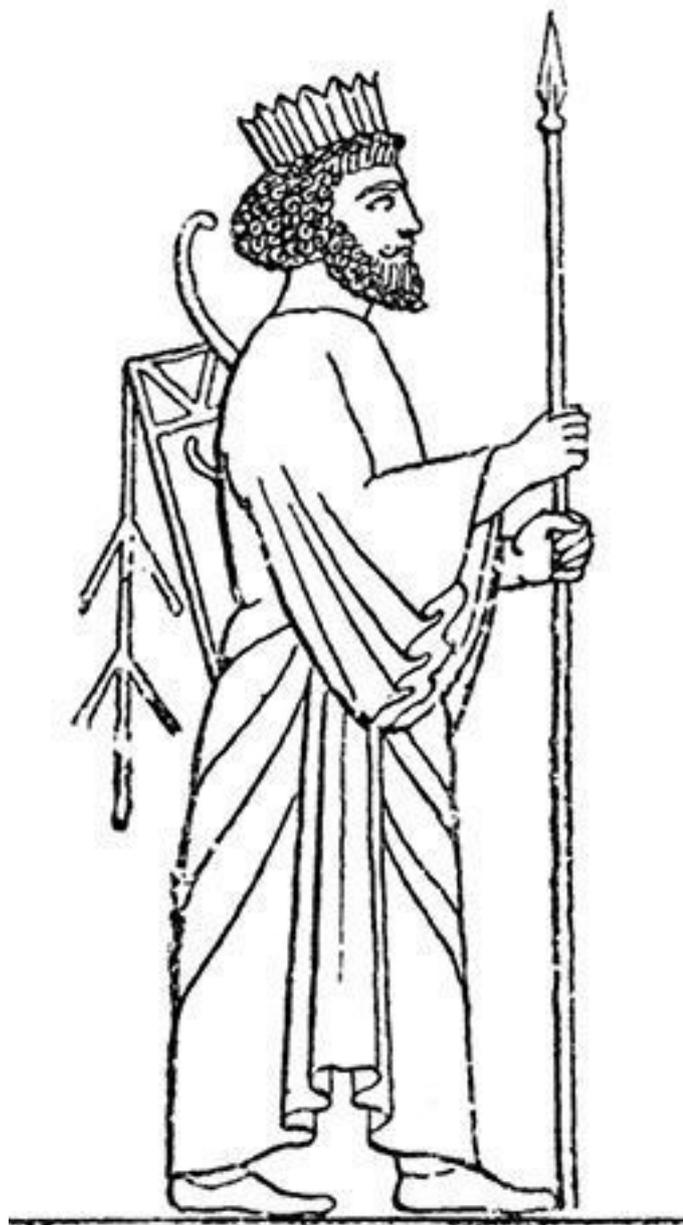


Карта поясов освещенности Земли. Восточное полушарие

Каждый такой коллектив, чтобы жить на Земле, должен приспособиться (адаптироваться) к условиям ландшафта, в пределах которого ему приходится жить. Связи этноса с окружающей природой и рожают пространственные взаимоотношения этносов между собой. Но естественно, что, живя в своем ландшафте, члены этноса могут приспособиться к нему, только изменяя свое поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения – стереотипы. Усвоенные стереотипы (историческая традиция) составляют основное отличие членов одного этноса от другого.

Чтобы описать свою историческую традицию, членам этноса становится необходима система отсчета времени. Легче всего учитывать временные циклы. Простые наблюдения показывают, что день и ночь составляют повторяющийся цикл – сутки. Подобно этому, времена года, сменяясь, составляют больший цикл – год. Из-за этой простоты и очевидности первый известный людям счет времени, употребляющийся до сих пор, – это счет циклический. (С

представлением о цикличности времени связано само происхождение русского слова «время»,
однокоренного со словами «вертеть» и «веретено».)



Персидский воин



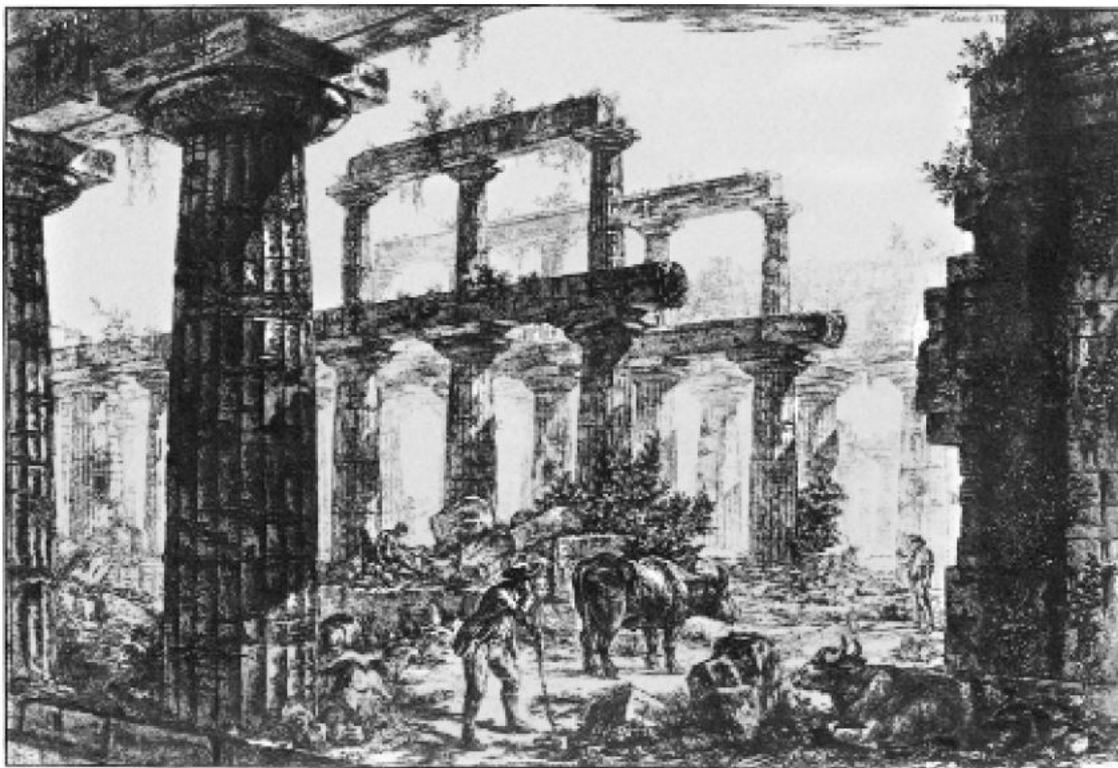
Мидиец

На Востоке, например, была изобретена система отсчета времени, при которой каждый из 12 годов носит название того или иного зверя, изображаемого определенным цветом (белый – металл, черный – земля, красный – огонь, сине-зеленый – растительность). Но поскольку этнос живет очень долго, ни годового, ни даже двенадцатилетнего цикла восточных народов часто было недостаточно, чтобы описать хранящиеся в памяти людей события.

В поисках выхода из этого тупика начали применять линейное измерение времени, при котором отсчет ведется от определенного момента в историческом прошлом. Для древних римлян эта условная дата – основание Рима, для эллинов – год первой Олимпиады. Мусульмане считают годы от хиджры – бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. Христианское летосчисление, которым пользуемся мы, ведет счет от Рождества Христова. О линейном измерении времени можно сказать лишь то, что в отличие от циклического оно подчеркивает необратимость времени.

На Востоке существовал еще один способ осознания и отсчета времени. Вот пример такого исчисления. Царевна из южнокитайской династии Чэн, уничтоженной северной династией Суй, попала в плен. Она была отдана в жены тюркскому хану, желавшему породниться с китайской императорской семьей. Царевна скучала в степях и сочиняла стихи. Одно из ее стихотворений звучит так:

Предшествует слава и почесть беде,
Ведь мира законы – круги на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравняются, сгладятся башня и пруд.
Хоть ныне богатство и роскошь у нас —
Недолг всегда безмятежности час.
Не век опьяняет нас чаша вина.
Звенит и смолкает на лютне струна.
Я царскую дочью прежде была.
А ныне в орду кочевую зашла,
Скиталась без крова и ночью одной,
Восторг и отчаянье были со мной.
Превратность царит на земле искони,
Примеры ты встретишь, куда ни взгляни,
И песня, что пелась в былые года,
Изгнанника сердце тревожит всегда.



Джованни Баттиста Пиранези. Руины храма Нептуна в Пестуме

Здесь течение времени рассматривается как колебательное движение, а определенные временные отрезки выделяются в зависимости от насыщенности событиями. При этом создаются большие дискретные «участки» времени. Китайцы называли все это одним легким сло-

вом – «превратность». Каждая «превратность» происходит в тот или иной момент исторического времени и, начавшись, неизбежно кончается, сменяясь другой «превратностью». Такое ощущение дискретности (прерывности) времени помогает фиксировать и понимать ход исторических событий, их взаимосвязь и последовательность.

Но, говоря о прерывистом времени, времени линейном или циклическом, надо помнить, что речь идет лишь о созданных человеком системах отсчета. Единое абсолютное время, исчисляемое нами, остается реальностью, не превращаясь в математическую абстракцию, и отражает историческую (природную) действительность.

Так, прерывистое время равно применимо и к человеческой истории, и к истории природы. Хорошо описанная историческая геология оперирует эрами и периодами, в каждый из которых биосфера Земли имела особый характер. Это или «влажный» карбон с обилием крупных амфибий (земноводных), или «сухой» пермский период с крупными рептилиями (пресмыкающимися), обитавшими вблизи водоемов. В трех периодах мезозойской эры: триасе, юре и меле – каждый раз возникала новая флора и новая фауна. Ледниковый период вновь изменил животный и растительный мир Земли. До этого периода в Африке обитали австралопитеки, отдаленно напоминавшие современного человека. После ледникового периода появились неандертальские люди с огромной головой и сильным коренастым туловищем. При неизвестных нам обстоятельствах неандертальцы исчезли и сменились людьми современного типа – людьми разумными. В Палестине сохранились материальные следы столкновения двух видов людей: разумных и неандертальских. В пещерах Схул и Табун на горе Кармель обнаружены останки помесей двух видов. Трудно представить условия появления этого гибрида, особенно если учитывать, что неандертальцы были каннибалами. В любом случае новый, смешанный вид оказался нежизнеспособным.



В. М. Васнецов. Каменный век. Деталь фриз. 1885 г. Государственный Исторический музей, Москва



Лисипп. Атлет, надевающий на голову венок. Малибу, музей Дж. Пола Гетти



Статуя Аполлона на фасаде дома в Петербурге

Итак, неандертальцы исчезли, и в наше время Земля заселена людьми хотя и пяти разных рас, но принадлежащими к одному биологическому виду. Следовательно, мы вправе считать, что прямой преемственности между неандертальцами и современными людьми нет. Но точно так же нет ее и между кроманьонскими охотниками на мамонтов и древними кельтами, между римлянами и румынами, между хуннами и мадярами.

В истории этносов (народов), как и в истории видов, мы сталкиваемся с тем, что время от времени на определенных участках Земли идет абсолютная ломка, когда старые этносы исчезают и появляются новые. Древности принадлежат филистимляне и халдеи, македоняне и этруски. Их сейчас нет, но когда-то не было англичан и французов, шведов и испанцев. Итак, этническая история состоит из «начал» и «концов».

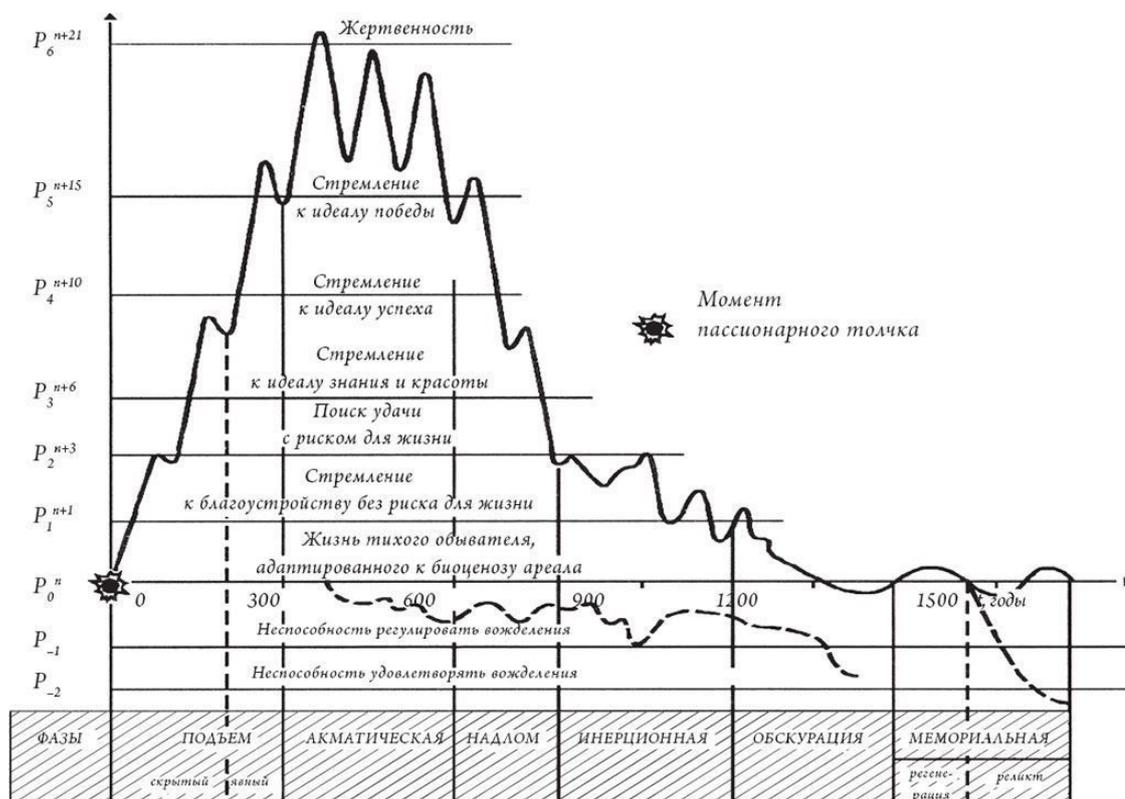
Но откуда же и почему возникают эти новые общности, вдруг начинающие отделять себя от соседей: «Э, нет, знаем мы вас: вы – немцы, а мы – французы!»? Понятно, что любой этнос имеет предка, даже не одного, а нескольких. Например, для русских предками были и древние русичи, и выходцы из Литвы и Орды, и местные финно-угорские племена. Однако установление предка не исчерпывает проблемы образования нового этноса. Предки есть всегда, а этносы образуются достаточно редко и во времени, и в пространстве. Казалось бы, на поставленный вопрос нет ответа, но вспомним, что точно так же сто лет назад не было ответа на вопрос о происхождении видов.

В прошлом веке, в эпоху бурного развития теории эволюции, как до, так и после Дарвина, считалось, что отдельные расы и этносы образуются вследствие борьбы за существование. Сегодня эта теория мало кого устраивает, так как множество фактов говорит в пользу иной концепции – теории мутагенеза. В соответствии с ней каждый новый вид возникает как следствие мутации – внезапного изменения генофонда живых существ, наступающего под действием внешних условий в определенном месте и в определенное время. Конечно, наличие мутаций не отменяет внутривидового процесса эволюции: если появившиеся признаки повышают жизнеспособность вида, они воспроизводятся и закрепляются в потомстве на достаточно долгое время. Если это не так – носители их вымирают через несколько поколений.

Теория мутагенеза хорошо согласовывается с известными фактами этнической истории. Вспомним уже упоминавшийся пример миграций в I–II вв. н. э. Мощное движение новых этносов имело место сравнительно недолго и только в узкой полосе от южной Швеции до Абиссинии. Но ведь именно это движение погубило Рим и изменило этническую карту всего европейского Средиземноморья.

Следовательно, начало этногенеза мы также можем гипотетически связать с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов. Процесс этногенеза связан с вполне определенным генетическим признаком. Здесь мы вводим в употребление новый параметр этнической истории – пассионарность. Пассионарность – это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовем таких людей пассионариями.

Пассионарии стремятся изменить окружающее и способны на это. Это они организуют далекие походы, из которых возвращаются немногие. Это они борются за покорение народов, окружающих их собственный этнос, или, наоборот, сражаются против захватчиков. Для такой деятельности требуется повышенная способность к напряжениям, а любые усилия живого организма связаны с затратами некоего вида энергии. Такой вид энергии был открыт и описан нашим великим соотечественником академиком В. И. Вернадским и назван им биохимической энергией живого вещества биосферы.



R_i^k – уровень пассионарного напряжения системы. Качественные характеристики этого уровня («жертвенность» и т. д.) следует рассматривать как некую усредненную «оценку» представителей этноса. Одновременно в составе этноса есть люди, обладающие и другими отмеченными на рисунке характеристиками, но господствует один тип людей;

i – индекс уровня пассионарного напряжения системы, соответствующего определенному императиву поведения; $i = -2, -1... 6$; при $i = 0$ уровень пассионарного напряжения системы соответствует гомеостазу;

k – количество субэтносов, составляющих систему на определенном уровне пассионарного напряжения; $k = n+1, n+2... n+21$, где n – первоначальное количество субэтносов в системе.

Примечание: Данная кривая – обобщение сорока индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов.

Пунктиром обозначено падение пассионарности ниже уровня гомеостаза, наступающее вследствие этнического смещения (внешней агрессии).

Механизм связи между пассионарностью и поведением очень прост. Обычно у людей, как у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше, чем необходимо, то человек формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений. Возможно и создание новой религиозной системы или научной теории, и строительство пирамиды или Эйфелевой башни, и т. п. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории.



В. П. Верещагин. Потоп



Борьба богов с титанами (из пергамских обломков). Берлинские музеи

Но уровень пассионарности в этносе не остается неизменным (см. схему на с. 17). Этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Первая фаза – фаза пассионарного подъема этноса, вызванная пассионарным толчком. Важно заметить, что старые этносы, на базе которых возникает новый, соединяются как сложная система. Из подчас непохожих субэтнических групп создается спаянная пассионарной энергией целостность, которая, расширяясь, подчиняет территориально близкие народы. Так возникает этнос. Группа этносов в одном регионе создает суперэтнос (так, Византия – суперэтнос, возникший в результате толчка в I в. н. э., – состоял из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовал до XV в.). Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около

1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза.

Наибольший подъем пассионарности – акматическая фаза этногенеза – вызывает стремление людей не создавать целостности, а, напротив, «быть самими собой»: не подчиняться общим установлениям, считаться лишь с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резней, что ход этногенеза на время тормозится.

Постепенно вследствие резни пассионарный заряд этноса сокращается, ибо люди физически истребляют друг друга. Начинаются гражданские войны, и такую фазу мы назовем фазой надлома. Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства. Но внешний расцвет культуры соответствует спаду пассионарности, а не ее подъему. Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстанавливается видимое равновесие.

Этнос начинает жить «по инерции», благодаря приобретенным ценностям. Эту фазу мы назовем инерционной. Вновь идет взаимное подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ.

Постепенно пассионарность иссякает. Когда энергии в системе становится мало, ведущее положение в обществе занимают субпассионарии – люди с пониженной пассионарностью. Они стремятся уничтожить не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией. А после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза – мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Затем исчезает и память: приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с родным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой. Пассионарности людей в этой фазе хватает лишь на то, чтобы поддерживать налаженное предками хозяйство.

Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза – процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли.

Часть первая

Киевская держава

Глава I

Славяне и их соседи

Две Европы

Попробуем посмотреть с точки зрения сказанного выше на этническую историю нашей страны. В те века, когда начиналась история нашей Родины и ее народов, человечество населяло Землю крайне неравномерно. При этом одни народы жили в горах, другие – в степях или глухих лесах, третьи – на берегах морей. И все создавали совершенно особые культуры, непохожие друг на друга, но связанные с теми ландшафтами, которые их кормили. Понятно, что лесовики могли продуктивно заниматься охотой, например, добывать меха и, продавая их, получать все то, чего им не хватало. Но этого не могли делать ни обитатели знойного Египта, где пушных животных не было, ни насельники Западной Европы, где горностаи были столь редки, что их мех шел лишь на королевские мантии, ни степняки, занимавшиеся скотоводством. Зато у степняков были в изобилии молоко и мясо, они делали вкусный и питательный непортящийся сыр и могли продавать его. Кому? Да лесовикам, изготавливавшим из дерева телеги, на которых могли ездить степняки. А самое главное, обитатели лесов делали деготь, без которого не вращались колеса степных телег. У жителей Средиземноморского побережья имелись великолепная рыба и оливки, на склонах Апеннин и Пиренеев паслись козы. Итак, у каждого народа был свой способ ведения хозяйства, свой способ поддержания жизни. Следовательно, мы должны начать изучение истории народов с описания природы и климата территорий, на которых они живут. Деление на географические районы часто бывает условно и не всегда совпадает с делением на климатические области. Так, Европа разделена воздушной границей, соответствующей изотерме января, которая проходит через Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину до Черного моря. К востоку от этой границы средняя температура января – отрицательная, зима холодная, морозная, часто сухая, а западнее преобладают влажные теплые зимы, при которых на земле слякоть, а в воздухе туман. Климат в этих регионах совершенно различный.



Карта Римской империи на рубеже IV–V вв. и Великого переселения народов



Карта Европы Николая Вишера

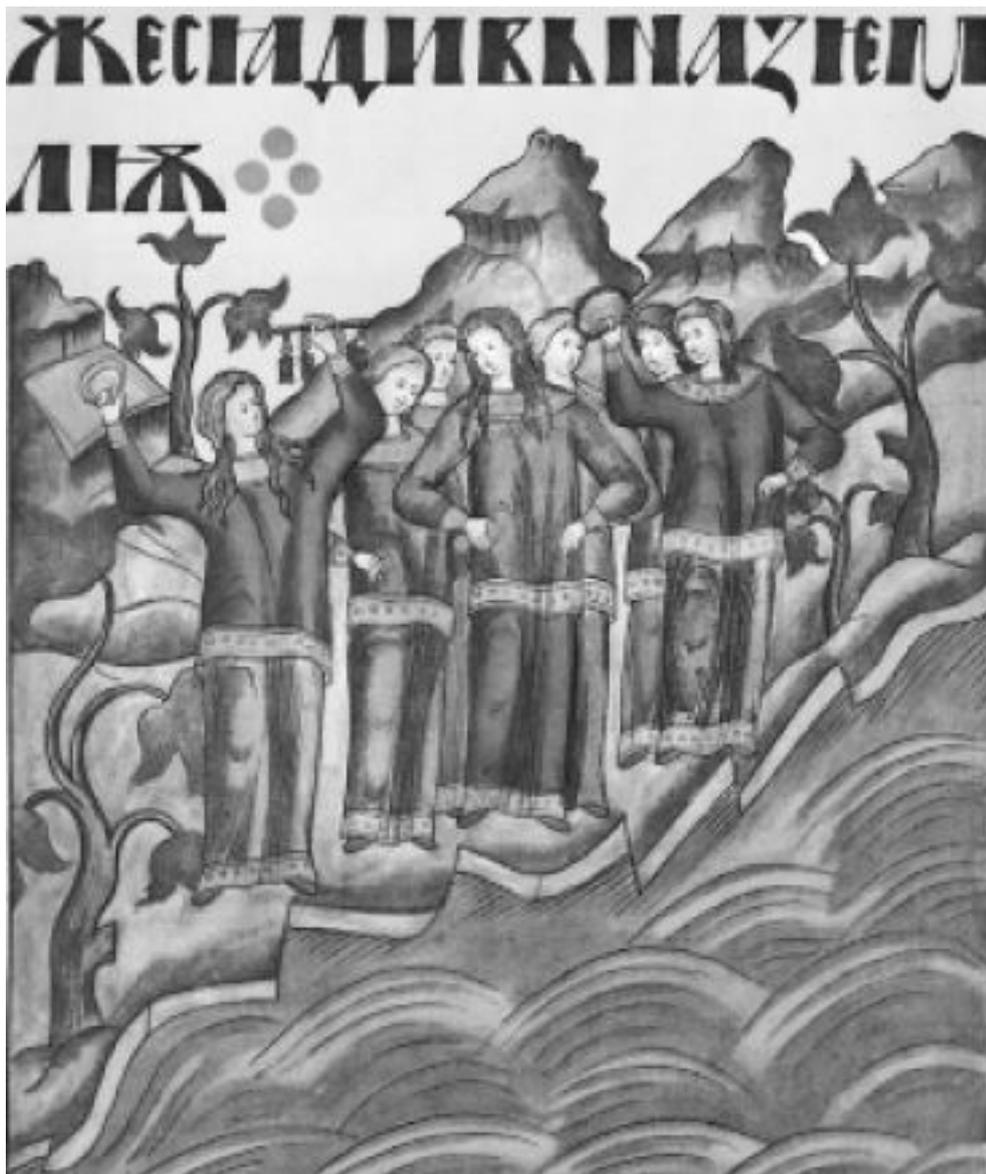
Великий ученый, академик А. А. Шахматов, который начал практическое изучение русских летописей, исследуя историю русского языка и его диалекты, пришел к выводу, что древние славяне зародились в верховьях Вислы, на берегах Тисы и на склонах Карпат.¹ Это современные восточная Венгрия и южная Польша. Таким образом, наши предки-славяне появились и впервые оставили свой след в истории на границе двух климатических областей (западно-европейской – влажной и восточноевропейской – сухой с континентальным климатом), и эта территория нам особенно интересна.

Готы

Во времена Великого переселения народов славяне продвинулись к западу, северу и югу до берегов Балтийского, Адриатического и Эгейского морей. С запада их соседями были германские племена. На северо-востоке Европы со славянами соприкасались так называемые балты: литовцы, латыши, пруссы, ятвяги. Это очень древние народы, заселившие прибалтийскую территорию, когда оттуда ушел ледник. Они заняли почти пустые места и распространились довольно широко, примерно от сегодняшней Пензы и до Щецина. Северо-восточнее жили финские племена. Их было много: и суоми, и эсты, и «чудь белоглазая» (так звали одно из этих племен на Руси). Дальше жили зыряне, чудь заволоцкая и много других народов.

Все было, как уже говорилось, достаточно стабильно до II в. н. э., когда в результате пассионарного толчка началось Великое переселение народов. А началось оно так. От берегов южной Швеции, которая называлась тогда Готия, отошли три готские эскадры с храбрыми воинами – остготами, визиготами и гепидами. Они высадились в устье Вислы, поднялись к ее верховьям, дошли до Припяти, миновали приднепровские степи и вышли к Черному морю. Там готы – народ, привычный к мореплаванию, – построили корабли и начали совершать набеги на бывшую Элладу – Грецию. Захватывая города, готы грабили их, а жителей брали в плен. Греция принадлежала в то время Римской империи, и император Деций – страшный гонитель христиан, очень хороший полководец и смелый человек – выступил против готов, которые уже пересекли Дунай и вторглись на территорию Византии. Великолепная римская пехота, хорошо обученная, вооруженная короткими мечами, более удобными в бою, чем длинные, столкнулась с одетыми в шкуры готами, которые были вооружены длинными копьями. Казалось бы, у готов не было шансов на победу, но, к удивлению современников, римская армия была полностью разбита, потому что готы, умело маневрируя, завели ее в болото, где римляне увязли по щиколотки. Легионы лишились маневренности; готы кололи римлян копьями, не давая тем возможности вступить в бой. Погиб и сам император Деций. Это случилось в 251 г.

¹ Существуют и иные версии происхождения славян. Однако вносимые ими коррективы не меняют общей картины нашего исследования. – *Здесь и далее прим. авт.*



«Готские девы». Миниатюра из «Слова о полку Игореве». Список 1912 г.



Карта Юго-Восточной Азии. 1620 г.

Готы стали хозяевами устья Дуная (где поселились визиготы) и современной Трансильвании (где поселились гепиды). Восточнее, между Доном и Днестром, воцарились остготы. Их царь Германарих (IV в.), очень воинственный и храбрый человек, подчинил себе почти всю Восточную Европу: земли мордвы и мери, верховья Волги, почти все Поднепровье, степи до Крыма и сам Крым.

Могучее государство готов погубило, как это нередко бывало, из-за измены подданных и жестокости правителя. Германариха покинул один из вождей подвластных готам племени росомонов. Не терпевший измены, страшный в своей ярости старый король приказал разорвать дикими конями жену вождя. «Так страшно убить нашу сестру!» – возмутились братья погибшей, Сар и Амми. И вот однажды на королевском приеме они подошли к Германариху и, выхватив из-под одежды мечи, пронзили его. Но не убили: стража успела заколоть их раньше. Однако Германарих от ран не оправился, все время болел и бразды правления потерял. А в это время с востока надвигался страшный враг – гунны.

Хунны и гунны

Предки гуннов, хунны, были небольшим народом, сложившимся в IV в. до н. э. на территории Монголии. В III в. до н. э. они переживали тяжелые времена, так как с востока на них давили кочевники-сяньби, с запада нажимали согдийцы, которых китайцы называли юечжи. Неудачными оказались и попытки хуннов принять участие в китайских междоусобицах. В Китае тогда шло объединение страны, известное в китайской историографии как «война царств». Из семи царств осталось одно, при этом погибло две трети населения страны. С китайцами, которые пленных не брали, лучше было не связываться. Хунны оказались союзни-

ками побежденных, и получилось так, что первый хуннский шаньюй (правитель) платил дань и восточным, и западным соседям, а южные плодородные степи уступил Китаю. Но тут сказались последствия пассионарного толчка, формирующего этнос.

Хуннский царевич по имени Модэ не был любим своим отцом. Его отец, шаньюй, как все хунны и все кочевники имевший несколько жен, очень любил младшую жену и сына от нее. Он решил послать нелюбимого Модэ к согдийцам, потребовавшим от хуннов заложника. Далее царь замыслил совершить набег на Согдиану, чтобы толкнуть согдийцев на убийство сына. Но тот угадал намерения отца, и, когда шаньюй начал набег, царевич убил своего стражника и бежал. Его побег произвел такое впечатление на хуннских воинов, что они сошлись во мнении: Модэ достоин многого. Отцу пришлось поставить нелюбимого сына во главе одного из уделов государства.



Всадники. Китай, Северная Ци



Почетный караул. Гробница Ли Сяня. Китай, Тан

Модэ приступил к обучению воинов. Он стал применять свистящую стрелу (в ее наконечнике делались отверстия, и при выстреле она свистела, подавая сигнал). Однажды он приказал воинам наблюдать, куда он пустит стрелу, и стрелять из луков в том же направлении. Приказал и вдруг пустил стрелу в... своего любимого коня. Все ахнули: «Зачем же убивать прекрасное животное?» Но тем, кто не выстрелил, отрубили голову. Потом Модэ выстрелил в своего любимого сокола. Тем, кто не стрелял в безобидную птицу, также отрубили голову. Потом он выстрелил в свою любимую жену. Нестрелявших – обезглавили. А потом, во время

охоты, он встретил шаньюя, своего отца, и... выпустил стрелу в него. Шаньюй мгновенно превратился в подобие ежа – так утыкали его воины Модэ стрелами. Не стрелять не рискнул никто.

Модэ стал царем в 209 г. до н. э. Он договорился о мире с согдийцами, но от него потребовали дань восточные кочевники, которые назывались дун-ху. Сначала они пожелали получить самых лучших лошадей. «Тысячелийный конь» (ли – китайская мера длины, приблизительно равная 580 м) – так красиво назывался быстроногий жеребец. Некоторые хунны говорили: «Нельзя отдавать скакунов». «Не стоит воевать из-за коней», – не одобрил их Модэ и тем, кто не хотел отдавать коней, отрубил, по своему обыкновению, головы. Затем дун-ху потребовали прекрасных женщин, в том числе и жену царя. Тем, кто заявил: «Как можно отдать наших жен!» – Модэ отрубил головы, сказав: «Жизнь наша и существование государства стоят дороже, чем женщины». Наконец, дун-ху потребовали кусок пустой земли, которая служила границей между ними и хуннами. Это была пустыня на востоке Монголии, и некоторые считали: «Эта земля не нужна, ведь мы на ней не живем». Но Модэ сказал: «Земля – основание государства. Землю нельзя отдавать!» И отрубил им головы. После этого приказал воинам немедленно двинуться в поход на дун-ху. Он победил их, потому что хунны стали подчиняться ему беспрекословно.

Затем Модэ вступил в войну с Китаем. Казалось бы, эта война была не нужна. Кочевники жили в степи, а китайцы обитали южнее, за своей Великой стеной, во влажной и теплой муссонной долине. Но у хуннов были причины напасть на Китай.

Войско Модэ окружило передовой отряд китайцев, с которым находился сам император Лю Бан. Хунны все время обстреливали китайский отряд из луков, не давая ему передышки. Китайский император запросил мира. Некоторые из вельмож Модэ предлагали убить врага, но Модэ ответил: «Глупцы, зачем нам убивать этого китайского царя – они выберут себе нового. Пусть он живет. Ведь основные силы китайцев стоят в арьергарде, мы с ними еще не воевали». И Модэ заключил с этим императором, основателем династии Хань, договор «мира и родства» (198 г. до н. э.). Это означало, что обе стороны будут жить, не покушаясь на земли друг друга. Хунны привыкли кочевать в степи, их не смущал холод. А китайцы любили мягкий климат долины Хуанхэ и совершенно не собирались выходить в степь.

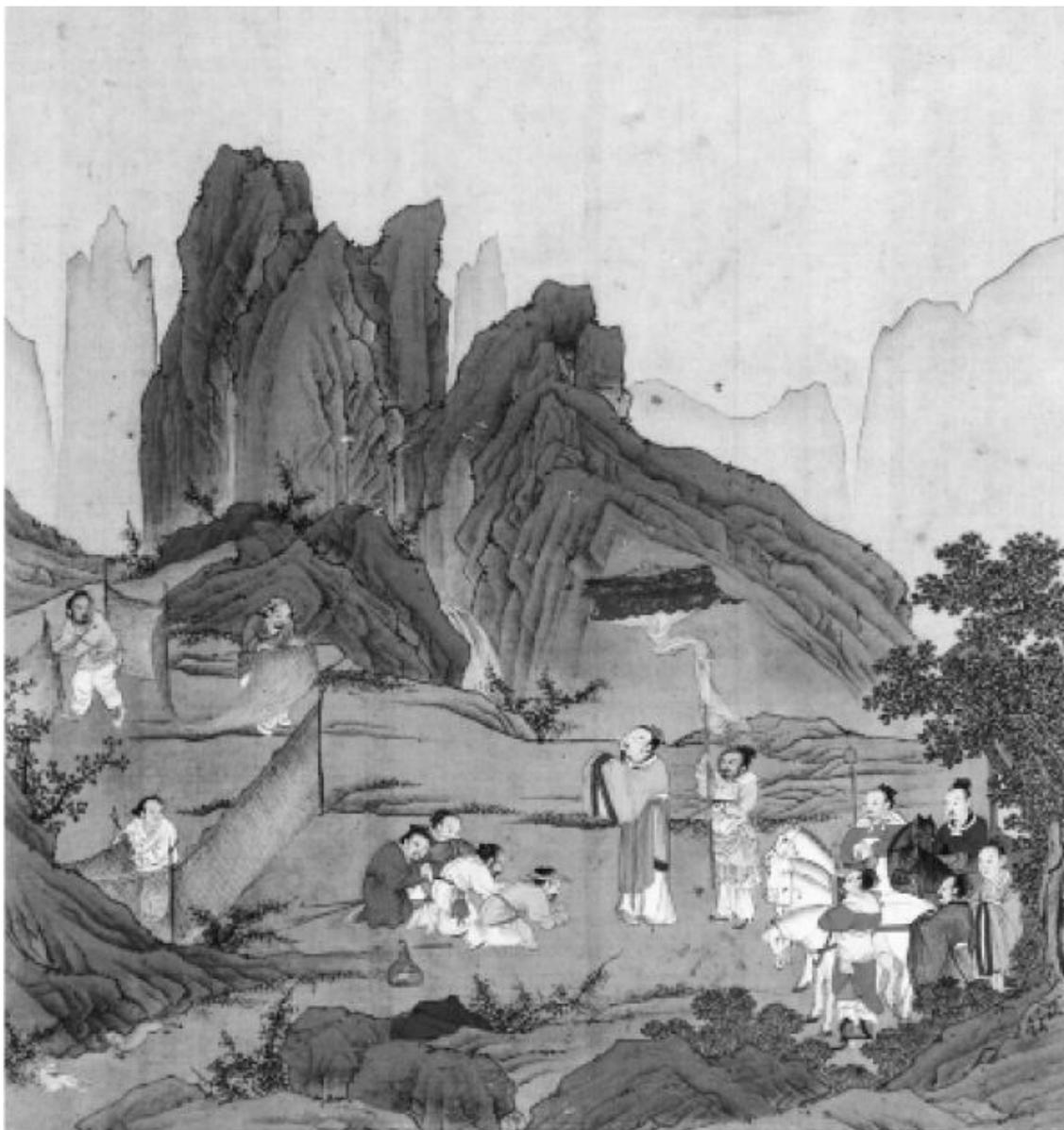
В это время китайцы уже научились изготавливать шелк – драгоценный товар древности. Была достигнута договоренность, что хунны дают китайцам лошадей, а китайцы платят за коней шелком. Шелк в те времена был крайне нужен и оседлым народам, и кочевникам. Людей мучили насекомые-паразиты, спасением от которых были только шелковые одежды. И если какая-нибудь хуннка получала шелковую рубашку, ей уже не приходилось все время чесаться.



Фреска из гробницы Ли Сяня эпохи Тан

С помощью согдийских купцов китайский шелк покупали и римляне. У них была та же беда. Мыла в ту пору не было, и римляне натирали тело маслом, затем счищали его скребками вместе с грязью, а после распаривались в горячей ванне. Однако мерзкие паразиты через некоторое время появлялись вновь. Красавицы-римлянки, соблазнительные и влиятельные, требовали у мужей и поклонников шелковые туники. Эти туники стоили безумно дорого, почти так же дорого, как золото. Римляне тратили на шелк огромные деньги, покупая его у купцов-посредников в Иране и Сирии, дарили своим женам, любовницам и... не имели средств расплатиться со своими солдатами. Из-за неуплаты жалованья солдаты поднимали восстания. Императоры и вельможи гибли в огне мятежей, но эта страшная политика, погубившая Рим, продолжалась еще двести лет (I–III вв.).

Очень неприятная ситуация была и в Китае. Китайцы получали за шелк или лошадей от степняков, или предметы роскоши из Средиземноморья. Кораллы, пурпурная краска, драгоценности доставались знати, а шелк брали у крестьян. Все желали получить как можно больше драгоценного товара, чтобы, продав его, ублажить своих жен и дочерей. Естественно, что у китайцев развилась система, при которой все делалось, как бы сегодня сказали, «по благу». Все жены и наложницы императора (а императору полагался гарем) стали протаскивать своих родственников на должности правителей и начальников. Эти родственники, получив право на управление какой-либо областью, немедленно начинали прижимать крестьян, чтобы добыть деньги на взятки.



Тан отпускает птиц. Акварель XVII в.



Фреска из гробницы. Китай, Тан

Их преступления, естественно, не могли оставаться секретом для правительства: китайцы все время писали друг на друга доносы, благо среди них было много грамотных. Наместников время от времени казнили. Но те, предвидя горькую судьбу, закапывали в землю клады, сообщая места своим детям. И потому правительство, хорошо зная нравы соотечественников, стало казнить не только преступника, но и всю его семью.

Итак, торговля шелком оказалась губительной для обеих империй – Римской и Китайской.

Между тем противостояние Хунну и Китая продолжалось. И хотя в Китае было 50 миллионов населения, а всех хуннов – около трехсот тысяч, борьба, вызванная потребностью кочевников в шелке, муке и железных предметах, шла на равных. Кони китайцев были намного хуже, чем скакуны степняков. Экспедиции в хуннские степи обычно заканчивались гибелью конных китайских отрядов. Когда китайцам удалось узнать, что в Средней Азии есть «небесные жеребцы» – породистые кони, похожие на лошадей арабской породы, – они отправили туда военную экспедицию. Осадив город Гуйшан (район современной Ферганы), китайцы потребовали выдачи лучших жеребцов. Осажденные уступили, и китайцы, вернувшись с добычей, приступили к разведению новой породы. Преуспев в этом деле, они стали совершать удачные набеги на хуннов. Мало того, они уговорили соседей-кочевников с востока, севера и запада выступить против хуннов.

В 93 г. хуннский шаньюй проиграл решающую битву, бежал на запад и пропал без вести. Держава хуннов развалилась на части. Одни племена рассеялись в южносибирских степях, другие ушли в Китай, ибо в это время в Великой степи наступила засуха. Стала расширяться пустыня Гоби на севере Китая, и хунны смогли передвинуться на засохшие китайские поля, где образовались милые их сердцу сухие степи. Часть же хуннов направилась в Среднюю Азию и дошла до Семиречья (район современной Алма-Аты). Здесь и осели «малосильные» хунны. Самые отчаянные двинулись на запад. Они прошли через весь Казахстан и в 50-х годах II в. вышли к берегам Волги, потеряв при этом большую часть своих женщин. Те физически не смогли вынести такой переход, да и из мужчин выжили лишь самые крепкие.

Хунны быстро освоились в новых, удобных для скотоводства местах, где их никто не трогал. Женщинами они обзавелись, сделав набег на аланов, а объединившись и породнившись с народом вогулов (манси), хунны создали новый этнос – западных гуннов, так же мало похожих на старых азиатских хуннов, как тexasские ковбои на английских фермеров. Эти западные гунны (для простоты мы их будем называть гуннами) начали войну с готами.



Тюркские и монгольские ткани и украшения



Воин из усыпальницы Ци Ши Хуан-ди

Сначала гунны завершили разгром аланов, истощив их силы бесконечной войной. Государство гуннов расширилось и заняло просторы между реками Урал (Яик) и Дон. Готы пытались удержаться на рубеже Дона, но они были обессилены изнурительной борьбой со славянами. Поэтому, когда гунны через Керченский пролив, Крым и Перекоп вышли готам в тыл, те побежали. Остготы покорились гуннам, визиготы, переправившись через Дунай, оказались в Римской империи. Гибель державы готов обеспечила свободу действий славянам. Но память о былом господстве в южнорусских степях готов, некогда захвативших славянского вождя Божа и распявших 70 славянских старейшин, сохранилась.

Вернемся к готам, укрывшимся в Византии. Они исповедовали христианство по арианскому обряду,² а в Восточной Римской империи восторжествовало никейское православие. Союза и дружбы не получилось. Римляне потребовали, чтобы переходящие Дунай готы сдавали оружие, и те согласились. Но, когда императорские чиновники стали обирать готов, требовать с них взятки, отнимать жен, детей и имущество, оказалось, что готы сохранили достаточно оружия, чтобы поднять восстание. В 378 г. при Адрианополе восставшие сразились с римлянами, разбили их, убили императора Валента и подошли к стенам Константинополя. Хотя город был хорошо укреплен, у готов были все шансы его взять. Однако римлянам помог странный случай.

В римской армии был отряд конных арабов. Всадники кружили вокруг пеших готов. Один из готов отстал, и арабский всадник нагнал его и, ударив копьем, сбил с ног. Затем, спрыгнув с коня, перерезал врагу горло, напился крови, закинул голову и... завыл. Испуганные готы решили, что это оборотень. Они отступили от Константинополя и отправились грабить Македонию и Грецию. Усмирить их оказалось нелегко даже Феodosию Великому. Но мы оставим готов сводить счеты с Римской империей и вернемся в Восточную Европу к славянам и русам.³

² *Арианство* – учение александрийского священника Ария (256–336), по которому Бог-Сын (Христос) не равен Богу-Отцу, а лишь подобен Ему. Это учение было осуждено на соборе в Никее в 325 г.

³ Существуют различные гипотезы о происхождении русов, которых на разных языках называли по-разному: рутены, росы, руги. Автор склонен видеть в них племя древних германцев.



Территории, занимаемые скифами и славянами. VII–III вв. до н. э.

Славяне участвовали в готско-гуннской войне и, естественно, на стороне гуннов. К несчастью для гуннов и славян, великий вождь и завоеватель Атила в 453 г. заболел и умер. После него осталось 70 детей и молодая вдова, даже не потерявшая невинность. Возник вопрос о наследнике: все сыновья Атилы претендовали на престол отца, а покоренные племена поддерживали разных царевичей. Большинство гуннов встало на сторону вождя Эллака, но против него выступили гепиды и остготы. В битве при Недао (славянское название этой реки – Недава) гунны были разбиты и Эллак погиб (454). Попытки гуннов бороться с византийцами привели их к поражению на Нижнем Дунае. На востоке, в Поволжье, гуннов разбили (463) и подчинили себе сарагуры. Часть уцелевших гуннов ушла на Алтай, другие – на Волгу, где, смешавшись с аборигенами, они образовали народ чувашей. Место действия осталось пустым.

Рождение Киевской державы

В VI–VIII вв. славяне – народ сильный и энергичный – имели большие успехи. Население множилось не столько за счет моногамных браков, сколько благодаря пленным наложни-

цам. Славяне распространились на север, где их звали венеды (это слово поныне сохранилось в эстонском языке). На юге их звали склавины, на востоке – анты. Украинским историком М. Ю. Брайчевским установлено, что греческое слово «анты» значит то же, что славянское «поляне». Сохранилось слово женского рода «поляница» в значении «богатырша». Но слово «поляне» в аналогичном значении сегодня не используется, так как тюркское слово «богатырь» вытеснило его из употребления.

К VI в. славяне заняли Волынь (воляныне) и южные степи вплоть до Черного моря (тиверцы и уличи). Заняли славяне также и бассейн Припяти, где поселились древляне, и южную Белоруссию, где осели дреговичи («дрягва» – болото). В северной части Белоруссии расселились западные славяне – венеды. Кроме того, уже в VII или VIII в. два других западно-славянских племени – радимичи и вятичи – распространились на юг и восток до Сожа, притока Днепра, и до Оки, притока Волги, поселившись среди местных угро-финских племен.

Для славян было бедствием соседство с древними русами, которые сделали своим промыслом набеги на соседей. В свое время русы, побежденные готами, бежали частично на восток, частично на юг – в низовья Дуная, откуда они пришли в Австрию, где попали в зависимость от герулов Одоакра (дальнейшая судьба этой ветви нам неинтересна). Часть русов, ушедшая на восток, заняла три города, которые стали опорными базами для их дальнейших походов. Это были Куяба (Киев), Арзания (Белоозеро?) и Старая Руса. Русы грабили своих соседей, убивали их мужчин, а захваченных в плен детей и женщин продавали купцам-работорговцам.

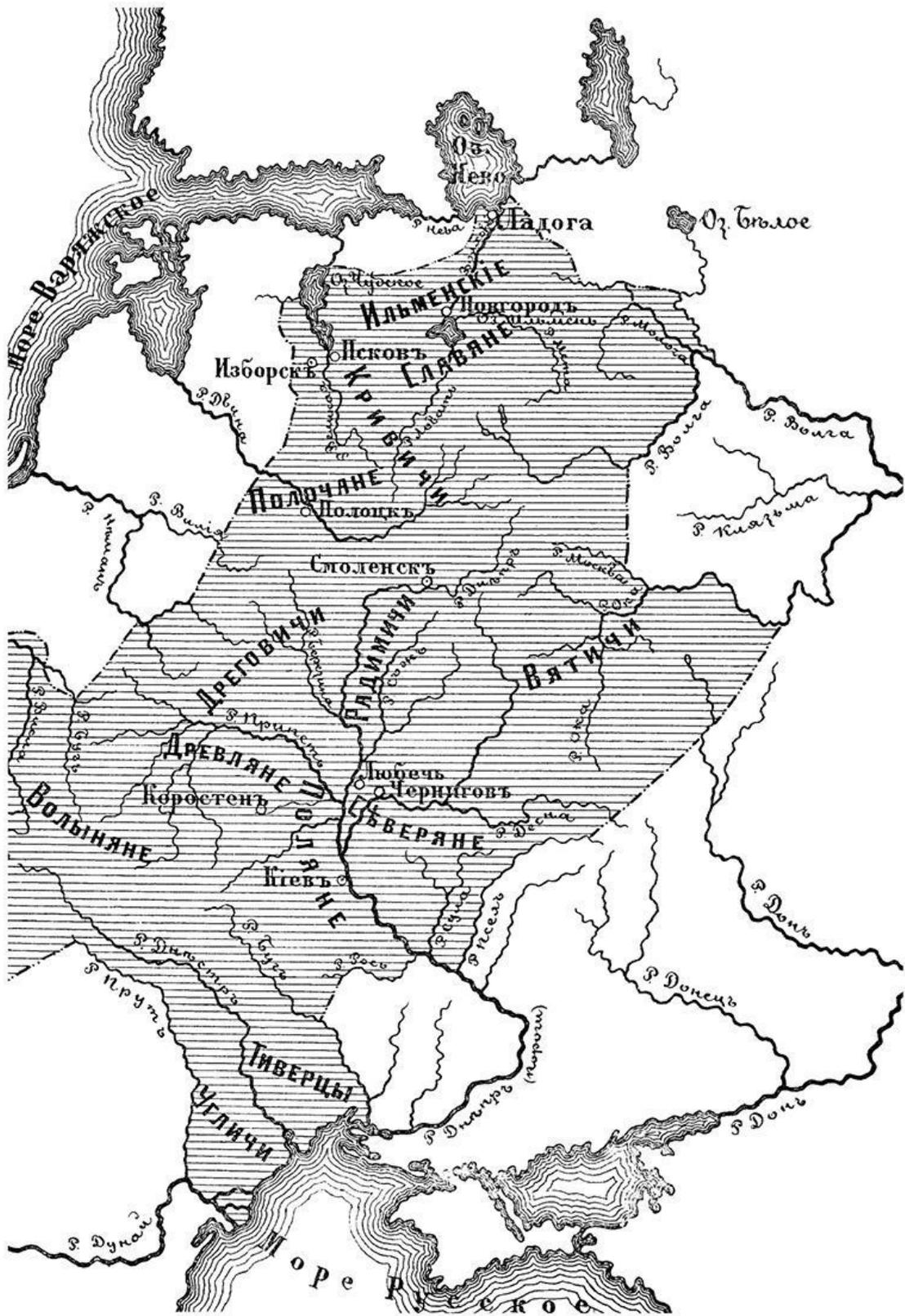


Торг у древних славян

Славяне селились небольшими группами в деревнях; обороняться от русов, оказавшихся жуткими разбойниками, им было трудно. Добычей русов становилось все ценное. А ценным тогда были меха, мед, воск и дети. Неравная борьба длилась долго и закончилась в пользу русов, когда к власти у них пришел Рюрик.

Биография Рюрика не проста. По «профессии» он был варяг, то есть наемный воин. По своему происхождению – рус. Кажется, у него были связи с южной Прибалтикой. Он якобы ездил в Данию, где встречался с франкским королем Карлом Лысым. После, в 862 г., он вернулся в Новгород, где захватил власть при помощи некоего старейшины Гостомысла. (Мы не знаем точно, означает ли слово «Гостомysl» собственное имя человека или нарицательное обозначение того, кто «мыслит», то есть сочувствует, «гостям» – пришельцам.) Вскоре в Новгороде вспыхнуло восстание против Рюрика, которое возглавил Вадим Храбрый. Но Рюрик убил Вадима и вновь подчинил себе Новгород и прилегающие области: Ладогу, Белоозеро и Изборск.

Существует легенда о двух братьях Рюрика, Синеусе и Труворе, возникшая в результате непонимания слов летописи: «Рюрик, его родственники (*sine hus*) и дружинники (*thru voring*)». Дружинников Рюрик посадил в Изборске, родственников отправил дальше, на Белоозеро, сам, опираясь на Ладогу, где был варяжский поселок, сел в Новгороде. Так, путем подчинения окрестных славян, финно-угров и балтов, он создал свою державу.



Расселение славян в IX в.



В. М. Васнецов. Варяги

Согласно летописи, Рюрик умер в 879 г., оставив сына, которого звали Игорь, по-скандинавски Ингвар, то есть «младший». Поскольку Игорь, по словам летописца, был «детескъ вельми» («очень мал»), по смерти Рюрика власть принял воевода по имени Хельги, то есть Олег. «Хельги» – это было даже не имя, а титул скандинавских вождей, означавший одновременно «колдун» и «военный вождь». Олег с воинами двинулся по великому пути из «варяг в греки»: из Новгорода к югу по речке Ловать, где была переволока, и дальше по Днепру, попутно заняв Смоленск. Варяги Олега и малолетнего Игоря подошли к Киеву. Тогда там жили славяне и стояла небольшая русская дружина Аскольда. Олег выманил Аскольда и вождя славян Дира на берег Днепра и там предательски убил их. После этого киевляне без всякого сопротивления подчинились новым властителям. Это произошло в 882 г. Олег занял Псков и в 883 г. обручил малолетнего Игоря с псковитянкой Ольгой. Ольга – это женский род имени Олег. Здесь мы, скорее всего, вновь сталкиваемся с титулом, не зная настоящего имени исторического лица. Вероятно, Ольга, как и Игорь, во время обручения была ребенком.

К IX в. раскол славянского единства привел к созданию новых, ранее не существовавших народов. В результате смешения славян с иллирийцами появились сербы и хорваты, а во Фракии смешение с пришлыми кочевниками положило начало болгарскому этносу. Какие-то славянские племена проникли в Грецию и Македонию, дойдя до Пелопоннеса, который они называли Мореей (от слова «море»). Растущая пассионарность славян разбросала их по всей Европе.



Князь Рюрик. Гравюра 1805 г.



Князь Олег. Гравюра 1805 г.



Князь Игорь. Гравюра 1805 г.



Княгиня Ольга. Гравюра 1805 г.



К. В. Лебедев. Убиение Аскольда и Дира Олегом

Глава II Славяне и их враги

В низовьях Волги

По соседству с Киевской державой в Восточной Европе зарождалось могучее государство – Хазарский каганат. История его заслуживает внимания. Сами хазары были одним из замечательных народов той эпохи. Первоначально их поселения сосредоточивались в низовьях Терека и по берегам Каспия. В то время уровень воды в Каспийском море находился на отметке –36, иными словами, на 8 м ниже, чем сейчас. Оттого очень большой была территория волжской дельты, доходившей до полуострова Бузачи – продолжения Мангышлака. Это были настоящие каспийские Нидерланды, изобиловавшие рыбой.

Хазары – кавказское племя, жившее на территории современного Дагестана. Автору этих строк доводилось находить в низовьях Волги их скелеты; казалось, они принадлежат подросткам. Длина скелета составляет около 1,6 м, сами кости мелкие и хрупкие. Подобный антропологический тип сохранился у терских казаков. Следы обитания хазар у Каспия сейчас скрыты наступившим морем, и лишь дагестанский виноград, принесенный хазарами с Кавказа в дельту Волги, остался свидетельством их миграции.

Врагами прикаспийских хазар были степняки-буртасы и булгары. И тех и других в VI в. подчинили себе тюрки. В начавшейся у победителей династической распри одни тюрки оперлись на булгар, другие на хазар. Победили хазары и их союзники. Степные булгары бежали на Среднюю Волгу, где основали город Великий Булгар. Другая часть булгарской орды во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай, где, смешавшись с южнославянскими племенами, положила начало новому народу – болгарам. Но нам сейчас интересны хазары.

У хазар не было государственной власти. Сейчас от языка этого племени сохранилось одно слово, служившее названием крепости, – Саркел, что значит «белый дом». Тюркские, финно-угорские и славянские языки не знают ничего похожего на это имя.



В. М. Васнецов. Бой скифов со славянами



Карта Хазарского каганата в X в.

В VII–VIII вв. хазары подверглись натиску наступавших через Кавказ арабов. В этой войне им помогли тюрки – народ очень храбрый и воинственный. Именно они первыми в Центральной Азии освоили мощное оружие конника – саблю. И было для чего. Тюрки вели частые войны с Китаем, где правила династия Тан.

Династия Тан (618–907) управляла Китаем талантливо и успешно. Рис при танских правителях стоил дешевле, чем когда бы то ни было. Китайцы активно общались со своим «Западом»: тюрками, согдийцами, тибетцами и даже арабами. Представители династии Тан мечтали о создании обширной азиатской империи, которая включала бы не только Среднюю равнину (нынешний Китай), но и степи Монголии, леса Маньчжурии и оазисы Согдианы. Борьба Тан за имперскую власть над Азией началась победой над тюрками в середине VII в.

Представитель разбитой тюркской династии убежал к хазарам. Хазары приняли его и... сделали своим ханом. Хан-тюрк их очень устраивал. Он кочевал со своей ставкой в низовьях Волги, между нынешними Волгоградом и Астраханью, весной откочевывал на Терек, лето проводил между Терекком, Кубанью и Доном, а с приходом холодов возвращался на Волгу. Хазарам не приходилось содержать своего хана. Он не требовал с них налогов, кормясь собственным кочевым хозяйством. Хан и пришедшая с ним военная знать, удовлетворяясь дарами подданных, не вводили системы поборов и не занимались торговлей. Тюркские ханы и беки, возглавив хазар, ставших к тому времени совсем невоинственными, организовали их защиту от арабов.

Те наступали из Азербайджана через Дербент на Терек и Волгу. Тюрки – народ воинов – защищали хазар от врагов и совместно с ними образовали в Прикаспии небольшое государство.

И вот это тюркско-хазарское государство испытало внедрение иного народа с иными традициями и культурой.

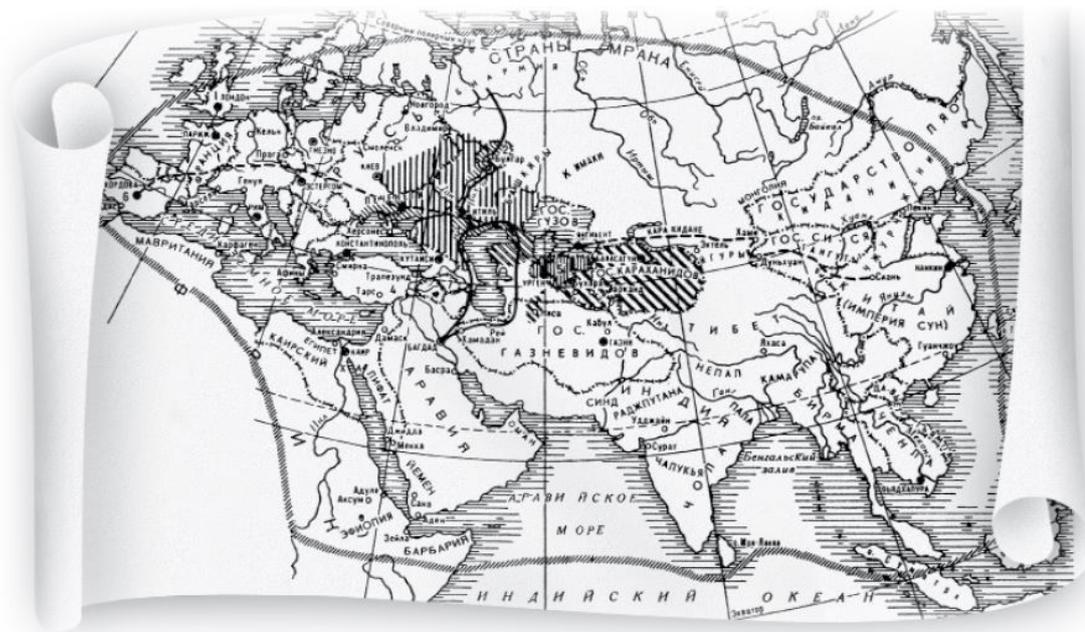
Пришельцы с юга

Изучая историю различных народов, мы постоянно сталкиваемся с повторяющимися явлениями огромного значения – миграциями населения. Миграции сильно разнятся. Случается, что народ переселяется на чужую территорию и хорошо к ней приспосабливается. Именно так распространялись славяне с верховьев Вислы до берегов Балтийского, Адриатического и Эгейского морей. Они сумели обосноваться везде: это был молодой, сильный и очень активный народ. Другие народы, переселившиеся в районы с непривычными для них климатом и природными условиями, исчезли. Они или вымерли, или смешались с местным населением. Так в Южной Франции, в Испании, Северной Африке закончились исторические судьбы вандалов, свевов, готов.

Была и еще одна форма миграции: группа купцов или отряд завоевателей создавали свою колонию на чужой территории. Так англичане колонизировали Индию. Они зарабатывали там деньги, отнюдь не становясь индусами, а потом возвращались в Англию. И французы в своих африканских колониях не превращались в негров. Поработав и послужив в Африке, они возвращались в Париж.

Для хазар колонизаторами стали представители персидской и византийской ветвей еврейского народа.

В Иране евреи появились во II в., после поражения, нанесенного им римлянами в иудейских войнах. Персы охотно приняли евреев как врагов Рима и расселили их по ряду городов. Так образовались еврейские колонии в городах Исфахане и Ширазе, а также в Армении и Азербайджане.



-  – Территории важнейших государств Средней Азии в X – начале XI в.
-  – Территории, зависимые от Хорезма
-  – Союзники Хорезма
-  – Страны, известные народам Средней Азии в X–XI вв.
-  – Территория Хазарии
-  – Караванные пути

Цифрами на карте обозначены:

- 1 – Англия
- 2 – Волжская Булгария
- 3 – Хазарский каганат
- 4 – Византийская империя
- 5 – Хорезм
- 6 – Кордовский халифат
- 7 – Армения

Границы государств даны на начало XI в.

Политическая панорама X–XI вв.

Но в V в. в Персии произошли события драматические и для персов, и для пришлых народов. При шахе Каваде его визирь Маздак возглавил движение, которое по его имени называется маздакитским. Маздак был находчивый политик и во время очередного голода в стране выдвинул простую программу борьбы с кризисом. Суть ее состояла в следующем. В мире существуют добро и зло. Добро – это Разум, а зло – неразумие, инстинкты. Представляется неразумным существование богатых и бедных, когда одни имеют гаремы, много хороших лошадей и дорогого оружия, проводят время в пирах и на охоте, а другие голодают. Поэтому будет справедливо казнить тех, у кого много имущества, а их добро и гаремы раздать бедным.



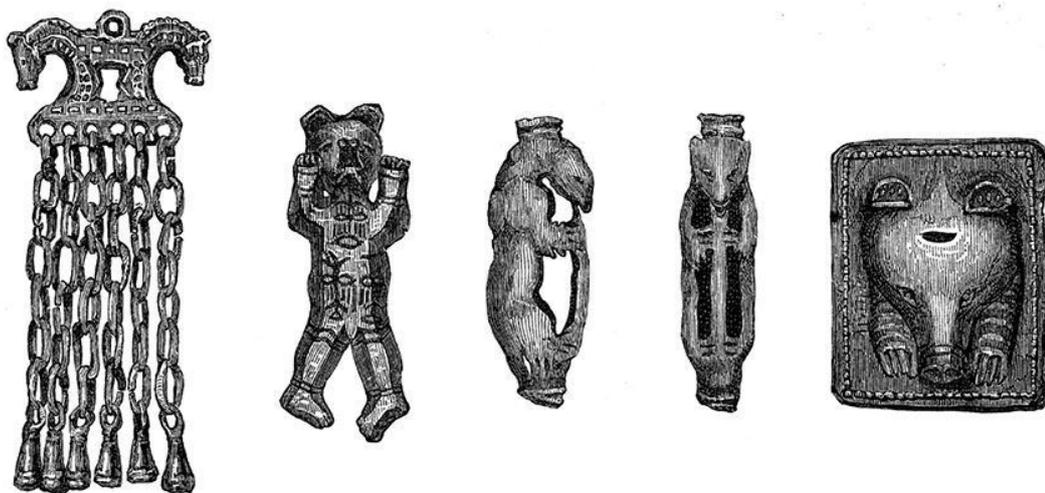
Евреи времен патриархов

Маздак начал осуществлять эту программу, но бедных было много, и всем добра богатых не досталось. Досталось только сторонникам Маздака – маздакитам. Персы согласились бы отдать за собственную жизнь и земли, и оружие, и коней, но им было жаль своих жен. Они выражали недовольство – в ответ следовали казни. Сам шах был арестован маздакитами. Но он бежал к степнякам-эфталитам и вернулся с их войском. Его сын, энергичный Хосров, мобилизовал степняков-саков. Поднялись все, недовольные маздакитами, поднялись многочисленные дети казненных. В 529 г. Хосров взял власть в свои руки, повесил Маздака и расправился с его сторонниками. Их живьем закапывали в землю вертикально и при этом вниз головой.

Казалось бы, какое это имеет отношение к евреям? А самое прямое. Евреи принимали активное участие в этих событиях. Одни были сторонниками шаха Хосрова, другие – маздакитами. После победы Хосрова уцелевшие маздакиты, персы и евреи, бежали в Азербайджан.

Спасшиеся евреи поселились к северу от Дербента на широкой равнине между Терекком и Сулаком. Тем временем в Византии освоились евреи, бывшие противниками маздакитов и бежавшие из Ирана в период торжества Маздака. Они были приняты греками, хотя и без всякого энтузиазма. Так создались две ветви евреев, о которых мы уже упомянули.

Евреи, оказавшиеся на Кавказе, начисто забыли и свою древнюю грамоту, и традиции иудаизма, и его обряды. Забыв все, они сохранили память лишь о запрете на работу в субботний день. Они пасли скот, возделывали землю и дружили с хазарами – своими северными соседями. Восстановил иудаизм среди своих соплеменников один из вождей по имени Булан (по-тюркски «лось»). В 730 г. он принял имя Сабриэль и пригласил иудеев – учителей религиозного закона.

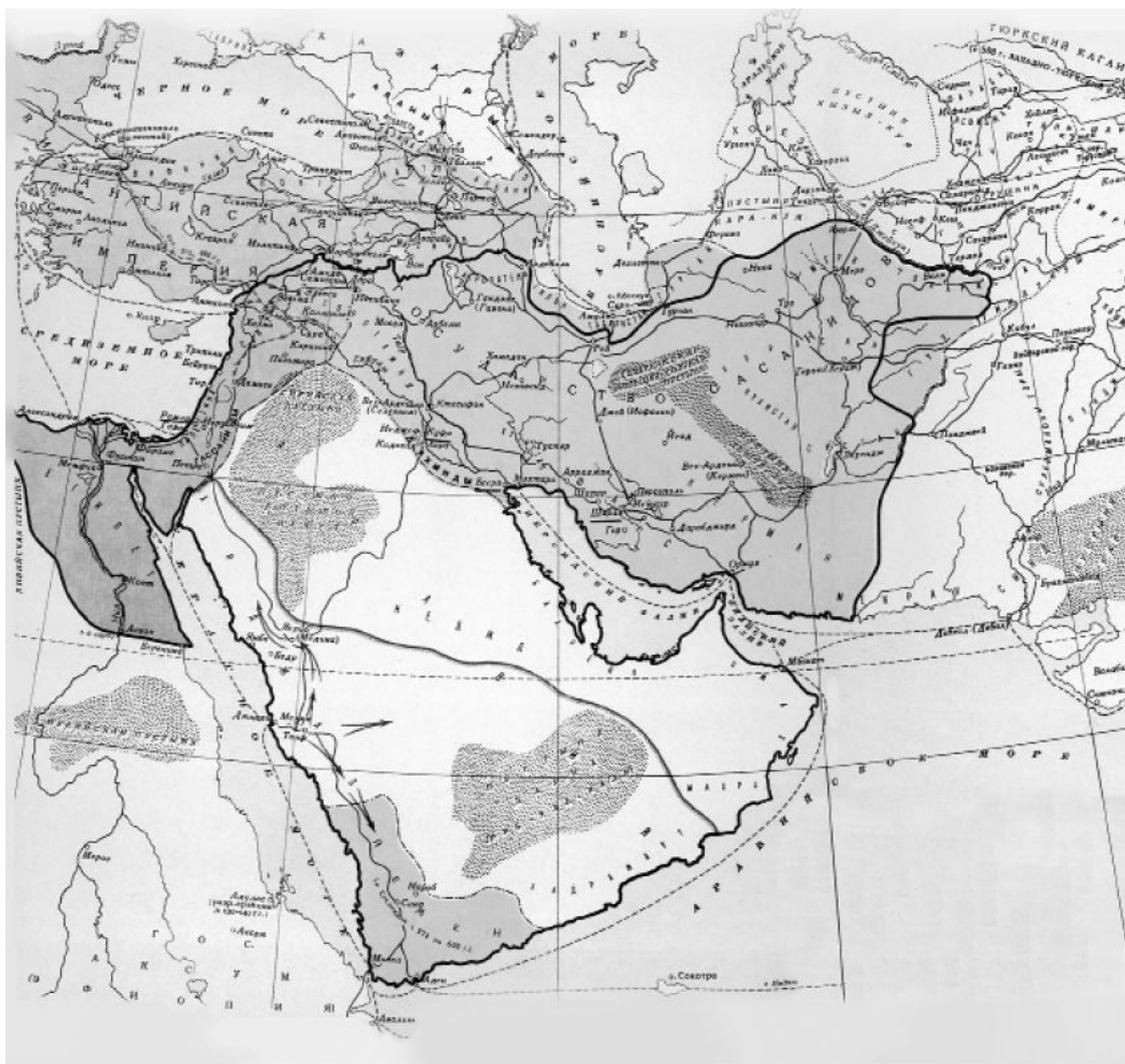


Украшения, найденные в могильниках Прикамья

Между тем Византия вела отчаянную борьбу с арабами. Евреи, нашедшие в Византии спасение, должны были бы помогать византийцам. Но помогали они довольно странно. Договариваясь тайно с арабами, евреи открывали по ночам ворота городов и впускали арабских воинов. Те вырезали мужчин, а женщин и детей продавали в рабство. Евреи же, дешево скупая невольников, перепродавали их с немалой выгодой для себя. Это не могло нравиться грекам. Но решив не приобретать себе новых врагов, они ограничились тем, что предложили евреям уехать. Так в землях хазар появилась и вторая группа евреев – византийская.

Страна к северу от Терека понравилась переселенцам. Луга, покрытые зеленой травой, были прекрасными пастбищами. В притоках Волги водились осетры и стерлядь. Здесь проходили торговые пути. Соседние племена были беззлобны и неагрессивны. Используя свою грамотность, евреи стали осваивать и развивать занятия, не свойственные местному населению: в их руках оказались дипломатия, торговля, образование.

В начале IX в. еврейское население Хазарии к своему экономическому и интеллектуальному могуществу добавило и политическое. Мудрый Обадия, про которого древние документы говорят, что «он боялся Бога и любил закон», совершил государственный переворот и захватил власть. Он выгнал из страны тюрок, составлявших военное сословие Хазарии. При этом Обадия опирался на отряды наемников – печенегов и гузов. Хазарские тюрки долго воевали с захватчиками, но были разбиты и частью погибли, частью отступили в Венгрию.



Карта Аравии, Ирана и Средней Азии в VI–VII вв.

Казалось бы, должно было произойти смешение хазар с евреями. Но не тут-то было. Согласно старой еврейской мудрости, «никто не может обнаружить след птицы в воздухе, змеи на камне и мужчины в женщине», поэтому евреями считались все дети евреек, независимо от того, кто был их отец. У хазар же, как у всех евразийских народов, родство определялось по отцу. Эти разные традиции не давали смешаться двум народам (этносам), и отличие двух народов закреплялось тем, что дети евреек и дети хазарок обучались по-разному. Учитель-раввин не принимал в школу ребенка, если тот не был евреем, то есть если его мать была хазарка или печенежка. И отец учил такого ребенка сам, но, конечно, хуже, чем учили в хедере (школе). Так закреплялись два разных стереотипа (образа) поведения. Это различие и определило различные судьбы двух народов: евреев и хазар.



Византийские костюмы XI в.

A – Святой Иоанн Златоуст в архиерейском облачении

B, D – Император Никифор Вотаниат, вступивший на царство в 1078 г., в царской одежде

C – Архангел Михаил в костюме знатных людей того времени

Все фигуры заимствованы из Монфокона (Montfaucon etc. Bibliothec. Coisliniana, Parisiis. 1715)

Власть и деньги

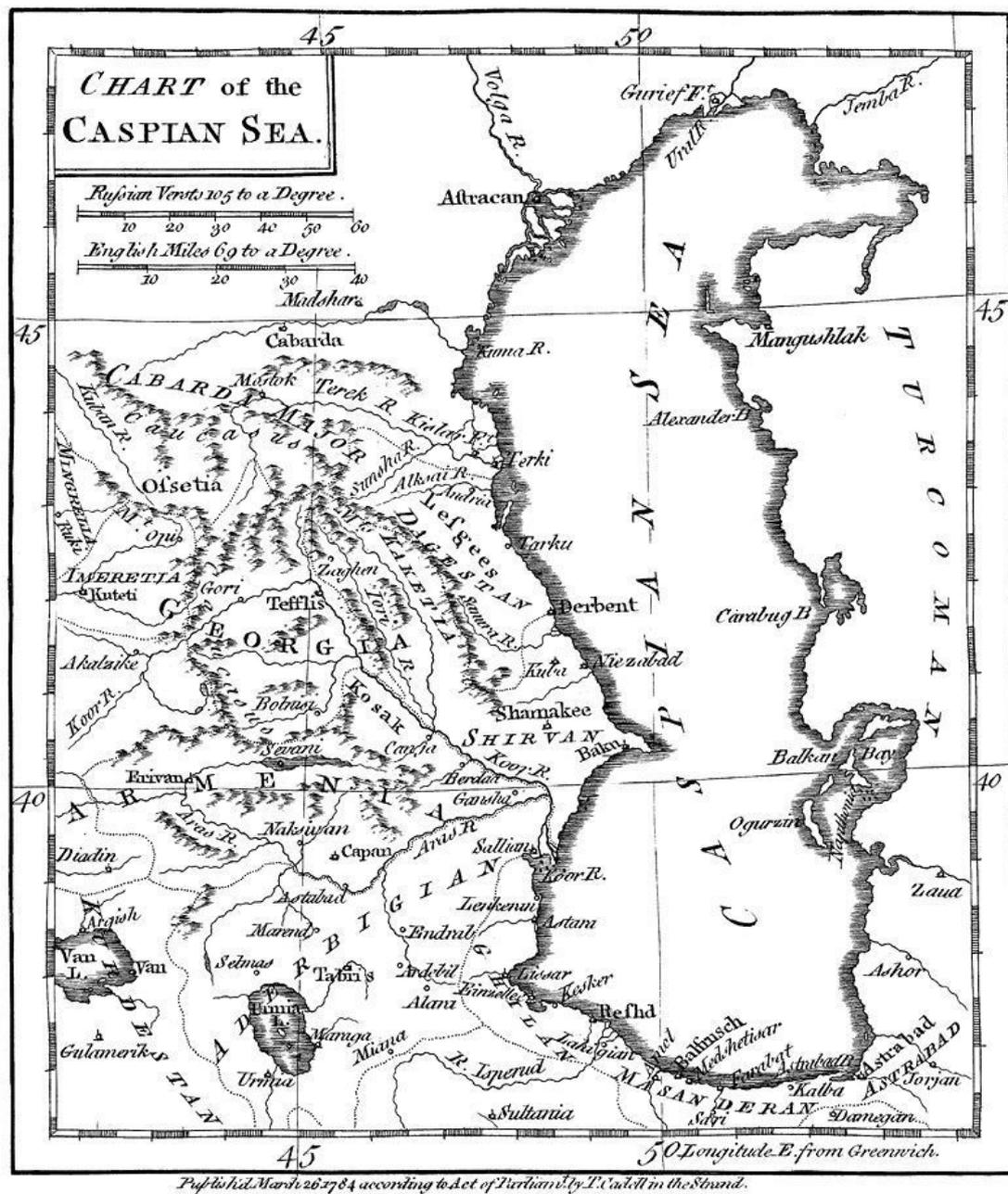
Евреи, в отличие от хазар, к IX в. активно включились в тогдашнюю систему международной торговли. Караваны, ходившие из Китая на Запад, принадлежали в основном евреям. А торговля с Китаем в VIII–IX вв. была самым выгодным занятием. Династия Тан, стремясь пополнить пустеющую из-за содержания большой армии казну, разрешила вывозить из страны шелк. За шелком и шли еврейские караваны в Китай. Путь проходил через степи уйгуров и дальше через Семиречье, мимо озера Балхаш, к Аралу, к городу Ургенч. Очень трудным был переход через плато Устюрт. Затем караваны пересекали реку Яик и выходили к Волге. Здесь усталых путников ждал отдых, обильная пища и развлечения. Прекрасная волжская рыба и фрукты, молоко и вино, музыканты и красавицы услаждали караванщиков. И у заправлявших экономикой Поволжья еврейских торговцев скапливались сокровища, шелка, рабы. Потом караваны уходили дальше, попадая в Западную Европу: Баварию, Лангедок, Прованс, и, перелезав через Пиренеи, оканчивали долгий путь у мусульманских султанов Кордовы и Андалузии.

Снаряжавшие караваны купцы – не только еврейские, но и согдийские – основывали в Китае свои колонии – сэтльменты. Один такой сэтльмент был на северо-западе Китая в городе Чанъань, другой – на юго-востоке в городе Кантон.

Вся тяжесть экономической политики императорского Китая ложилась на плечи крестьян, ибо шелк правительственные чиновники собирали именно с них. В результате возникло крестьянское восстание под руководством Хуан Чао (874–901). Он использовал и всеобщее недовольство, и то, что правительство империи ослабло от очередных военных неудач. Восстание было направлено против засилья иностранцев. Правительство Тан обвинялось в том, что оно разрешило и поддерживало торговлю с иноземцами. Восставшие взяли Кантон, где все пришедшее население было вырезано. Затем они прошли всю страну до Чанъаня и даже заняли этот город со смешанным населением. Но горожане, защищая жен и детей, сумели выгнать повстанцев. Тем временем правительство Тан призвало на помощь два племени: тибетцев и тюрок-шато. Вождь шато, Одноглазый Дракон, с четырьмя тысячами своих всадников и таким же отрядом тибетцев изрубил двухсоттысячное войско повстанцев. Хуан Чао погиб, спаслись только успевшие бежать: шато пленных не брали. Правительство победило, но хозяйство Китая было подорвано восстанием. Множество крестьян было убито. Вывозить стало нечего, ибо некому было вырабатывать шелк и ухаживать за тузовыми деревьями. Китай выбыл из мировой торговли.



Греческие монеты



Карта Каспийского моря. Гравюра конца XVIII в.

Катастрофа, постигшая караванный путь из Китая в Испанию – «шелковую дорогу», конечно же, отразилась и на Хазарии. Но энергичные хазарские купцы во главе с правителем, титул которого был «бек», или «малик», нашли выход. Их отряды двинулись на север. Поднявшись по Волге, воины Хазарии разгромили и подчинили Камскую (Волжскую) Булгарию. Еще севернее простирались бескрайние земли, которые в норвежских сагах назывались Биармия, а в русских летописях – Великая Пермь. Вот тут-то купцы-рахдониты (в переводе «знающие путь») и организовали свои торговые поселения – фактории.

Леса Биармии давали драгоценный мех соболей, куниц, горностаев. Мало того, рахдониты организовали торговлю детьми. И снова потянулись караваны с мехами для арабской знати, с рабами и рабынями для гаремов мусульманских владык. Султаны и эмиры Багдадского халифата больше ценили воинов-рабов («сакалиба»), чем наемные отряды из независимых кочевников.

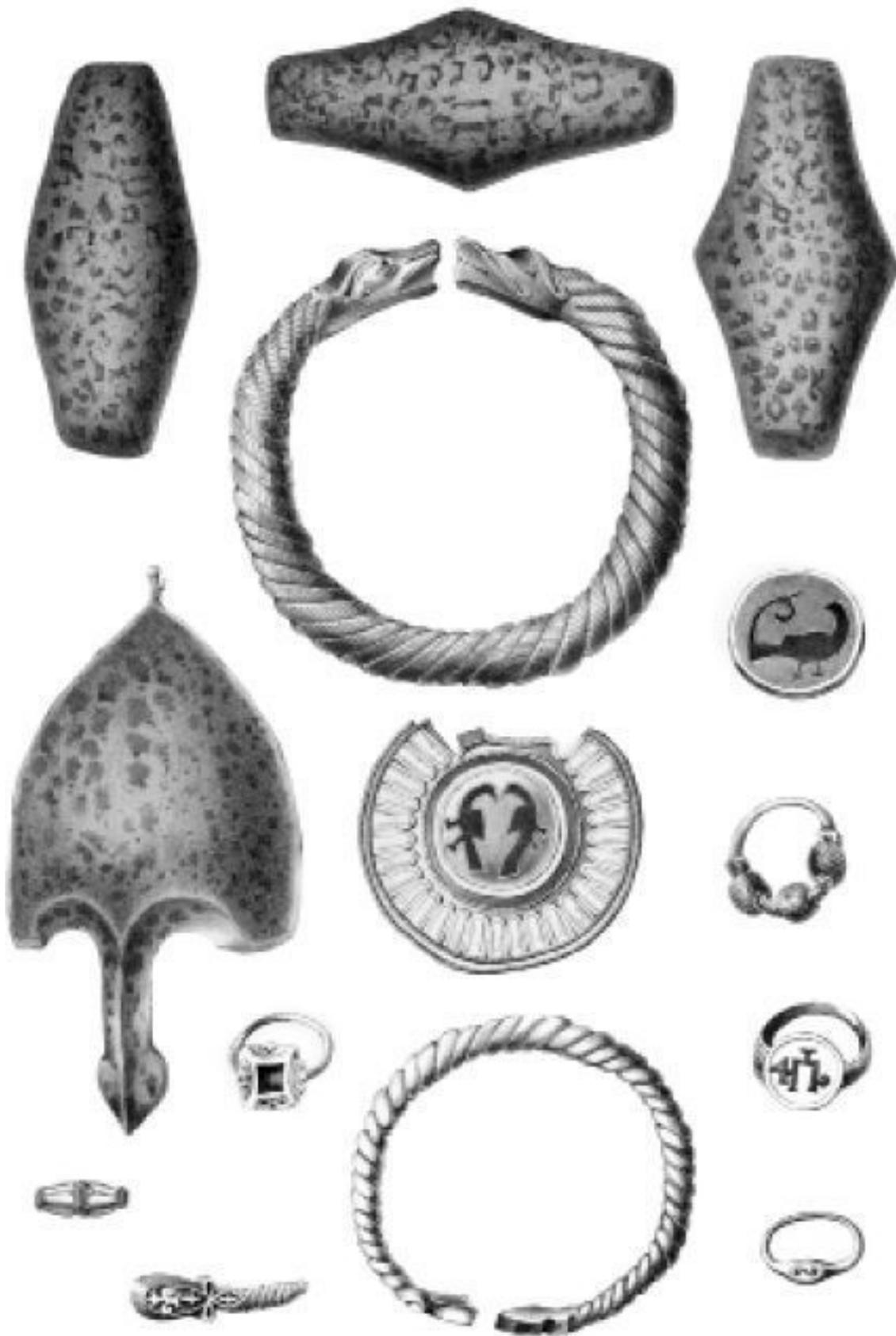
Эта деятельность Хазарии компенсировала ей сокращение торгового оборота с Китаем. Но произошла очередная неприятность. В IX в. стал разваливаться Багдадский халифат. Его центр, Багдад, как паук, сосал соки из огромных подвластных ему областей, ничего не давая взамен. И вот откололась Испания, затем Марокко, Алжир, Тунис. Отделились Египет, Средняя Азия и Восточный Иран. Наконец, обособилась область Дейлем, о которой надо рассказать подробней.

Между южным побережьем Каспийского моря и Иранским нагорьем высится хребет Эльбурс – высокие, труднопроходимые горы. На узкой прибрежной полосе обитали три очень древних народа. Их земли звались Дейлем (на юго-западе), Табаристан (на юге), на востоке располагался Гурган – «волчья страна» (от персидского слова «гург» – волк). Жители этих мест были крайне воинственны. Но они не исповедовали ислам, и это мешало им покорить соседей-мусульман, которые отчаянно сопротивлялись «неверным». Тогда правитель Дейлема со своим народом принял ислам в форме шиизма.⁴ Это ни к чему не обязывало вождя дейлемитов, который не вникал в религиозные оттенки, но зато считал себя наследником древних персидских царей и даже присвоил себе титул шахиншаха – царя царей. После этого воины Дейлема захватили на севере часть Азербайджана до Дербента, а на юге – западную Персию. В 945 г. они покорили Багдад. Таким образом, удобный и легкий путь с Волги в Багдад по берегу Каспия был пересечен: дейлемиты не пропускали никого.



Развалины Булгара на Волге: башня Малого Минарета

⁴ *Шиизм* – одно из двух основных направлений ислама. Шииты – приверженцы зятя пророка Мухаммеда – Али – и его прямых потомков – Алидов.



Археологические находки на территории древнего Киева: три киевские гривны серебра; варяжский шлем (шишак); большая серебряная серьга и кружок с птицей от той же серьги; серебряная серьга; золотые перстни; золотая запонка; большой плетеный золотой браслет;

серебряный браслет с легендой. Гравюра из книги «Обозрение Киева в отношении к древностям» И. Фундукля

Еврейское правительство Хазарии, свергнувшее тюркскую военную знать, пользовалось услугами войск из Гургана. Мы уже говорили, что гурганцы были воинственны и очень храбры. Кроме того, они сражались в интересах купцов Хазарии за очень высокую плату. Отслужив, а точнее, провоевав положенный срок, оставшиеся в живых возвращались домой богатыми. Хазарские правители были истыми купцами: они покупали победы, и только победы. Если воины терпели поражение, что иногда случалось, их казнили. Бесстрашные гурганцы одержали для хазарских евреев победы над гузами на реке Яик, над булгарами на Каме, над буртасами на реке Сакмаре, над савирами (сабирами) на Донце. Но эти победоносные гурганцы отказались воевать против единоверцев – мусульман-дейлемитов. И тогда хазарские евреи, народ находчивый, пригласили для войны с мусульманами древних русов.

Русов наняли на тех же условиях, что и гурганцев: высокая плата и обязательные победы. Русы освоили корабельное дело и мореплавание еще на Балтике. Наемное войско русов шло по Волге, строило корабли на Каспии и затем совершало морские набеги на территорию Персии. В первом походе они совершенно разграбили остров Абескун. С дейлемитами русы столкнулись во время второго похода в 913 г. Дейлемиты отбили атаку, и русы, чтобы не возвращаться с пустыми руками, напали на мусульманский город Гянджу в южном Азербайджане. Тогда хазарский правитель разрешил своей гвардии – гурганцам – отомстить за единоверцев. Несколько дней сопротивлялось усталое войско русов, но было разбито мусульманами. Немногие спасшиеся бегством были истреблены на Волге кочевниками-буртасами. Так – гибелью – закончился для русской дружины поход 913 г.

Два последующих десятилетия истории Хазарии были наполнены мелкими конфликтами со славянами и уже возникшим Киевским княжеством. Опорой хазар на западе была построенная еще в 834 г. на берегу Волги крепость Саркел.

В 939 г. произошло событие чрезвычайной важности. Русский вождь – князь Игорь – захватил принадлежавший Хазарии город Самкерц (ныне Тамань), расположенный на берегу Керченского пролива. Хазарский правитель ответил на удар ударом: на русов двинулась мусульманская гвардия под командованием еврея, «достопочтенного Песаха». Песак освободил Самкерц, переправился через Керченский пролив и прошел маршем по южному берегу Крыма (940), истребляя христианское население. Спаслись лишь укрывшиеся в неприступном Херсонесе. Перейдя Перекоп, Песак дошел до Киева и обложил русское княжество данью. Тогда же русы выдали хазарам свои мечи, о чем и рассказывается в «Повести временных лет».



Морская битва. Миниатюра из византийской рукописи. X в.

«Сказание о хазарской дани» подчеркивает разницу в вооружении русов, славян и азиатских народов. Тяжелый меч – привычное оружие скандинавских и славянских богатырей. Азиаты издавна предпочитали легкую саблю. С шестилетнего возраста они учились рубить «с отяжкой на себя», и в руках взрослого сабля оказывалась страшнее меча.

Но вернемся к русам и хазарам. В 943 г. хазары вновь послали войско русов – уже своих данников – на Каспий, для войны с дейлемитами. Русы захватили в низовьях Куры крепость Бердаа. Страшнее сабель и стрел дейлемитов оказалась вспыхнувшая в лагере русов дизентерия. Они пробились к своим ладьям и отплыли. Но, видимо, на Русь не вернулся никто, так как в русских летописях нет ни слова об этом походе.

Итак, благодаря обширной торговле рабами, мехами и шелком Хазарский каганат, население которого состояло из аборигенов и пришлых евреев, в IX–X вв. превратился в одну из самых богатых стран Евразии того времени.

Славяно-русы и Византия

Образовавшееся русско-славянское государство с центром в Киеве быстро усилилось и сразу же начало расширяться к берегам Черного моря. В этом движении славяно-русы столкнулись с таким грозным противником, каким была в конце IX – начале X в. Византия.

Говоря об отношениях Киева и Византии в X в., необходимо сразу отметить следующие обстоятельства.

Во-первых, в X в. весьма изменились ландшафтно-климатические условия жизни народов Евразии и, в частности, обитателей Северного Причерноморья. Наступила очередная вековая засуха, вследствие которой часть печенегов откочевала из Средней Азии в низовья Днепра. Печенеги в поисках союзников вступили в контакт с Византией и стали для нее надежными друзьями, а враги печенегов и Византии – мадьяры – выступили союзниками славян и русов и как могли поддерживали их.

Во-вторых, события войн славяно-русов с Византией переданы в византийских хрониках и русских летописях с очень сильными искажениями. Вместо правдивого изложения событий мы имеем легенды, которые сочинялись летописцами в угоду «начальству», в зависимости от политической ситуации.

Особенно характерна «историческая мифология» для русского летописания – знаменитой «Повести временных лет» Нестора. Инок Нестор жил и трудился в Киево-Печерской лавре – культурном центре Киева, где в XI–XII вв. были сильны антигреческие настроения. Отражением этих настроений служит, например, факт переноса Нестором даты похода русов под руководством Аскольда на Царьград на 47 лет (с 860 г. на 907 г.) и вообще приписание похода Олегу. Так подвиги древнего руса в войне с Византией оказались совершенными варяжским конунгом. Более того, если внимательно прочесть повествование Нестора, можно заметить, что с 882 по 885 г. Олег одерживает победы над всеми славянскими племенами, в том числе и над платившими дань хазарам. Однако ни о реакции хазар на победы Олега, ни о самих хазарах Нестор не пишет ни слова, причем летописная пауза в рассказе о хазарских делах занимает ни много ни мало 80 лет. Очевидно, летописец вполне сознательно умалчивает о каких-то событиях, но о каких именно – мы можем только догадываться.



Византийские костюмы XI в.

E, F – Император Никифор Вотаниат со своей супругой в царском одеянии

G, H – Знатные придворные люди времен императора Никифора Вотаниата. Все фигуры заимствованы из Монфокона (Montfaucon etc. Bibliothec. Coisliniana, Parisiis. 1715)



Женские украшения X–XIII вв.

Попробуем для начала исходить из твердо установленных фактов. А знаем мы следующее. Византия вынуждена была бороться с коалицией мадьяр и славяно-русов. Первыми, кто воспользовался скованностью сил греков, были арабские пираты. Больше всего острота ситуации сказалась на владениях Византии в Восточном Средиземноморье. Арабо-берберские пираты из Испании захватили остров Крит и вырезали там все христианское население. Сирийские и египетские арабы захватили острова Эгейского моря: Лемнос, Родос, Наксос и другие. Наконец, в 904 г. великий арабский корсар Лев Триполитанский сумел напасть на Фессалоники и разграбил окрестности второго по величине города империи. Этот пират покушался даже на Константинополь, но, не имея достаточных сил, обратился за помощью к не меньшим разбойникам – русам-дромитам.

Прозвище «дромиты» (от греч. «дромос» – бег) свидетельствовало о стремительности набегов этой днепровской вольницы. Первый набег русов на Константинополь состоялся еще в 860 г. Тогда греки встретили врага иконой Богоматери Одигитрии; стены города оказались неприступными. Русы отошли от столицы и предпочли заключить выгодный для них мир. Так было положено начало войнам славяно-русов с Византией, длившимся до конца X в.

И вот по зову Льва Триполитанского с низовьев Днепра, Днестра и Южного Буга вновь потянулись ладьи дромитов. Их флот собрался у берегов Босфора, где русов встретила греческая эскадра наварха Иоанна Радина. Большая часть русских кораблей была сожжена «греческим огнем». (Мы и сейчас не знаем химического состава этого страшного оружия византийцев. Можно только догадываться, что его основу составляла нефть.) Спасся лишь один отряд, уведенный его вождем Хельги и скрывшийся в устье Днепра. После такого успеха греки легко отразили атаку арабов Льва Триполитанского.

Попробуем представить, что можно было сделать на месте русов-дромитов. Поход на Константинополь окончился жутким разгромом, большая часть соратников погибла в пламени «греческого огня». Высадившиеся на берег попали в плен и были превращены в невольников, ни о какой добыче не было и речи. Острая вражда между русами и Византией усугубилась. Было очевидно, что воевать с мощным противником без поддержки нельзя, и русы стали искать союзников. Ими оказались хазары.



Н. К. Рерих. Заморские гости. 1902 г.

Иудейское правительство Хазарии было враждебно христианской Византии. Хазары, как мы уже знаем, использовали русские войска в каспийских походах и, конечно, в войнах против греков. Большой поход против ромеев был совершен в 941 г. И снова византийский флот сжег «греческим огнем» ладьи славян и русов. Но хазарское правительство устраивал и такой исход: ведь силы Византии на Черном море были скованы этой борьбой. А поскольку в Малой Азии грекам приходилось бороться с мусульманами, то Хазарский каганат оказался гегемоном

в Восточной Европе. Хазария смогла обложить данью славян, мордву, мерю и камских булгар. Эти последние рассчитывали на помощь мусульман, и часть булгар приняла ислам (922). Но распадавшийся халифат – оплот магометан – не мог помочь даже себе, а тем более далеким единоверцам.

Триумф Святослава

Неудачно сопротивлялся Хазарии в начале X в. и Киев. Мы помним, что попытка русов захватить Самкерц и утвердиться на берегах Азовского моря вызвала ответный поход полководца Песаха и поставила Киев в положение данника итильских купцов-рахдонитов. При сборе дани для хазар в Древлянской земле был убит Игорь, князь киевский и муж Ольги (944). Сопротивление хазарам, а не война с Византией, становилось главной проблемой для Киева. И потому княгиня киевская Ольга, правившая при малолетнем сыне Святославе, постаралась приобрести в лице греков сильного союзника: она отправилась в Константинополь, где приняла крещение, избрав своим крестным отцом императора Константина Багрянородного.

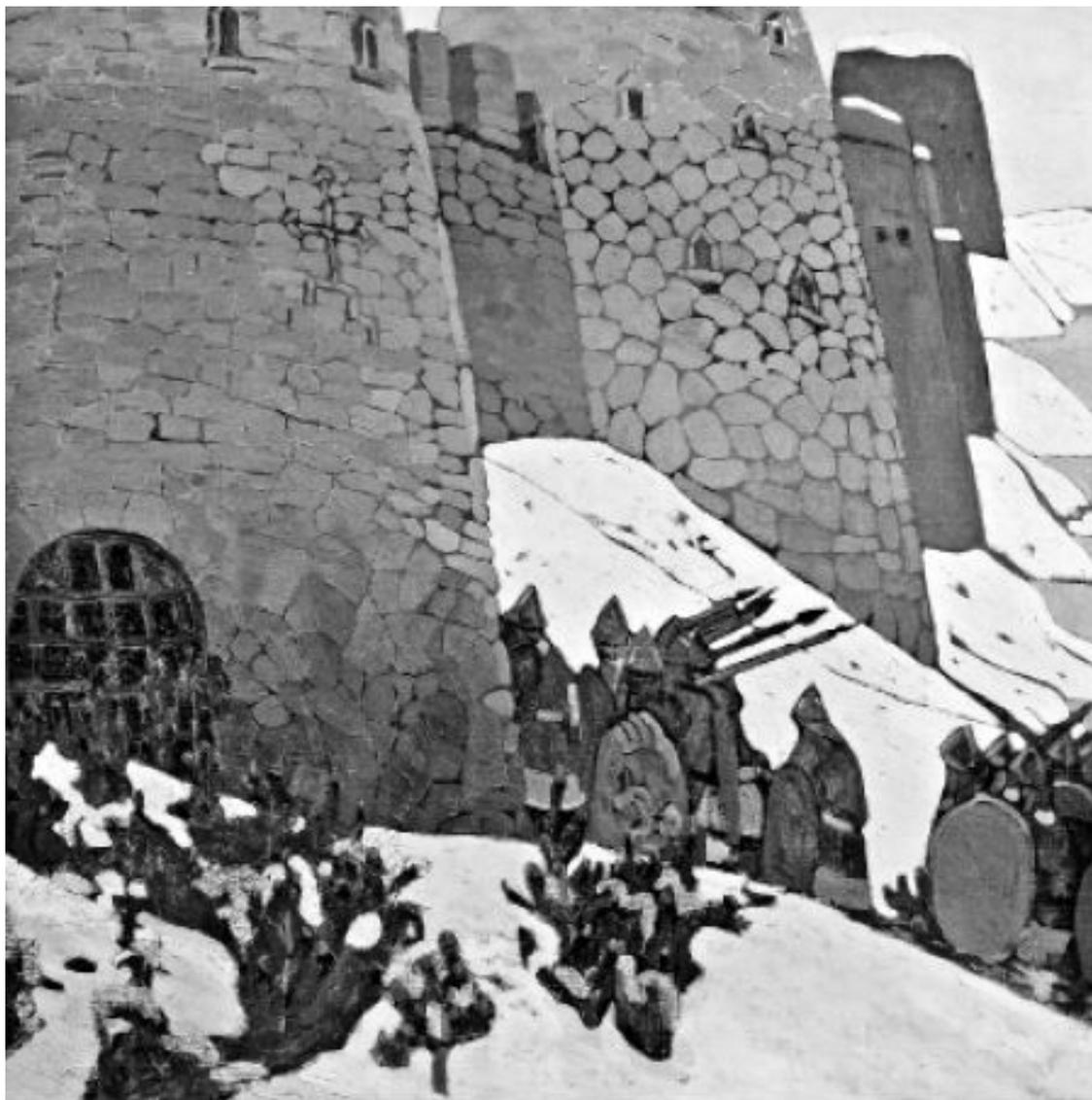
Здесь мы вновь сталкиваемся с явной хронологической путаницей Нестора и других летописцев. Согласно Новгородской I летописи, Ольга родилась в 893 г., в Константинополе побывала в 955-м. Ей должно было быть в то время уже 62 года, а Нестор уверяет нас, что Константин был столь очарован Ольгой, что хотел на ней жениться. По нашему мнению, поездка Ольги в Византию и крещение ее состоялись примерно на 10 лет раньше – в 946 г.

Возвращаясь на твердую почву установленных фактов, мы убеждаемся в реальности похода Святослава против хазар. Молодой князь, оказавшийся энергичным полководцем, начал его летом 964 г. Святослав не решился идти от Киева к Волге напрямую через степи. Это было очень опасно, ибо племя северян, обитавшее на этом пути между Черниговом и Курском, было сторонником хазар. Русы поднялись по Днепру до его верховьев и перетащили ладьи в Оку. По Оке и Волге Святослав и дошел до столицы Хазарии – Итиля.

Союзниками Святослава в походе 964–965 гг. выступили печенеги и гузы. Печенеги, сторонники Византии и естественные враги хазар, пришли на помощь Святославу с запада. Их путь, скорее всего, пролегал у нынешней станицы Калачинской, где Дон близко подходит к Волге. Гузы пришли от реки Яик, пересекши покрытые барханами просторы Прикаспия. Союзники благополучно встретились у Итиля.



Князь Святослав. Гравюра 1805 г.



Н. К. Рерих. Дозор

Столица Хазарии располагалась на огромном острове (19 км в ширину), который образовывали две волжские протоки: собственно Волга (с запада) и Ахтуба (с востока). Ахтуба в те времена была такой же полноводной рекой, как и сама Волга. В городе стояли каменная синагога и дворец царя, богатые деревянные дома рахдонитов. Была и каменная мечеть, ведь с мусульманами там обращались вежливо.

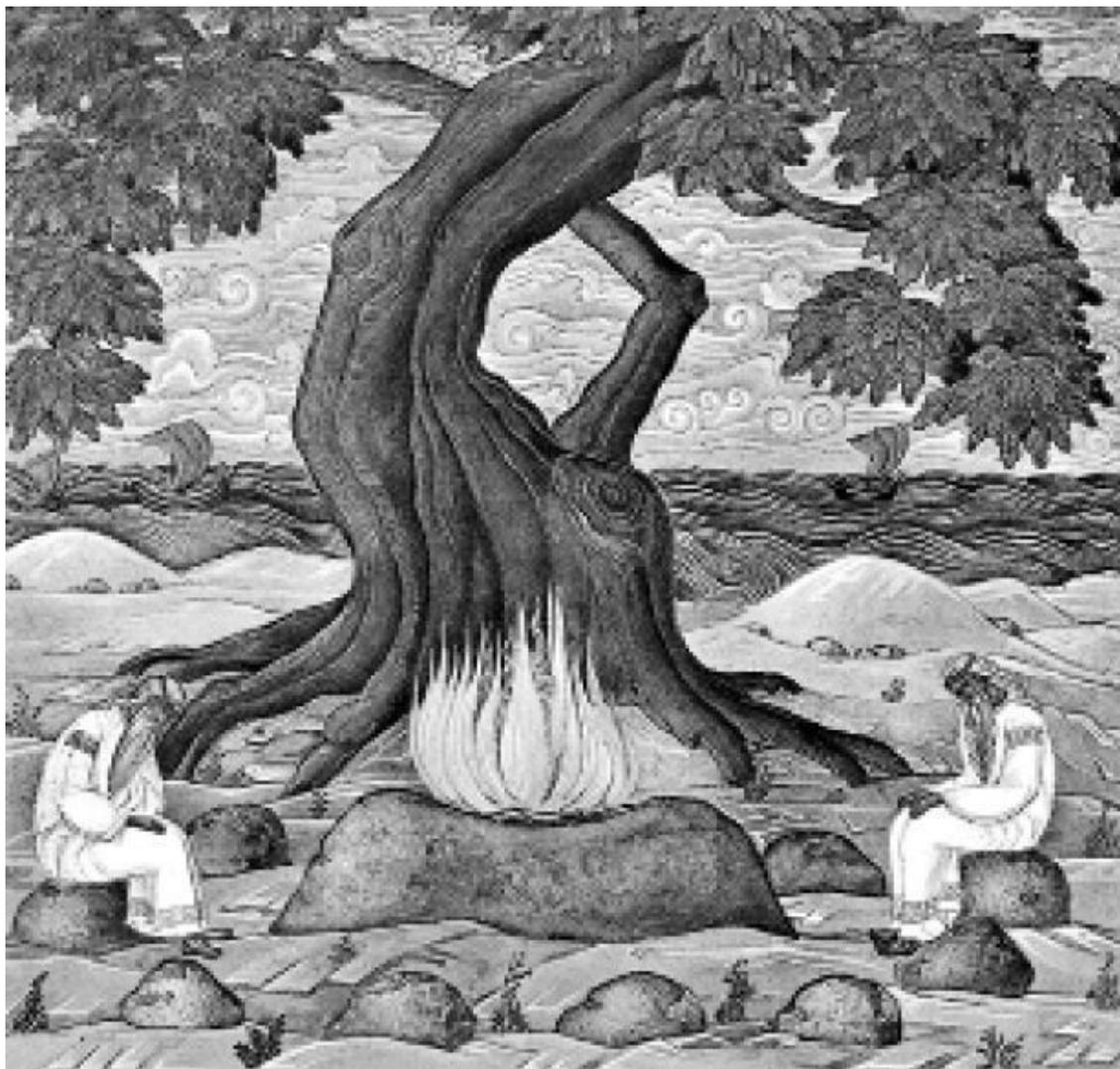
Воины Святослава отрезали все пути из Итиля. Но его жители наверняка знали о приближении русских, и большая часть хазар-аборигенов убежала в дельту Волги. Волжская дельта была естественной крепостью: в лабиринте протоков мог разобраться только местный житель. Летом невероятные тучи комаров, появлявшихся с закатом солнца, победили бы любое войско. Зимой же Волгу сковывал лед, и дельта становилась недоступной ладьям. Острова дельты были покрыты бэровскими буграми – огромными холмами высотой с четырехэтажный дом. Эти бугры и дали убежище настоящим хазарам.

В ином положении оказалось еврейское население. Изучать волжские протоки еврейским купцам и их родственникам смысла не было: они для того и создавали свою монополию внешней торговли и ростовщичества, чтобы жить в комфорте искусственного ландшафта – города. Евреи были чужды коренному населению – хазарам, которых они эксплуатировали.

Естественно, что хазары своих правителей, мягко говоря, недолюбливали и спасать их не собирались.



Е. А. Лансере. Князь Святослав на пути в Царьград



Н. К. Перих. Начальная заставка к статье В. К. Трутовского

В осажденном городе евреям бежать было некуда, потому они вышли сражаться со Святославом и были разбиты наголову. Уцелевшие бежали «черными» землями к Тереку и спрятались в Дагестане. («Черными» земли к северу от Терека назывались потому, что из-за мало-снежной зимы в этом районе сильные ветры легко поднимали со снегом пыль, и возникали «черные» выюги.)

Святослав пришел и на Терек. Там стоял второй большой город хазарских евреев – Семендер. В городе и окрестностях было четыре тысячи виноградников. (Ныне это пространство между станицами Червленной и Гребенской; оно описано Л. Н. Толстым в повести «Казачи».) Семендер имел четырехугольную цитадель, но она не спасла город. Святослав разгромил Семендер и, забрав у населения лошадей, волов, телеги, двинулся через Дон на Русь. Уже по дороге домой он взял еще одну хазарскую крепость – Саркел, находившуюся около нынешней станицы Цимлянкой. Саркел был построен византийцами в период их короткой дружбы с Хазарией, и создал его грек – архитектор Петрона. В Саркеле Святослав встретил гарнизон, состоявший из наемных кочевников. Князь одержал победу, разрушил крепость, а город переименовал в Белую Вежу. Там в дальнейшем поселились выходцы из Черниговской земли. Взятием Саркела завершился победоносный поход Святослава на Хазарию.

В результате похода 964–965 гг. Святослав исключил из сферы влияния еврейской общины Волгу, среднее течение Терека и часть Среднего Дона. Но не все военно-политические

задачи были решены. На Кубани, в северном Крыму, в Тмутаракани еврейское население под именем хазар по-прежнему удерживало свои главенствующие позиции и сохраняло финансовое влияние. Однако основным достижением похода, бесспорно, явилось то, что Киевская Русь вернула себе независимость.

Глава III Крещение Руси

Святослав и Калокир

Результаты похода 964–965 гг. не могли не поднять авторитет Руси в глазах византийского союзника, который старался всеми силами привлечь Святослава к решению внешнеполитических проблем империи. Византийскому правительству требовался человек для переговоров со Святославом. Выбор пал на византийского дипломата, сына стратига Херсонесской фемы (области), Калокира. Калокир был человек столь же энергичный, сколь и честолюбивый. Язык славян и их нравы он знал хорошо, ибо встречался с ними в Херсонесе, а будучи византийским офицером, плечом к плечу со славяно-русами сражался в Сирии против мусульман.

В Киеве Калокир заключил выгодный для Византии договор, по которому русы обязались принудить к покорности Болгарское царство. Но честолюбивый посол втайне мечтал об императорской короне. Он решил опереться на войско русов и, свергнув старого императора Никифора II Фоку, захватить власть в Константинополе.

Выполняя договор, русы высадились в устье Дуная, разбили болгарского царя Петра и овладели Болгарией. Петр вскоре умер, а пленные царевичи были отправлены в Византию, где их заточили, предварительно одного оскотив (изуродованный таким образом человек лишался права на престол). Планы Калокира стали сбываться: князь славяно-русов Святослав стал ему другом; в коротком переходе от Константинополя стояли русские дружины; подошли к нему и союзники – печенеги.

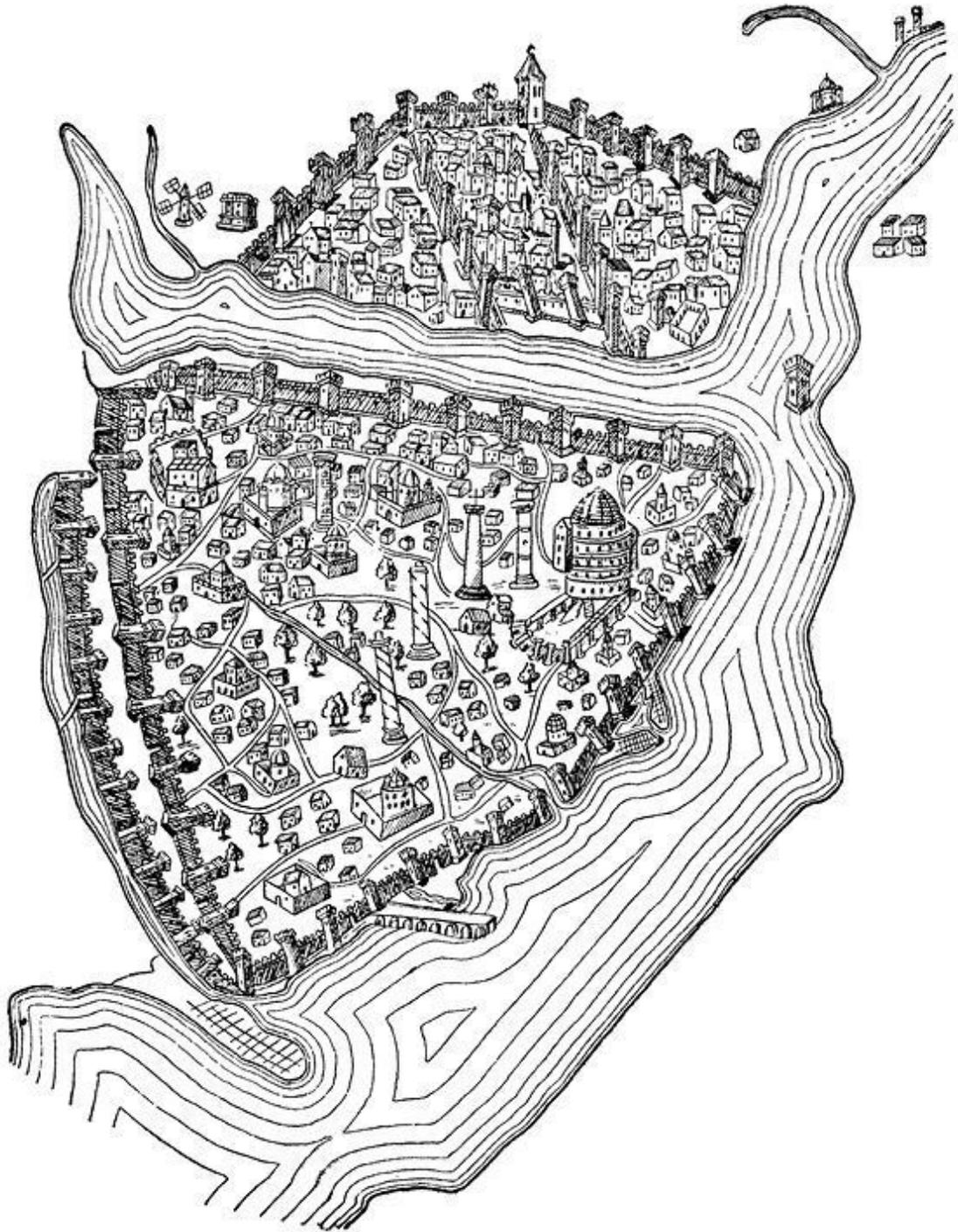


А. И. Иванов. Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами в 968 году

И в самом Константинополе сложилась ситуация, благоприятная для Калокира. Престарелый Никифор II Фока – прекрасный полководец и администратор – был крайне непопулярен в собственной столице. Фока поддержал монахов с горы Афон, выступив за бедное духовенство против богатых монастырей и епископов. Император сильно урезал доходы церкви. Так он приобрел средства на военные расходы и... вражду церковных иерархов. Кроме того, василевс (титул императора Византии) увеличил налоги на ремесленников и рыбаков, а с налогами выросли цены. Городское население роптало. Фоку поддерживали только пограничные воины – акриты, но они оказались слишком далеко от столицы в решительный момент. В довершение своих бед Фока был стар и некрасив. Его жена, императрица Феофано, отдала свое сердце красавцу Иоанну Цимисхию. Созрел заговор. Заговорщики с помощью императрицы проникли во дворец и безжалостно убили старого императора (969). Однако, став императором, Цимисхий сослал Феофано и непосредственных убийц, сделав исключение для себя, на острова Эгейского моря.

К несчастью Калокира, замысел которого открылся еще при Фоке, Цимисхий оказался способным и деятельным полководцем. Новый василевс бросил на Святослава и Калокира созданные его предшественником отличные войска. Кроме того, еще Фока успел распорядиться, чтобы союзники Византии – левобережные печенеги – напали на Киев. Поэтому Святославу пришлось оставить Болгарию и устремиться на Русь спасти собственную столицу, свою старую мать и детей. Но когда он подоспел к Киеву, война уже завершилась, не начавшись. Пришедшие с севера войска воеводы Претича остановили печенегов. Их хан обменялся с Претичем оружием и, заключив мир, ушел в приднепровские степи.

Святослав, бросивший все в Болгарии, обнаружил, что в Киеве он совсем не ко двору. Там крепла христианская община, и ее не устраивал князь-язычник. Сам Святослав не жаловал христиан, да и вообще ему было «не любо сидеть в Киеве». Надо сказать, что появившаяся у Святослава идея устроить новую столицу на окраине своей земли была не так уж нелепа. То же самое сделал Петр Великий, создавший Петербург, в котором сосредоточилась шумная жизнь нового общества. И точно так же, как шведы не хотели иметь рядом с собой столицу Петра, греки не желали близкого соседства с воинственным Святославом.



Укрепления Константинополя в X в.

Ольга просила сына не покидать ее. Но старая княгиня вскоре умерла, и Святослав поспешил вернуться в Болгарию, где ситуация также изменилась не в его пользу.

Византийцы вышли на равнину Северной Болгарии и захватили город Преславу (Преслав). Болгары быстро перешли на сторону греков: русы уже разочаровали их насилиями и жестокостью. Успевший покинуть Преславу отряд русов вместе с Калокиром ушел на Дунай в город Переяславец. Дальнейшая судьба Калокира нам неизвестна. Печенеги тоже оставили Святослава. Покинутый союзниками, он с небольшой дружиной противостоял теперь и византийским войскам, и восставшей Болгарии.

Святослав и Цимисхий

Весной 971 г. Цимисхий, прервав притворные переговоры со Святославом, подошел к Переяславцу с лучшими войсками империи. Одновременно в Дунай вошла греческая эскадра из 300 кораблей. Переяславец пал после трехдневного штурма, и наступил последний акт трагедии. Русы не могли воевать «в чистом поле» из-за отсутствия конницы и заперлись в городе Доростол. Греки обложили эту небольшую крепость со всех сторон. Русы приняли бой, они сражались героически: в пешем строю атаковали византийцев, и только удар латной конницы спас Цимисхия от поражения. Всю ночь после этой битвы, когда в русской дружине не осталось ни одного раненого воина, в крепости горели костры. Русы на берегу Дуная приносили в жертву младенцев и петухов, моля своих богов о победе.

Большие потери с обеих сторон и голод в русском стане подтолкнули противников к переговорам. Посреди Дуная встретились роскошная ладья императора ромеев и простой челнок, в котором одним из гребцов был князь Святослав. Русский вождь в белой рубахе до колен ничем по виду не отличался от простого воина. Бритая голова, длинный чуб, опущенные вниз усы и серьга в ухе делали его облик совсем восточным.

Грекам не нужна была жизнь Святослава и его дружины. Они согласились дать русам уйти. Святослав за это обещал отступить от Болгарии. Пропущенные греческой эскадрой русские ладьи спустились по Дунаю в Черное море и добрались до острова Березань (в древности – остров Буян) в Днестровском лимане.

Дальнейшие события кажутся довольно странными. Святослав не пошел к столице, а расположил обессиленное ранами, лишениями и переходом войско на Березани. Скоро обнаружился недостаток продовольствия. Казалось бы, нужно было двигаться по речным долинам к Киеву. Так и поступил один из воевод князя – Свенельд. Он покинул Святослава, с частью воинов поднялся по Южному Бугу и вышел к Киеву. Что же заставило Святослава остаться на острове Березань и провести там мучительную, голодную зиму 971/972 гг.? Вряд ли это была боязнь столкновения с печенегами. Ведь прошел же Свенельд, а главное – печенеги были единственными, кто продавал русам провизию, следовательно, какие-то отношения с кочевниками у Святослава были.

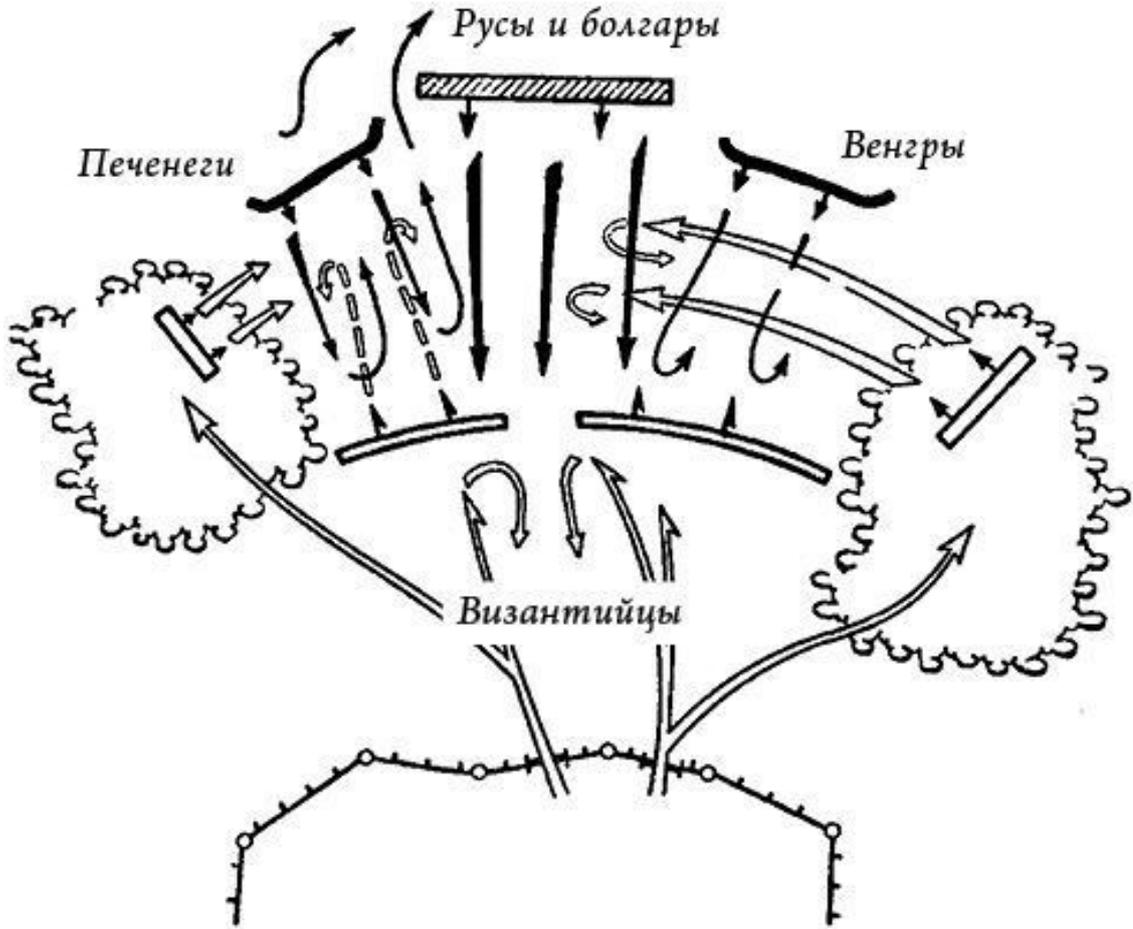
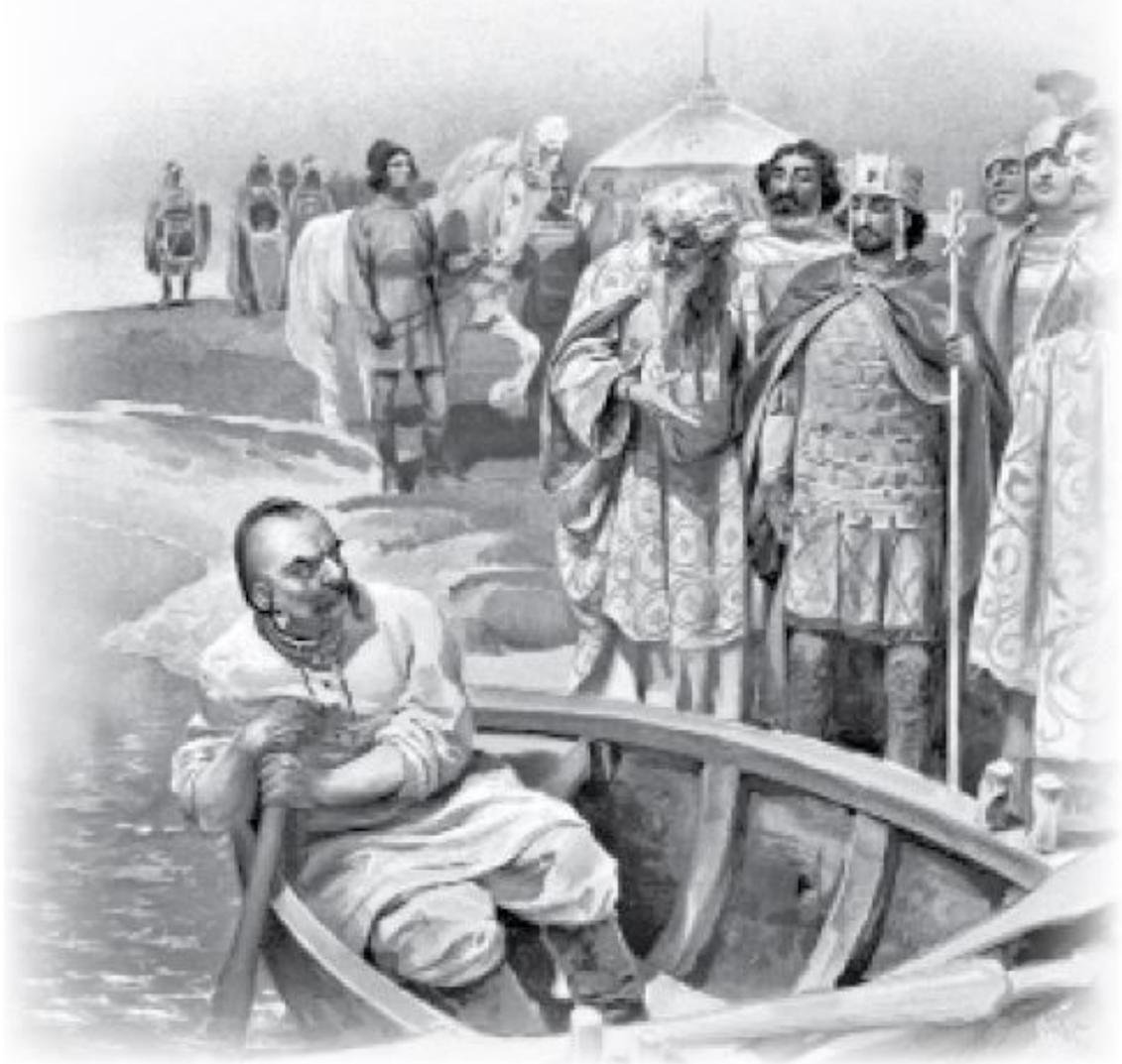


Схема боя под Аркадиополем в 970 г.



К. В. Лебедев. Свидание киевского князя Святослава с византийским императором Цимисхием

Скорее, дело было в том, что на Березани в войске Святослава произошел раскол. Русы-язычники обвинили в поражении русов-христиан, входивших в дружину. Неудачу похода язычники объяснили гневом своих богов – Перуна и Волоса, и остров увидел страшные сцены. Были замучены и убиты все дружинники-христиане, среди погибших оказался и родственник Святослава Улеб. В Киеве не могли не знать о кровавых событиях на Березани. Киевские христиане, составлявшие большую и влиятельную общину, поняли, что их ждет, когда Святослав с ожесточенной дружиной войдет в собственную столицу.

Как же развивались события дальше? Все летописи сообщают, что весной 972 г. русы с Березани двинулись к Киеву. Почему-то для возвращения они избрали не узкий и тихий Южный Буг, а порожистый Днепр, где у злополучных днепровских порогов русов ожидали левобережные печенеги. В короткой битве дружина Святослава была полностью истреблена, и печенежский хан Куря обзавелся чашей, сделанной из черепа князя.

Возникает вопрос: кто предупредил кочевников о том, что Святослав с измученным голодом и болезнями войском идет по Днепру? Это мог сделать тот, у кого было достаточно вре-

мени, кто поддерживал связь с Березанью, знал условия жизни на острове, а главное, очень не хотел, чтобы эта дружина пришла в Киев.

Историки прошлого века считали, что печенегов на Святослава направили византийцы, но для этого им нужно было проплыть все Черное море, уведомить синклит (совет) императора, с решением синклита вновь через Черное море добраться до левобережья Днепра, найти в необъятной степи печенегов и, вручив полагающиеся по такому случаю дары, уговорить степняков. Мы можем допустить, что у Цимисхия чудом хватило времени получить информацию о дружине Святослава, а затем снестись с печенегами. Но если василевс хотел истребить русов, он мог сделать это проще – сжечь «греческим огнем» беззащитные ладьи русов еще на Дунае. Кто действительно был заинтересован в гибели князя и его войска, так это киевские христиане, во главе которых стоял старший сын Святослава Ярополк. Он-то знал, что происходит на Березани, и мог сговориться с печенегами. Вспомним: еще в 969 г. воевода Претич братался с печенежским ханом. Следовательно, можно считать, что вина за смерть Святослава и гибель его дружины лежит не на христианах Константинополя, а на христианах Киева.



Печенег

Прощание с русами

Итак, с гибелью князя-язычника Киевская Русь стала превращаться в тихую и спокойную державу, где христианское учение приобретало все больше сторонников.

Подумаем: пошло это во вред или на пользу Руси? Если бы Святослав восторжествовал, он превратил бы Киев в базу разбойничьих набегов, в нечто подобное тому, чем был балтийский остров Руга (современный Рюген). Там гнездились славянские пираты, молившиеся богу Святовиту и наводившие ужас на немецких и датских купцов. Пираты воевали со всеми вокруг

и в конце концов были уничтожены. Такая же судьба ждала державу Святослава, который враждовал бы с племенами, обкладываемыми данью, и с христианами, обычно казнимыми им. В итоге у киевского князя не осталось бы друзей.

Со смертью Святослава военно-языческая партия в Киеве ослабла. Сила и влияние стали переходить к христианам, и это вызвало эмиграцию части русов из Киевской державы. Покинуть Восточную Европу для них не составляло особого труда, так как еще в IX в. подвижные и агрессивные русы действовали за ее пределами. Так, в 844 г. русы – «да проклянет их Аллах», как писал арабский автор, – высадились в Андалузии и попытались пробиться к Севилье.

Мусульманские войска отразили удар и сбросили врагов в море. Ясно, что русы великолепно знали дорогу на Запад. Туда они и направились, как только их вынудила к этому ситуация; путь их лежал в «Рум и Андалус». «Руму», то есть Византии, были очень нужны воины для борьбы с мусульманами. Русов-наемников ждали сражения с войсками халифата на восточных границах Византийской империи.

Направившиеся в «Андалус» – Испанию – были хорошо знакомы с саблями и стрелами берберов и предпочли напасть на христианскую Галисию (область в Испании). Их первыми «подвигами» стали разорение побережья, сожжение монастырей и убийства священников. Три года они свирепствовали в этой земле. Край пришел в запустение. Наконец герцогу Гонсало Санчесу удалось собрать войска и разбить захватчиков. Русы погрузились на корабли, уплыли, и... больше о них не известно ничего.

Поскольку мы знаем географию лучше, чем люди в X в., то можем предположить, куда направились русы. Поход на юг маловероятен, ибо мусульманские владыки умели отражать набеги и русы знали об этом очень хорошо. На север путь лежал через Бискайский залив, один из самых бурных районов Атлантики, где опасно ходить даже в наши дни. Наиболее вероятной поэтому остается дорога на запад, видимо, та самая, по которой викинги достигали Америки. Но нам неизвестны следы русов на этом континенте. Скорее всего, остатки этого буйного племени покоятся на дне Атлантического океана. С гибелью этого отряда русов была окончательно перевернута страница истории, повествовавшая о взаимоотношениях древних славян с русами.



Урочища киевские: Щековица

Напомним, что в IX–X вв. эти два народа иногда враждовали друг с другом, а иногда вступали в тесный контакт. Контакт между славянами и русами более всего был характерен для Киева, где господствовали «русы-славянофилы». Там-то и сложилась славяно-русская этниче-

ская общность. Сближение русов и славян было настолько тесным, что русы передали славянам и свое имя, и своих князей.

Земля полян стала называться Русью. Но древний конфликт славян и русов сменился другим, не менее кровавым и тяжелым.

Брат на брата

Возглавивший после смерти княгини Ольги Киев и киевскую христианскую общину Ярополк Святославич был связан договорами с Константинополем и печенегами. На севере, в Новгороде, христианству противостоял балто-скандинавский культ Перуна (по-литовски Перкунаса), бога обновленной языческой религии. И хотя Киев оставался языческим городом, культ Перуна, принесенный с берегов Балтийского моря, киевлянам вовсе не был симпатичен. Академик Б. А. Рыбаков справедливо считал, что Перун не является исконно славянским божеством. Славяне верили в Хорса – Солнце (персидский Хуршид), почитали женское божество Мокошь, небесного Дажьбога, скотьего бога Волоса. Как всякие уважающие себя боги, славянские тоже требовали почитания, но не человеческих жертв. Совсем другим был культ Перуна, бога войны и громовержца, с приходом которого земля обагрилась кровью жертв. Ненависть киевлян к культу и поклонникам Перуна обострилась. Случаи человеческих жертв только подталкивали многих к крещению – ведь никому не хотелось быть принесенным в жертву, а это угрожало каждому. Жрецы, выбрав жертву, убивали ее, оставшиеся же в живых должны были ликовать.

В столь острой ситуации столкновение полярных мировоззрений (а вернее, мироощущений) было неизбежным. Началась долгая и упорная борьба Ярополка со сторонниками Перуна, которых возглавлял сводный брат Ярополка Владимир, сын наложницы Святослава – ключницы Малуши.

Летописец описывает все последующие события как деяния князей. Но мы знаем, что в действительности князья были очень молоды. Владимиру и третьему сыну Святослава – Олегу – было около 15 лет, Ярополк был чуть старше. Эти юноши вряд ли могли проводить самостоятельную политику. За ними стояли опытные и влиятельные мужи, опиравшиеся на население определенных земель. Именно поэтому последующая политическая борьба столь интересна и существенна для нашей темы.

Итак, победа печенегов над Святославом, принесящая Ярополку власть, на какой-то период объединила Древнюю Русь. Почти все славяно-русские земли по Днепру и Новгород на севере подчинились Ярополку. Короткий набег на Овруч избавил его от младшего брата Олега – князя древлян (977) – и подчинил его земли Киеву. Владимир же со своим дядей Добрыней был послан в Новгород еще Святославом. После гибели Олега, боясь старшего брата, Владимир Святославич бежал в Швецию. Казалось, было достигнуто желанное единство страны. Но оно оказалось хрупким, ибо славяно-русские пассионарии того времени были полны стремления бороться за близкие им мировоззрения и желанные цели.

Владимир вернулся в Новгород как приверженец «злых» балтийских богов. Возглавив войско из варягов и новгородцев, он сначала напал на Полоцк, убил его князя Рогволода и присоединил Полоцкую землю к Новгороду. Затем последовал захват Смоленска. И вот в 980 г. великим путем «из варяг в греки» Владимир подошел к Киеву.



В. М. Васнецов. Боян



Князь Ярополк. Гравюра 1805 г.

В окружении Ярополка оказались изменники. Очевидно, он не всех устраивал. Воевода Блуд ложными советами поставил князя в очень трудное положение: Владимир блокировал его в крепости Родне. Среди осажденных начался голод. Тот же Блуд посоветовал Ярополку выйти из крепости и договориться с братом о мире. Встрече порешили быть в шатре между крепостным рвом и палатками осаждавших. Когда Ярополк вошел в шатер, два прятавшихся там варяга пронзили его мечами. Так языческая партия одержала полную победу. Однако Владимир, человек неглупый, хотя жестокий и беспринципный, увидел, что культ Перуна непопулярен на юге. Пассионарная (наиболее энергичная) часть киевлян уже крестилась. Владимир, естественно, следил за общественными настроениями в столице, так как не мог с ними не считаться, особенно после того как расстался со своей варяжской дружиной, не желая платить варягам заработанные ими в походе деньги. Не без помощи киевлян варягов собрали на берегу Днепра, якобы для того, чтобы выплатить жалованье. Потом посадили в лодки без весел, оттолкнули от берега и сказали: «Плывите по реке вниз, в Царьград, там заработаете много денег, а к нам не возвращайтесь». Но одновременно Владимир послал гонцов в Константинополь. Они предупредили греков, чтобы те не доверяли варягам, ибо их бог Перун не только «злой», но и лживый. Владимир посоветовал грекам принять варягов, но разделить их и разо-

слать по несколько человек в разные гарнизоны, чтобы в окружении местных воинов варяги были безопасны.

Последствия лжи

Во внешнеполитической деятельности Владимира в 80-х годах X в. сочетались успехи и неудачи.

На северо-востоке с Русью соседствовало сильное Булгарское царство, принявшее одну из мировых религий – ислам. Волжская Булгария непосредственно граничила с двумя городами-княжествами: Муромом и Суздалем. В непрекращающихся пограничных конфликтах брали верх то болгары, захватывая Муром, то славяне, занимая болгарские становища. В результате постоянной борьбы на границах население Волжской Булгарии (являющееся одним из предков современных казанских татар) было смешанным. Нападавшие на русские селения болгары убивали мужчин и захватывали в плен женщин и детей. Детей мусульмане продавали в рабство, а женщин делали своими наложницами. От смешанных браков рождались Мурады и Фатьмы. Но потом на болгарские селения нападали суздальцы и муромцы. Захваченных детей они делали своими работниками, а пленных болгарок брали в жены. На свет появлялись Все-славы да Любавы. Таким образом, различие между двумя этносами было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, ибо хозяйственные системы в Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси были очень похожи. Эти отличия были религиозными. Но религиозный мусульманский фанатизм в Волжской Булгарии еще не восторжествовал, и вера служила лишь индикатором отличий волжских болгар от славян.

Попытка Киева присоединить Великий Булгар, стоявший на берегу Волги (недалеко от нынешней Казани), была безуспешной.

Отмечая неудачный поход Владимира и Добрыни (985), летописец скупно заметил, что с тех, кто носит сапоги, дани не получить, а надобно искать лапотников. Итак, на этом направлении деятельность Владимира успеха не имела.

Зато ему удалась другая операция. Лишь в сочинении Иоанна Мниха есть упоминание о захвате Тмутаракани, где еще находились остатки иудео-хазар. Но и в этом сочинении только одна фраза говорит о походе, во время которого русские войска совершенно свободно прошли из Киева через Северный Кавказ вдоль Терека до Каспийского моря (986). Тмутаракань стала одним из русских городов и досталась в удел сыну Владимира Мстиславу.

Мстислав был посажен на княжеский стол Тмутаракани шести лет от роду. Таким образом, здесь, как и в случае с Ярополком, Владимиром и Олегом, княжеское имя использовалось летописцами не как имя реального вершителя судеб, а лишь как вывеска, символ, обозначающий существование группировки политических сил.



Вид Константинополя. Миниатюра. XV в.



Окружение Корсуня войсками Владимира Святославича. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Любопытно, что то же самое в отношении франкских королей отмечает французский историк Огюстен Тьерри в своих очерках о раннем Средневековье. Когда западная часть распадавшейся империи Карла Великого (то есть нынешняя Франция) вышла сражаться за Карла Лысого, французы понятия не имели о том, кто это такой. Но они сражались, и очень храбро, за те принципы, которые формулировались под общим лозунгом служения Карлу Лысому. Точно так же немцы, сражавшиеся за собственные интересы, считали, что бьются за Людовика Немца.

Но вернемся к Владимиру, а именно к его корсунской операции, имевшей серьезные последствия.

В конце X в. Болгария, наполовину захваченная Византией, испытывала могучий интеллектуальный подъем. Причем, не меняя официально православного вероисповедания, принятого в 865 г., болгары сильно отошли от Византии по мировоззрению. Нашелся поп Богумил, который изложил Священную историю следующим образом. Одновременно с Богом существовал падший ангел Сатанаил. Он пребывал у Мирового океана и горько плакал. Творец пожалел его и создал по желанию Сатанаила сушу. А Сатанаил сделал людей, но не смог их одухотворить. Он снова обратился к Богу и, обещая полное послушание, попросил оживить его творения. Тогда Бог вдохнул в людей душу. Но Сатанаил обманул Бога, ибо создал Каина, устроил первое убийство и начал всячески пакостить Всевышнему. Причем свирепствовал он, используя людей, одухотворенных Богом, но сбитых с пути им, Сатанаилом. Бог послал против Сатанаила ангелов, которые скрутили того и отняли у его имени суффикс «ил», в котором была заключена мистическая сила. Лишенного силы, уже Сатану, а не Сатанаила, ангелы загнали под землю.

Все духовное Богумил считал божественным и добрым, а все материальное – сатанинским и злым. Служить Богу нужно было, отрицая все злое, то есть материальное. А означало это на деле – отрицать города, храмы, живопись (иконы), отрицать весь христианский обряд. Ведь в христианстве считается, что мир создан Богом и потому – благ.

Богумилы были не уникальны в своем мироощущении, назвать которое религиозным неверно. Таких учений в IX–XII вв. появилось много; они были крайне разнообразны и распространены от Тибета на востоке до Аквитании на западе. При всем их разнообразии объединяло эти учения то, что они считали злом материальный мир и потому относились к нему враждебно. Раз нет реальной жизни, то нет лжи и правды и не надо никого жалеть – ведь страдания призрачны. Люди, войдя в мир фантастических представлений и заклинаний, были искренне убеждены, что становились хозяевами этого призрачного мира. Мы назовем эти враждебные материальному миру системы мировоззрения негативными. К негативному мировоззрению толкали людей и ужасные условия действительности, и просто обывательская затхлость жизни, тягостная для энергичного (пассионарного) человека. Но, независимо от истоков учения и от способов осуждения реального мира, негативные системы мировоззрения логически оправдывали убийства и злодеяния.

Учение богумилов, названное так по имени основателя, было типичной негативной системой, так же как и учения французских альбигойцев, македонских манихеев, павликиан Византии, карматов и исмаилитов мусульманского мира. Как видим, негативные системы захлестнули и католическую Европу, и мусульманский мир, и Византию. При этом только греки сумели справиться со сторонниками метафизического зла. После разгрома твердыни павликиан – крепости Тефрики – византийцы в IX в. стали контролировать и манихеев Македонии. Но в X в. болгарские богумилы сделали из своего учения довольно неожиданный практический вывод: «Бей византийцев!» Для достижения поставленной цели они использовали все средства. Так, под видом православных священников богумилы шли на Русь, тяготевшую к

христианству. Видимо, не без их влияния и предпринял Владимир совершенно нелепый поход на Корсунь.



Древнейшие гражданские и военные костюмы славян

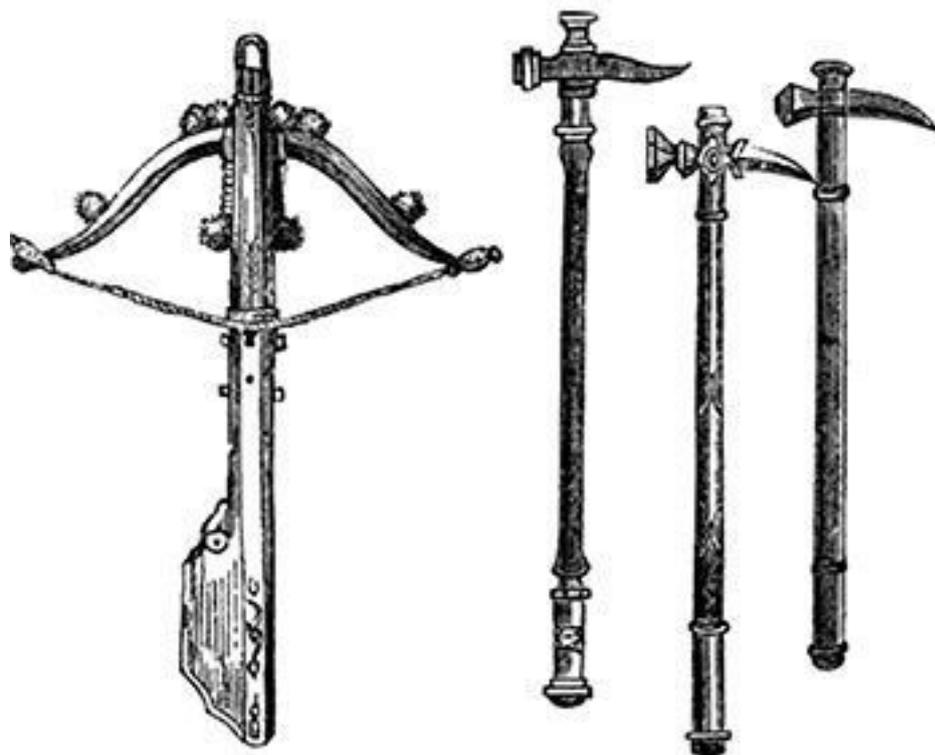
Корсунь (по-гречески Херсонес), находившийся недалеко от современного Севастополя, имел прекрасные укрепления, спасшие немало христиан еще во время похода Песаха. Взять этот город Владимиру помогло предательство корсунского попа Анастаса (по другим источникам – варяга Жидьберна). Изменник послал в стан русов записку на стреле. В послании сообщалось, где проходят трубы, по которым в осажденный город поступает питьевая вода. Владимир разрушил водопровод, и жажда заставила корсунцев сдаться. Но удержаться в Крыму Владимиру не удалось. Он принял в жены греческую принцессу, вернул Корсунь византийцам и отступил.

Новый путь

Итак, Владимир запятнал себя убийством Рогволода и его сыновей, которые были ни в чем не виноваты и даже не воевали с ним. Он изнасиловал дочь Рогволода Рогнеду. Та даже хотела убить Владимира, мстя за смерть отца и братьев. Владимир вероломно умертвил собственного брата. Предал он и своих боевых товарищей – варягов. У этого князя, и тому свидетельством летопись, грехов было достаточно. На его репутацию воителя тяжким грузом легла корсунская авантюра. Так что же, светлая память о нем, сохраненная потомками до наших дней, может быть названа незаслуженной?

Нет! Историческая память связывает образ Владимира не с его личными качествами и политическими успехами, а с деянием более существенным – выбором веры, одухотворившей жизнь народа. В самом деле, распространив свою власть практически на все славяно-русские земли, Владимир неизбежно должен был придерживаться какой-то, как сказали бы сегодня, «общенациональной» политической программы, которая, по условиям того времени, выражалась в религиозной форме.

К религиям (теистическим системам мировоззрения), оказывавшим существенное влияние на ситуацию в Восточной Европе в X в., следует отнести православие, католичество и ислам. Русские «искатели веры» должны были представлять и вполне представляли себе различия этих основных религий. Последнее неудивительно: киевские купцы и воины постоянно бывали в Константинополе, сражались на Крите и в Малой Азии, торговали с египтянами и сирийцами, ездили в Волжскую Булгарию и Хорезм. Принятие определенной веры автоматически приводило и к ориентации на вполне определенные группировки внутри страны. Поэтому предстоявший князю Владимиру «выбор веры» легким не назовешь. А ведь у этой проблемы был и международный аспект, обусловленный постоянными суперэтническими контактами.



Русское оружие



Великий князь Владимир Святославич. Титулярник 1672 г.

Во время, предшествовавшее крещению Руси, нарастали грозные признаки грядущего раскола в доколе едином христианском мире. И здесь в основе идеологических споров также лежали природные, объективные процессы этногенеза. Находившаяся в фазе пассионарного подъема западноевропейская суперэтническая целостность ощущала свое отличие от других суперэтносов очень остро и облекала его в ризы церковного превосходства, именуя «христианским миром» только себя. Борьба между православием и католичеством начинала переходить из сферы теологических разногласий в область политики.

Германский император Оттон II на имперском сейме 983 г. в Вероне добился решения о войне против «греков и сарацин». Такое уравнивание православных христиан с мусульманами уже не позволяло говорить о единстве церкви Христа, делало вполне реальной угрозой католического натиска на Восток, в том числе и на Русь. На Руси это понимали слишком хорошо, так как еще до веронского сейма польский король-католик Мешко I воевал с киевским князем из-за Червленной Руси (Галиции), а уже упоминавшийся Оттон II – с западными славянами на реке Эльбе (Лаббе).

Сами обстоятельства «выбора веры» Владимиром широко известны и изложены в «Повести временных лет». В соответствии с версией Нестора, князь, желая понять разные испо-

ведания, отправил своих посланцев в соседние земли и затем принял представителей всех тогдашних учений. Насколько реальны эти подробности, нам не столь важно, ибо куда большее значение имеет приведенная Владимиром мотивировка своего решения креститься по греческому обряду.



Показ греческим философом занавеси с изображением Иисуса Христа Владимиру Святославичу. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Говоря о мотивах, учтем, что кроме догматов в любой религии существуют обычаи, традиционно передаваемые из поколения в поколение. Такие обычаи для новообращенных порой значат больше, чем священные книги, особенно если эти книги написаны на непонятном языке. Так, главная книга ислама – Коран – написана на арабском языке, славянам непонятном. Обычаи мусульман, например не пить вино, не есть свинину, просты, но для славян были неприемлемы. И вот почему. По русскому обычаю, князь делил трапезу с дружиной. Этот обязательный ритуал скреплял дружбу князя с воинами, а что могло быть для князя важнее? Менее значимым, но довольно существенным было еще одно обстоятельство. Славяне и русы привыкли к хмельным напиткам, так как вино и пиво снимали усталость походов, но строгий ритуал пиров не допускал «буйства во хмелю». Конечно, и арабы, приняв ислам, не перестали пить вино, но делали это в узком кругу родных и друзей, в публичные места являясь трезвыми. У них не было ритуалов пиров и соответствующих им стереотипов поведения. В итоге мусульманским муллам Владимир отказал известными словами: «Руси есть веселие пити...»

Сложнее причины отказа Владимира немцам-католикам. Его слова неясны: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Попробуем разобраться, что именно «не приняли отцы». В середине X в. на Русь прибыл епископ Адальберт с миссией крещения княгини Ольги и киевлян. Адальберт потерпел неудачу, но «не по своей нерадивости».

Известно, что в середине века на святой престол иногда всходили очень грешные папы. В 955 г. на папский престол воссел шестнадцатилетний юноша, нареченный папой Иоанном XII. Ватиканский двор стал вертепом продажных женщин. Если бы папа был только охотником, игроком, волокитой и пьяницей, то это было бы еще полбеда. Но римский первосвященник давал пиры с возлияниями в честь древних языческих богов и пил за здоровье Сатаны. Конечно, вести о таких «подвигах» достигали Руси. Хронологическое совпадение бесчинств

в Риме и изгнания Адальберта из Киева случайностью быть не может. Поэтому традиция отвержения латинской веры и сознательного выбора греческой действительно восходит к предкам Владимира на княжеском столе: княгине Ольге и ее внуку Ярополку.

А вот рассказ о приходе к Владимиру хазарских евреев – пример явного литературного творчества Нестора. Евреи якобы признаются Владимиру: «Предана бысть земля наша хрестеянѡмъ». На самом деле в X в. Палестина была в руках мусульман. Летописец сместил даты. Примечательно, что, по летописи, Владимир не обращался к иудеям, а только принял их, чтобы прогнать. Следовательно, летопись Нестора фиксирует последнюю попытку хазарских иудеев прибрать к рукам киевского князя, сделанную тогда, когда Хазарский каганат уже не существовал. Исход попытки известен: Владимир был проницателен.

Военно-политические следствия выбора веры были очень велики. Сделанный выбор не только дал Владимиру сильного союзника – Византию, но и примирил его с населением собственной столицы. Некоторое сопротивление крещению оказали на первых порах, предпочитая язычество, Новгород и Чернигов. Но язычники Новгорода были сломлены военной силой, а через некоторое время Чернигов вместе со Смоленском также приняли христианство. Теперь перед киевским князем оставались лишь внешнеполитические проблемы.



В. П. Верещагин. Крещение Святого Владимира

В степях между Русью и Черным морем царили печенеги. Именно печенеги, богатевшие на торговле с Корсунью и Византией, выступили против князя Владимира. Нам известен только результат столкновения, которое, предположительно, вылилось в немалую войну; Владимиру пришлось огородить свои земли частоколом, поставить «сторожи», а также отказаться от гегемонии в южнорусских степях и от выхода к Черному морю.

Враги русских и Византии – печенеги – в X в. были язычниками. В XI в. это племя приняло ислам. Обращение в магометанство сопровождалось междоусобной войной. Часть кочевников крестилась, но большинство, обратившись в ислам, стало враждовать с греками. Переход в ислам, войны с Византией и внутренние смуты сковали силы кочевников и к концу первой трети XI в. избавили Русь от печенежской угрозы.



В. П. Верещагин. Водворение христианства в Киеве

Что же происходило на Руси? Мы видим, как православная церковь постепенно распространяла свое благотворное влияние, строила храмы и монастыри, учила людей грамоте и живописи. Только в Ростове (в Мерянской земле) долгое время сохранялись две городские общины: христианская и языческая. В одном конце города стояла православная церковь, в другом находилось капище бога мерян Керемета. При этом христиане и язычники сосуществовали довольно мирно, а после того, как меряне убили двух особенно назойливых миссионеров, их и вовсе оставили в покое.

Итак, Владимир пошел по пути, который наметила «мудрейшая из людей» княгиня Ольга, избравшая православие. Ступив на этот путь, сбросив гнет купеческого капитала рахдонитов, Русь пришла к крещению в 988 г. Сила проповеди православия была и в политической умеренности Византийской империи, и в искренности константинопольских патриархов, и в очаровании греческой литургии (церковной службы).

Византия хотела от Руси дружбы и прекращения бессмысленных набегов на побережье Черного моря. Греческие богословы не сдобривали проповедь православия лукавыми политическими хитросплетениями. Важным оказалось и то, что православие не проповедовало идеи предопределения. И потому ответственность за грехи, творимые по собственной воле, ложилась на грешника. Это было понятно и приемлемо для язычников. Принятие христианских норм морали не было психологическим насилием для новообращенных, которые привыкли к элементарному противопоставлению Добра и Зла.

Добро и мудрость христианства в 988 г. сразились с Перуном и стремлением к наживе – действительным богом рахдонитов. Крещение дало нашим предкам высшую свободу – свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю.

Глава IV

Прихоти судьбы

Сыновья Владимира

Накануне своей смерти, в 1015 г., Владимир столкнулся с острой проблемой управления завоеванными землями. Его собственных военных сил было достаточно для того, чтобы одерживать отдельные победы, но их явно не хватало для того, чтобы держать в покорности все земли Киевской державы. Новгород, Полоцк, Червленая Русь и даже Северо-Восточная Русь все время пытались отложиться от Киева. Посылать всякий раз на их усмирение воевод было способом рискованным и ненадежным. Воевода мог оказаться претендентом на местный княжеский стол и отколоться вместе с теми подданными, которые ему сочувствовали. Поэтому при Владимире создавалась, а позже, при Ярославе, окрепла система раздачи уделов ближайшим родственникам, как правило, сыновьям.



Князь Святополк. Гравюра 1805 г.



Князь Ярослав Мудрый. Гравюра 1805 г.

У великого киевского князя Владимира было двенадцать сыновей. Мы отметим лишь тех, которые приняли участие в последующих событиях. Сын Владимира и Рогнеды Ярослав княжил в Новгороде, его брат Мстислав – в Тмутаракани. Естественно, что первый зависел от новгородцев, а второй – от тмутараканцев. Любимыми детьми Владимира были его сыновья от болгарки: Борис и маленький Глеб. Своего старшего сына и законного наследника Святополка Владимир ненавидел. Святополка звали «сыном двух отцов», ибо Владимир захватил в плен и взял в жены его мать-гречанку, бывшую беременной от им же убитого князя Ярополка.

Святополк активно налаживал контакты и с печенегами, и с поляками. Пожалуй, это был первый русский «западник». В качестве духовного отца Святополк избрал епископа Колобужского – немца Рейнберна, что очень скверно кончилось для обоих. Владимир посадил и немца, и княжича в темницу, из которой епископ уже не вышел.

В настроениях киевлян не было единства. Среди жителей города были сторонники и Святополка, и Ярослава, и Мстислава, причем горячие сторонники одного княжича были злейшими врагами остальных.

Когда Владимир умер, его любимый сын Борис, отправленный отцом против печенегов, был брошен своими соратниками. Дружина оставила его и ушла в Киев. Борис с немногими друзьями оказался беспомощен и беззащитен. В это же время, по смерти князя, толпа освободила из заточения Святополка и провозгласила его великим князем. Что касается Новгорода, то незадолго до смерти Владимир собирал войска для усмирения новгородцев и своего сына Ярослава.

Итак, мы видим полный развал державы, который мог кончиться только войной. И война началась.

Надо сказать, что Новгород был городом богатым, а новгородцы – людьми достаточно воинственными. Однако Ярослав, не доверяя им, пригласил наемников – варяжскую дружину. Варяги задирали новгородцев и приставали к женщинам. В завязавшейся однажды драке новгородцы убили нескольких скандинавов. Боясь княжеского гнева, горожане послали к Ярославу в детинец парламентаров и предложили виру (выкуп) за убитых, но князь приказал варягам убить послов. В ответ город восстал. И в этот момент по Волхову со стороны озера Ильмень прибыл гонец из Киева с вестью о том, что Владимир умер и власть захватил Святополк. Новый князь убил беззащитного Бориса, умертвил мальчика Глеба. Посланные Святополком люди настигли и убили Святослава Древлянского – сына Владимира от «чехини», который пытался бежать на родину матери.

Ярослав понял, что и его судьба предрешена. Потеряв отца и братьев, князь оказался под угрозой смерти от рук святополчьих убийц. К тому же он находился в острейшей ситуации, поссорившись с новгородцами. Ярослав решил бежать в Швецию. И тут обнаружилось, что новгородцы не только воинственны, но практичны и решительны. Они вновь отправили к князю послов, и те сказали: «Князь! Мертвых нам не кресити (не воскресить). Пойдем добывать стола киевского!» Новгородцы в данном случае проявили не столько благородство, сколько расчетливость. Ведь Новгороду приходилось ежегодно отправлять в Киев большую подать. Поэтому естественным было стремление новгородцев хотя бы сократить этот обременительный налог.



Князя Борис и Глеб. Икона середины XIV в.

Новгородское войско во главе с Ярославом стало спускаться по Днепру к Киеву. Святополк выступил навстречу с дружиной киевлян и вспомогательными отрядами печенегов. Когда противники встретились у городка Любеч (1016), была поздняя осень. Полное отсутствие военных способностей у Святополка выразилось в том, что он поставил отряды киевлян и печенегов по разные стороны от уже замерзавшего озера. Ярослав атаковал именно киевскую дружину и опрокинул ее. Печенеги, отделенные от киевлян ледяной водой, попросту не смогли вступить в бой. Победа досталась Ярославу, а Святополк бежал в Польшу.

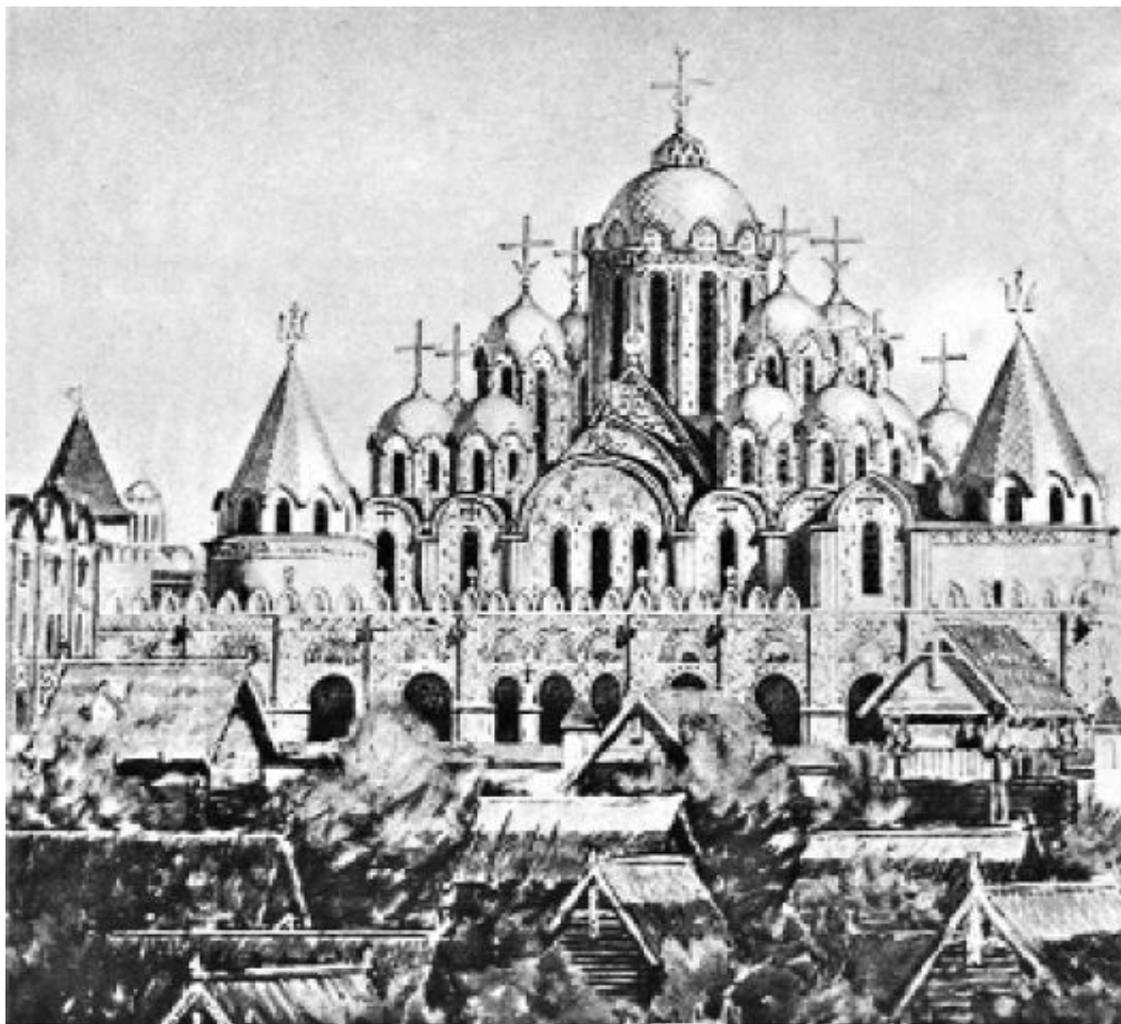
Победители-новгородцы вошли в Киев, «и погоре церкви», – пишет летописец. Мы заключаем из этого, что идейная основа действий Ярослава, его программа сводилась к восстановлению язычества. Но христианизация Киева была уже слишком сильной. Никто не хотел возвращения культа Перуна. От этого Ярослав чувствовал себя в столице крайне неуверенно.

В 1018 г. разногласия между партиями язычников и христиан обострились. Этим воспользовались польский король Болеслав Храбрый и беглец Святополк. Польское войско двинулось на Киев, чтобы, по утверждению поляков, освободить христиан от власти злых язычников.

Болеслав и Ярослав встретились на Буге. Войска врагов разделяла река. По обычаю тех времен, поляки и русские кричали друг другу через реку оскорбления. И когда остряк-новгородец прокричал, что проткнет «колом брюхо толстое» Болеславу, польский король, действительно мужчина упитанный, оскорбился несказанно. Самолюбивый поляк бросился на коне в воду. Вслед за своим королем польские рыцари форсировали реку и... полностью разгромили новгородцев. Рать Ярослава бежала, разгоряченные польские всадники рубили спасавшихся бегством. Сам Ярослав с четырьмя спутниками ускакал в Киев. Но надежды на киевлян не было, а поляки и сторонники Святополка подступали все ближе. Ярослав перебрался в Новгород и снова принялся строить ладьи для бегства в Швецию. И опять князя остановили новгородцы. Они «порубили» ладьи, пообещав собрать деньги и войско для нового похода.



М. М. Антокольский. Ярослав Мудрый



Панорама Верхнего Киева в конце XI в. Реконструкция

Тем временем поляки заняли Киев: на «золотой стол киевский» воссел Святополк. Воины-иноземцы были размещены по домам киевлян и окрестным деревням. И немедленно начались конфликты с местным населением. Буквально за несколько ночей было вырезано множество поляков. Оказалось, что народ может сделать гораздо больше, чем князь и дружина. Сила народная была велика. Это прекрасно понял Болеслав и увел своих воинов в Польшу, оставив в Киеве Святополка.

Ярослав с новгородцами, а точнее, новгородцы с Ярославом вновь двинулись на Киев. Они столкнулись со Святополком, который, мало рассчитывая на киевлян после истории с поляками, вновь призвал на помощь печенегов. Печенеги не помогли, и Святополк, прозванный Окаянным, бежал на запад и вскоре умер, якобы от угрызений совести за невинно убитых братьев Бориса и Глеба. Ярослав стал главой почти всей Руси, за исключением левобережья Днепра и далекой юго-восточной окраины – Тмутаракани.

В этих событиях наше внимание привлекают два обстоятельства. Во-первых, в настоящее время славяне – поляки и русские – практически не понимают друг друга, особенно если говорят быстро. А тогда языки были настолько близки, что брань, перелетавшая через реку, была понятна обеим сторонам. Идея славянского единства уже была утрачена, но как след былой славянской общности VI–VIII вв. еще сохранялась языковая близость.



А. И. Иванов. Единоборство Мстислава Удалого с косоожским князем Редедей

Второе важное обстоятельство мы видим в том, что Киев решительно высказал свое негативное отношение к западничеству и тесным контактам с Западной Европой. Дело в том, что хотя и существовали этнические различия населения Новгород и Полоцка, Ростова и Смоленска, Галича и Чернигова, но в целом Древняя Русь по отношению к другим таким же большим группам этносов (суперэтносам) была единой общностью. Такими группами были, к примеру, жители католической Западной Европы или население мусульманских стран.

В XI в. Польша сблизилась с католическим Западом. Граница двух различных культур пролегла по славянским народам. Сей факт важен для нас потому, что на протяжении всей дальнейшей истории в Древней Руси, а впоследствии и в России постоянно шла борьба двух политических течений: «западнического» (проевропейского) и «почвеннического», выражавшегося в стремлении держаться своих традиций. Проявлениями такого стремления были и сопротивление киевлян оккупационным войскам Болеслава, и отрицательная реакция Киева на западничество Святополка.

Мудрость компромисса

А что происходило в Тмутаракани, где мы оставили шестилетнего Мстислава Владимировича? Как и всякий ребенок, он играл на морском берегу цветными камешками, встретил ровесников и подружился с ними. Другьями детства и юности Мстислава были евреи, осевшие в Тмутаракани после гибели Хазарии и ставшие называться хазарами. Иудео-хазары крепко держали в своих руках всю торговлю в северо-восточном Причерноморье.



Ожесточенное сражение во время грозы войск Мстислава Владимировича Тмутараканского с войсками Ярослава Владимировича Киевского и его союзниками-варягами. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Главным противником иудео-хазарской общины Тмутаракани было черкесское племя касогов. В 1022 г. военные силы тмутараканского князя и вождя касогов Редеди встретились. Предводители дружин мудро решили избежать большого кровопролития и определить победителя в личном поединке. Мстислав, ставший к тому времени могучим воином, одолел Редеду и зарезал его на глазах касожской дружины. Он был милостив с побежденными: отпустил взятых в плен и выдал свою дочь за сына убитого им вождя касогов. Так у Мстислава установились хорошие контакты с черкесами. После совершенно мирным путем он поладил со степными осетинами – ясами. В результате дружина князя пополнилась касожскими и яскими удалцами.

Будучи правителем далекого от Киева южного города, Мстислав никогда не забывал, что он сын великого русского князя Владимира. Мстислав собрал степняков, ясов и касогов, призвал к себе племя северян, живших в Северной земле к востоку от Чернигова, и в 1023 г., соединив эти силы с иудео-хазарским войском Тмутаракани, отправился искать «золотого стола киевского».



Князь Мстислав I. Гравюра 1805 г.

Момент был избран удобный. Ярослав находился на севере своей державы: сначала ему пришлось отбивать нападение полоцкого князя Брючислава на Новгород, а после усмирять движение волхвов, возобновивших языческие жертвоприношения людей.

Летопись утверждает, что Мстислав подошел к Киеву, но киевляне наотрез отказались впустить в город тмутараканскую дружину: еще была жива память о «подвигах» полководца Песаха и о дани, собиравшейся с Руси иудео-хазарами.

Войска Мстислава столкнулись с варягами вернувшегося с севера Ярослава в битве при Листвене (1024). Летописец рассказывает о грозе, бывшей в ночь битвы. Воины сражались при свете молний. Варягам противостояло ополчение северян – союзников Мстислава. В решающий момент, когда обе стороны уже были измучены боем, Мстислав бросил на варяжское войско свою конницу, состоявшую из ясов и касогов. Варяги смешались и бежали – победа осталась за тмутараканским князем.

Обходя утром поле сражения, Мстислав предельно откровенно выразил свои чувства. Его фраза попала в летопись: «Кто тому не рад? (Как не радоваться?) Вот лежит северянин, вот

варяг, а дружина своя цела». Понятно, что союзные Мстиславу северяне, ясы и касоги были оскорблены. В результате князь-победитель остался с малой дружиной иудео-хазар и просил побежденного Ярослава о мире. Итак, в Киеве снова воссел Ярослав, а за Мстиславом остались далекие Тмутаракань и Северская земля (Чернигов). Братья стали княжить на Руси в мире и согласии.

Возникает вопрос: почему евреям удалось подчинить себе Хазарию и ее тюркскую династию ханов Ашина и почему безуспешными оказались их попытки в отношении Руси и князей Рюриковичей? Нам известна набожность Мстислава: очевидно, князь не мог иметь некрещеную жену, и, таким образом, его потомство не могло перейти в иудаизм.



Киевские Золотые ворота. Реконструкция Ю. С. Асеева

После заключения мира с братом Мстислав жил преимущественно в своих черниговских владениях. Скончался князь в 1036 г. Он не оставил наследника, и Ярослав принял власть над всей Русью. Единство державы было достигнуто на основе соглашения между Новгородом – самостоятельной славянской «республикой», Киевом с его влиятельной христианской общиной и Черниговом – богатым городом с воинственным населением. Кроме того, к Киевской Руси уже был присоединен мерянский город Ростов. Именно это соглашение – компромисс, основанный на признании отдельными областями Руси верховной власти великого киевского

князя, – принесло стране долгожданный покой. Это было самое великое достижение Ярослава, прозванного Мудрым.

Перемены

К сожалению, всякий компромисс годен для определенного момента, и надежное будущее державы он обеспечить не может. Это будущее во многом зависит от верного выбора друзей. Ярослав поддерживал отношения с варягами и был готов к дружбе с Польшей, но, к сожалению, ни он, ни его окружение не испытывали симпатий к Византии. Ухудшение отношений между Киевом и Константинополем в 30–40-е годы XI в. происходило на фоне резкого обострения противоречий между православным Востоком и католическим Западом. Римский папа требовал признания себя главою христианской церкви, константинопольский же патриарх Михаил Кируларий стоял на том, что греческая церковь ничем не уступает римско-католической. Папа опирался на поддержку Западной Европы: Германии, Франции, испанских королевств, города-республики Генуи. А Царьград искал помощи у завоеванной им Болгарии и добровольно присоединившейся к Византии Сербии. Религиозное противостояние Рима и Константинополя завершилось окончательным расколом христианской церкви на западную (римско-католическую) и восточную (греко-православную) в 1054 г.



Вокняжение Ярослава Владимировича в Киеве; его дружина. Миниатюра из Радзивилловской летописи



Интерьер киевского Софийского собора



Оранта. Мозаичное изображение в апсиде центрального алтаря Софийского собора в Киеве. Рисунок Ф. Г. Солнцева

Тем временем антигреческие настроения Ярослава и его окружения, во многом вызванные стремлением освободить киевскую митрополию от опеки константинопольского патриарха, вылились в военный конфликт.

В 1043 г. русский флот во главе с сыном Ярослава Владимиром и воеводой Вышатай двинулся на Константинополь. Летописец сообщает, что «буря велика» разбила корабли русских. Но, вероятно, причиной гибели русского флота вновь стал «греческий огонь». Во всяком случае, спасавшихся на берегу русских избивала и брала в плен латная конница византийцев. Владимиру с частью дружины удалось вернуться на Русь, а воевода Вышата был пленен и выпущен греками лишь спустя три года. Множество русских пленных византийцы ослепили.

Эта неудача заставила Ярослава прекратить активную внешнюю политику, направленную против греков.

При дворе Ярослава по-прежнему сохранялись три партии: одна – западническая, другая – исключительно национальной ориентации, считавшая, что Русь может соперничать с любыми коалициями западных держав, и третья, стремившаяся к миру и дружбе с Византией. Западников возглавлял Изяслав Ярославич (в крещении Дмитрий, старший сын великого князя), национальную партию – Святослав Ярославич (сидевший в Чернигове), провизантийскую партию – Всеволод (княживший в Переяславле, третий сын Ярослава). После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. в Киеве воцарился Изяслав.

В то время немалые перемены произошли не только в Западной Европе и Византии, но и в Великой степи. Проникавшая с IX в. в печенежские кочевья мусульманская пропаганда делала свое дело. Правда, ей противодействовала пропаганда христиан, но сторонники христианства потерпели поражение у печенегов, которых большинство высказалось за принятие ислама. В результате печенеги сделались злейшими врагами всех христианских стран. В 1036 г. в отсутствие Ярослава они совершили набег на Киев. Подоспевший с варягами и новгородцами Ярослав, пополнив войско киевлянами, дал бой печенегам на месте нынешней Святой Софии. Битва была жестокая и упорная. Ярослав «едва одоле к вечеру». Зато разгром печенегов был полный, и это племя больше не тревожило Русь. «Остаток их бегают где-то и до сего дня», – сообщил летописец.



Рисунки Ф. Г. Солнцева с фресок плафона Софийского собора в Киеве

Византия в это время терпела тяжелые неудачи в борьбе с родственным печенегам народом – туркменами-сельджуками. И печенеги, и сельджуки принадлежали к одной ветви тюркских народов – огузам. Сознание родства и единоверие двух племен (сельджуки также исповедовали ислам) сделали их грозными противниками греков. Малоазийские области империи захватывали сельджуки, доходя порой до города Никеи и пролива Босфор, а на Балканском полуострове греков теснили печенеги. Со второй половины XI в. полное завоевание туркменами-сельджуками всей Малой Азии стало реальной угрозой для Византийской империи.

В тот же период на историческую сцену Восточной Европы вышли куманы. К середине XI в. они захватили почти всю территорию современного Казахстана, пересекли нижнее течение Волги и появились в южнорусских степях. Голубоглазых, светловолосых куманов на Руси стали называть половцами (от слова «полова», которое означает рубленую солому, имеющую матово-желтый цвет). У половцев был давний заклятый враг – печенеги. «Степная вендетта», длившаяся века, в XI в. особенно ожесточилась из-за вероисповеданий. Как мы знаем, печенеги приняли ислам, половцы же сохраняли языческие верования своих предков.

После смерти Ярослава Мудрого князь Всеволод пытался установить контакты с половцами, но безуспешно. Постоянные стычки русских и половцев завершились тем, что в сентябре 1068 г. половцы двинулись в большой поход на Русскую землю. Трое Ярославичей: Изяслав, Святослав и Всеволод – встретили кочевников на реке Альте. Кавалерийский бой оказался для русских неудачным. Как сказал поэт:

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен.
Свой меч двуручный высоко подъяв,
Святому Георгию подобен;
Но к ночи, руками за гриву держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь,
С закинутой навзничь главою.

Ярославичи потерпели поражение. Изяслав бежал в Киев, где киевляне потребовали у него оружие и коней, чтобы вновь сразиться с половцами. Но князь не решился дать народу оружие: западник Изяслав хорошо знал свою непопулярность. Киев возмутился, и великий князь, забрав сына Мстислава, бежал в Польшу. Его дальнейшие странствия сами по себе очень интересны, но сейчас для нас важны исход половецкого нашествия и события в Киеве.



Гробница Ярослава в киевском Софийском соборе

1 ноября того же 1068 г. черниговский князь Святослав Ярославич, имея всего 3 тысячи русских ратников, наголову разбил 12 тысяч половцев в битве на реке Снови. Оказалось, что половцы удачливы в коротких набегах и стычках конных отрядов, но борьба с русскими городами и русской пехотой им была не под силу. Поэтому опасности для существования Руси половцы не представляли.

По странной иронии судьбы, половцы оказались спасителями Византии, так как она, теснимая печенегами и в Европе, и в Азии, призвала куманов-половцев на помощь. Ханы Боняк

и Шарукан привели на Балканский полуостров конные рати куманов. К 1091 г. с печенегами на Балканах было покончено. Прижатые половцами и византийцами к морю у мыса Лебурн, печенеги были частью уничтожены, частью захвачены в плен. Союзники по-разному распорядились судьбой пленников. Греки своих перебили, а половцы присоединили к собственному войску. Из остатков печенегов сложился донные существующий народ – гагаузы.



Киевский Софийский собор (вид с восточной стороны). Гравюра XIX в.

Всеслав Полоцкий и Ярославичи

В годы, полные войн с половцами и княжеских усобиц, проявил себя Всеслав, князь полоцкий, внук Изяслава Владимировича, сына Владимира Крестителя. Судьба и деятельность Всеслава Полоцкого необычайно интересны. Полоцк сохранил память о разгроме города Владимиром в 980 г., когда будущий великий князь убил князя Рогволода и его сыновей и надругался над дочерью Рогволода Рогнедой.

По расправе с княжеской семьей можно представить, как вели себя новгородцы и наемные варяги в захваченном городе. Когда же на княжеском столе Полоцка оказался потомок Рогнеды Всеслав, полочане активно поддержали своего князя в войне с Псковом, а затем и с Новгородом.

Всеслав захватил и ограбил в 1067 г. Новгород, но вскоре был разбит Ярославичами в бою на реке Немиге. Полагаясь на «крестное целование», князь встретился с победителями и... был схвачен и посажен в Киеве в поруб – уходящий в землю сруб без окон и дверей, куда узника опускали сверху на веревках и таким же образом подавали ему пищу; заключение в порубе считалось очень суровым. Но просидел Всеслав в порубе недолго. Как только выяснилось, что Изяслав, проиграв битву с половцами на Альте, отказывает киевлянам в оружии и конях, город, как мы уже знаем, восстал. Горожане разнесли поруб и провозгласили освобожденного Всеслава князем Киева, на что правнук Владимира имел, по их мнению, все права.



Княжна Анна Ярославна. Гравюра 1805 г.



Князь Изяслав I. Гравюра 1805 г.



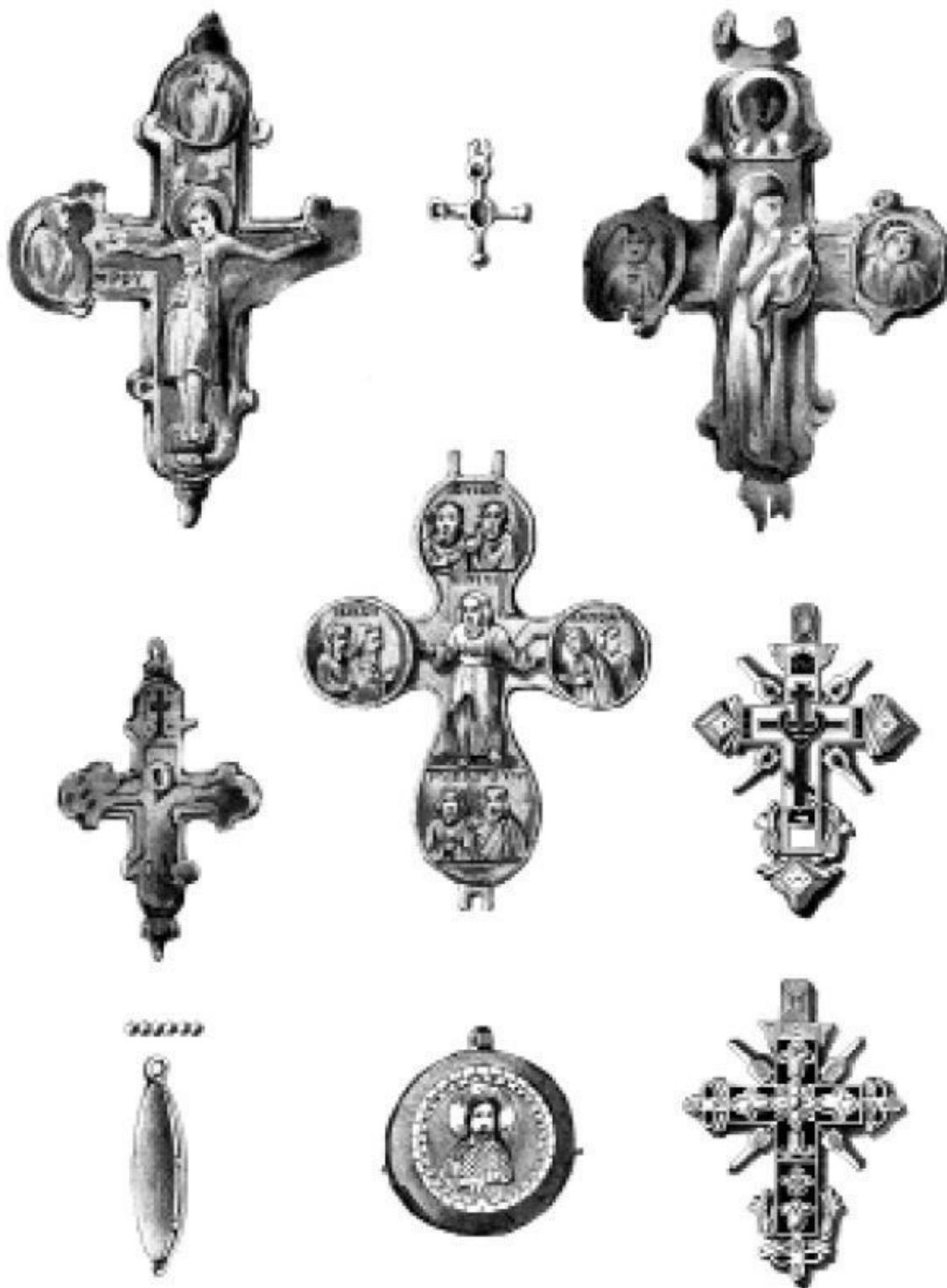
Князь Всеволод I. Гравюра 1805 г.

Тем временем Изяслав с сыном Мстиславом получили поддержку польского короля. В 1069 г. польское войско с Мстиславом Изяславичем во главе двинулось к Киеву. Всеслав, не имевший большой дружины, даже не пытался бороться с регулярными войсками поляков. Он бросил Киев и бежал в родной Полоцк. В Киев вошел Мстислав и учинил жестокую расправу с населением города. Казни и пытки вынудили киевлян обратиться к двум другим Ярославичам с просьбой о защите.

Святослав и Всеволод потребовали от Мстислава прекратить кровопролитие в Киеве. Казни прекратились, а от польского войска киевляне избавились средством, испытанным еще при Святополке Окаянном: массовыми убийствами размещенных на постой польских ратников. Поляки вернулись на родину, а в Киеве вокняжился Изяслав. Но в 1073 г. непопулярный князь был вновь изгнан киевлянами, выступившими на сей раз в союзе с братьями Изяслава

Святославом и Всеволодом. Изяслав опять бежал на Запад. В Польше князя-беглеца ограбили, и только заступничество папы вернуло ему княжеские драгоценности.

Между тем в Киеве воссел на престол второй сын Ярослава Мудрого – князь черниговский Святослав, которого полностью поддерживал третий Ярославич – Всеволод. Святослав, человек умный и волевой, был прекрасным полководцем. При этом он стремился к контактам с обосновавшимися в южнорусских степях половцами и совсем не тяготел к Западу. Его позицию можно назвать «националистической». К сожалению, узкие националисты всегда рискуют остаться без поддержки со стороны. Так и Святославу не удалось ни установить настоящего мира с половцами, ни восстановить отношения с Византией.



Древние кресты и образок, найденные при раскопках в Киеве

Тем временем внутри страны часть населения вернулась к язычеству. Славяне, как и их соседи тюрки и угро-финны, верили в существование упырей, то есть духов покойников, и духов природы: лесных, водяных, а также домовых. Такие взгляды религией называть неправильно. Это, скорее, «природоведение», соответствовавшее уровню знаний того времени. Вместе взятые, суеверия представляли собой какое-то подобие мировоззрения, но считать их настоящим религиозным культом нельзя, как нельзя отождествлять домового с Богом-Создателем. Интересно, что эти языческие верования прекрасно уживались и продолжают уживаться

и с христианством, и с исламом, а в наше время – и с «научным» атеизмом. Сначала это явление называли двоеверием, затем стали говорить о суеверии, но название не меняет сути.



Князь Святослав II. Гравюра 1805 г.

Вспышка языческого фанатизма отмечена летописью в 1071 г. В Ростовской земле объявились волхвы, которые в пору неурожая успешно находили «виновных» в голоде. Жертвами волхвов обычно становились женщины, очевидно, зажиточные крестьянки. Доставая у несчастных из-за спины зерно, волхвы убеждали волнующийся народ, что «бабы прячут жито». Женщины погибали, а движение волхвов, фанатиков-изуверов, захватывало все новые области.

На Белоозере воинствующие язычники столкнулись с Яном, воеводой Святослава. Ян, сын воеводы Вышаты, так неудачно ходившего на Царьград в 1043 г., был человек бесстрашный и, на беду волхвов, беспощадный. Разогнав с немногими воинами мятежную толпу, он заставил белоозерцев выдать ему волхвов-зачинщиков. Летопись передает разговор Яна и волхвов. Те упорствовали в своих верованиях и лишь после «внушения» горестно признались Яну: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». Ян, немедленно согласившись с ними, отдал волхвов-убийц родным погибших. Повешенных на дереве волхвов ночью изгрыз медведь, зверь для язычников очень почтенный.

Некий волхв появился и в Новгородской земле. Он объявил себя прорицателем, подбил людей на мятеж против церкви и обещал невиданное чудо. Белоозерских язычников обуздал сын Святослава князь Глеб. Укрыв под плащом топор, он обратился к кудеснику с вопросом, знает ли тот будущее. «Знаю все», – был ответ. Князь спросил: «Знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» «Чудеса великие сотворю», – пророчествовал волхв. Глеб вынул топор и зарубил волхва, доказав тем самым, что пророком тот был никудышным. «Люди разошлись», – сообщает летописец. Так энергичными действиями власти было подавлено возрождение язычества на севере Руси.

В декабре 1076 г. князь Святослав умер. Эта внезапная, «от желвака», смерть князя, которому еще не было пятидесяти лет, нарушила сложившееся на Руси равновесие.

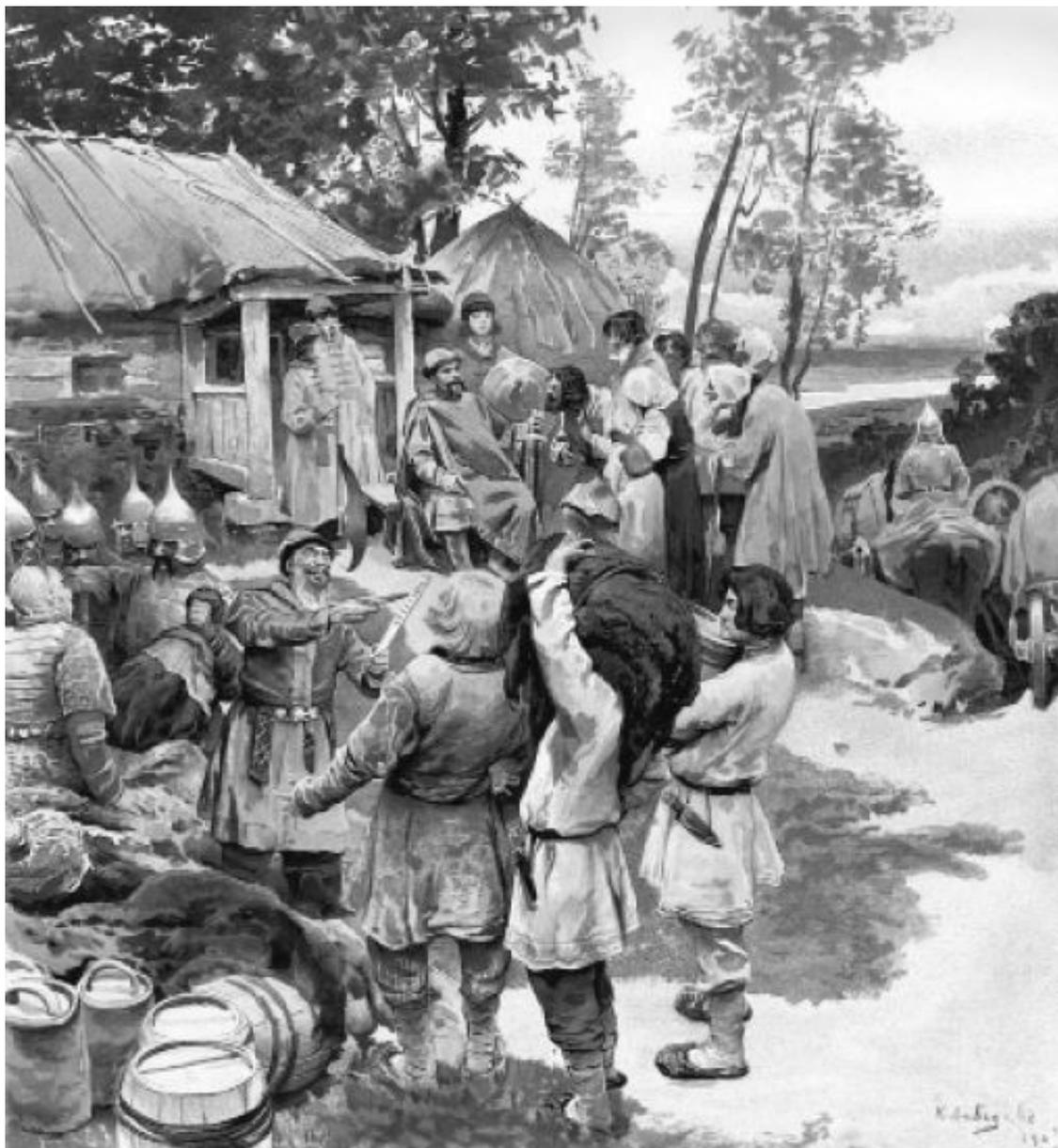
Олег Святославич

По ряду (закону) Ярослава Мудрого после смерти великого князя наследником становился не сын его, а следующий по старшинству рождения брат. Если прекращалось поколение братьев, престол наследовал сын старшего брата, после его смерти – сын следующего брата, и так далее. Когда умер Святослав Ярославич, оставивший пятерых сыновей, возник вопрос: считать его законным великим князем киевским или узурпатором, захватившим киевский стол при жизни старшего брата Изяслава?

От решения этого вопроса зависели и судьбы сыновей Святослава, потому что в Древней Руси существовал очень жестокий обычай. Людей, в чем-либо провинившихся, «изгоняли из жизни», то есть лишали их права заниматься кормившим их семью делом. Существовало три категории таких людей: попов сын, что грамоте не выучился, купец задолжавший и смерд (крестьянин), от верви (общины) отклонившийся. В какой-то степени это было справедливо. Попов сын мог наследовать приход отца, но для посвящения в сан нужно было знать грамоту и уметь служить литургию. Если из-за лени попович грамоту не разумел, его из прихода изгоняли. Сам виноват, скажем мы, надо было учиться. Виновным считался и не отдавший долг купец: «взял в долг – верни». Был ли ограблен караван, потопила ли буря ладья с товаром или купец попросту промотал чужие деньги – все это считалось вопросом праздным. Точно так же смерда, отколовшегося от своей верви, где его знали родственники и соседи, не принимали жить и работать другие общины, не интересуясь причинами изгнания.



А. Д. Кившенко. Ярослав Мудрый. Чтение народу «Русской Правды»



К. В. Лебедев. Сбор дани князем

Но была на Руси и четвертая категория изгоев, никак в своей беде не повинных. «А четвертый изгой: аще (если) князь осиротеет». В соответствии с этим принципом князь, осиротевший раньше, чем его отец смог занять великий стол, навечно лишался всех прав владения наследством предков. Следовательно, для сыновей Святослава в сложившейся ситуации выбор был очень жесток: они либо получали право занять в свою очередь великое киевское княжение, либо превращались в князей-изгоев. Таким изгоем после смерти своего отца Вячеслава стал внук Ярослава Мудрого Борис, сидевший при жизни отца в Смоленске. То же случилось с Давыдом Игоревичем, сыном самого младшего сына Ярослава Мудрого – Игоря, также не дожившего до своей очереди занять киевский стол.

Естественно, что князья-изгой стремились закрепиться на каком-то из русских столов. Единственно возможным местом была далекая Тмутаракань. Там и началась непрерывная борьба между изгоями, которых приглашали тмутараканские иудео-хазары, и Святославичами, потерявшими отцовский Чернигов и использовавшими контакты с ясами, касогами и полов-

цами. Святославичи стремились вернуть черниговский стол отца, на котором закрепились сначала Всеволод, а затем его сын Владимир Мономах.

И вот в 1078 г. Олег и Роман Святославичи вместе с Борисом Вячеславичем двинулись на Русь из Тмутаракани, чтобы мечом добыть свои удельные города. Против них выступили старшие князья – Изяслав и Всеволод. В страшной битве на Нежатиной Ниве около Чернигова погиб князь Изяслав – старик, проживший жизнь, полную взлетов и падений. Погиб и бросившийся в сечу за удел отца юноша Борис Вячеславич. Победу одержали старшие князья. Великим князем стал Всеволод, торжественно отпевший брата Изяслава. Таким образом, Святослава на великом столе сменил Всеволод.

Судьба уцелевших Святославичей была печальной: Роман Святославич в 1079 г. был убит в половецких кочевьях, а Олег, добравшийся до Тмутаракани, был схвачен хазарами. Судьба Олега поражает нас своей исключительностью. Хазары передали Олега грекам. Князь жил в Константинополе, очевидно, как почетный пленник. Бездеятельная жизнь, к тому же лишенная какой-либо перспективы, не могла не тяготить молодого, энергичного Олега. И тут ему повезло. Все изменило происшествие в императорском дворце, когда русские наемники, крепко напившись вина, решили произвести переворот и напали на императорскую спальню. Эта пьяная попытка успеха не имела. Греческие воины отбили нападение и загнали наемников в одно из дворцовых помещений. Проспавшись, буяны стали просить прощения и были прощены. Разумеется, их отправили из столицы в пограничные войска, где больше воевали с сельджуками, чем употребляли хмельные напитки. Русская гвардия при дворе василевса была ликвидирована и заменена войсками из англосаксов.⁵



Вид церкви, устроенной из остатков древней Десятинной митрополитом Петром Могилой. Гравюра. 1847 г.

⁵ Как известно, в 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель разбил короля Англии Харальда. В битве при Гастингсе Харальд погиб, Англия была захвачена норманнами, а англосаксы подверглись столь жестокому угнетению завоевателей, что стали покидать родину, охотно нанимаясь на военную службу в Византию.



Урочища киевские: Кожемяки

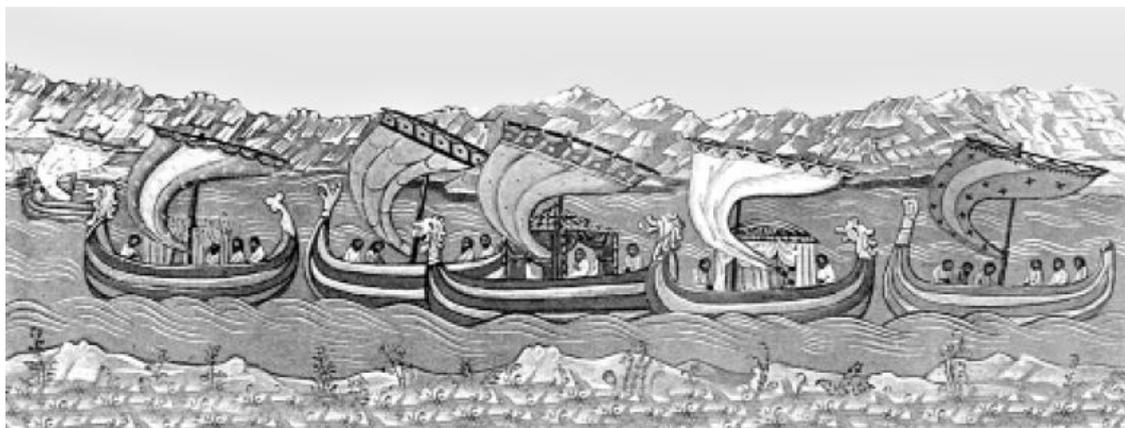
После нелепого бунта пьяных варягов Олега Святославича как русского перевели на остров Родос. Там он женился на греческой патрицианке Феофании Музалон и через два года получил разрешение вернуться в Тмутаракань, где укрепились поддержанные хазарами изгой Давыд Игоревич и Володарь.

В 1083 г. к причалу Тмутаракани подошла византийская галера с «архонтом Руси» (греческий сан русского князя) Олегом и его молодой женой. Олег сошел на берег, и... в Тмутаракани учинилась резня. Были истреблены иудео-хазары, давние враги Олега, и изгнаны князья Давыд и Володарь. Ясно, что собственными силами Олег не смог бы расправиться с еврейской общиной Тмутаракани. Кто мог поддержать нового князя и произвести эту жестокую экзекуцию? Очевидно, лишь коренные жители: ясы и касоги – и, возможно, половцы. Некоторое время Олег держался в Тмутаракани, сохраняя отношения с Византией, а в 1094 г., отдав город василевсу Алексею Комнину, ушел с дружиной на Русь. Он взял в союзники половцев, выгнал из Чернигова своего двоюродного брата Владимира Всеволодича Мономаха и вокняжился в городе своего отца.

Глава V Миг единства

В поисках союзников

Всеволод, ставший великим князем, на короткое время объединил под своей властью большую часть Руси, посадив сыновей в удельных городах. Византийские симпатии Всеволода угасали, и это неудивительно. Во второй половине XI в. Византия почти потеряла Малую Азию, хозяйство империи было разрушено бездарным правлением императрицы Зои и внутренней смутой, устроенной Романом Диогеном в 1068–1071 гг. Относительный порядок в Византии начал устанавливаться лишь после 1081 г., когда василевсом стал Алексей Комнин; а до того киевский князь просто не мог рассчитывать на поддержку слабеющей Византийской державы.



Н. К. Рерих. Заставка к книге «Лицевой летописный Изборник». (Фрагмент)

В поисках союзника Всеволод, как и его старший брат, начал обращать взоры на Запад, но Западная Европа тогда являла собой неутешительную картину. «Христианский мир» переживал пассионарную депрессию акматической фазы. Пассионарность западноевропейцев активно смещалась к границам суперэтнического ареала. Германские феодалы начали захватывать пограничные славянские земли и превращать славян в бесправных «сервов» – крепостных. Западные славяне, жившие по Эльбе, сопротивлялись немецкому давлению всеми силами, но силы были неравны.

Ужас положения славян состоял в том, что, не принадлежа к «христианскому миру», они были для немцев не просто «чужими»: людей другого суперэтноса завоеватели рассматривали лишь как часть природы покоренной страны (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Разумеется, и собственных крестьян немецкие бароны притесняли достаточно сильно. Но характер этого притеснения был иной. Когда, к примеру, саксонский герцог, став императором Священной Римской империи, наказывал «своих» саксов, то в них он видел людей, от которых просто требовал некоторой повинности. С бургундами, франконцами, баварцами герцог обходился уже гораздо более жестоко, а со славянами (или арабами, или венграми) поступал абсолютно бесчеловечно.



Великий князь Всеволод Ярославич. Титулярник 1672 г.



Князь Святополк II. Гравюра 1805 г.

Кроме того, все феодалы средневековой Европы делились на две основные партии. Одну партию возглавляла церковь, сама претендовавшая на десятину и на верховный авторитет в делах управления. Сторонники этой партии в XII–XIII вв. получили итальянское название «гвельфы», по имени Вельфов – герцогов Саксонии и Баварии, боровшихся против императорской династии Гогенштауфенов. Приверженцы же императоров звались гибеллинами.

Формально и те и другие считали себя католиками, а фактическое отношение к религии никого не волновало. Различие гвельфов и гибеллинов заключалось не в религиозных воззрениях – различались их программы устройства жизни. Гвельфы, естественно, опирались на авторитет римской курии и священников; гибеллины формировали свой «интеллектуальный фонд» из юристов (прежде всего Болонского университета), которые обосновывали тезис о превосходстве власти императора над властью папы.

Разным было также мироощущение гвельфов и гибеллинов, выразившееся в их отношении к природе. Дело в том, что ряды гвельфов пополнялись людьми, жившими на своих природных землях и приспособившимися к вмещающему ландшафту. Поэтому к родной природе они относились вполне благожелательно. Большинство же гибеллинов состояло из весьма пассионарных феодалов, искавших славы, побед, завоеваний в далеких землях, где они жили за счет покоренного населения. И люди и природа оставались для них «чужими», а «своим» становилось стремление получить возможно больший доход. И потому в восприятии гибеллинами окружающего преобладало мироотрицание. Негативное мироощущение гибеллинов не замедлило проявиться в экстремальной ситуации.

Борьба пап и императоров достигла своего апогея в конце 70-х годов XI в. при противостоянии папы Григория VII и императора Генриха IV из Франконской династии. Поскольку папа оставался главой церкви, среди феодалов начали широко распространяться антисистемные культы, противоположные церковному, например поклонение Сатане. Не представлял исключения и сам император, состоявший в секте николаитов.⁶ Хотя отправляемый культ считался тайным, о служении «черных месс» знали многие, причем шока это у западноевропейцев не вызывало.

Именно с императором Генрихом IV заключил союз киевский князь Всеволод, примкнув таким образом к европейской партии гибеллинов. Союз был дополнен династическим браком императора с дочерью великого князя – Евпраксией Всеволодовной. Так русская княжна стала немецкой императрицей Адельгейдой.

Генрих был человеком без предрассудков и привлек к участию в «черных мессах» свою жену, дабы на ее голом теле служить кощунственные обедни. Однако то, что немцам, бургундцам или итальянкам казалось очень лестным, у русской женщины вызвало отвращение – жена бежала от мужа к его противнице, графине Матильде.

Матильда переправила ее в Рим, папа принял Евпраксию и, дав ей отпущение вынужденного греха, отправил несчастную обратно на Русь. Княжна, вернувшись в дом отца и имея все возможности устроить свою жизнь, пошла в монастырь около Чернигова, где и закончила свои дни. Вероятно, ее впечатления оказались настолько омерзительны, что жизнь потеряла смысл. Вот вам пример разницы между поведением западноевропейцев и русских.

Итак, попытка сближения с Западом оказалась для Всеволода неудачной.

Борьба прогреческих и прозападных настроений распространилась и на русскую церковь. К грекам, к Византии тяготели иерархи церкви, группировавшиеся вокруг митрополита, которым обычно был грек. Им противостояли русские клирики, опиравшиеся на монашество Киево-Печерской лавры.

Не было единства на Руси и в отношении к степным соседям. С Киевской державой граничили два кочевых народа: торки (гузы) и половцы, смертельно враждовавшие между собой. Избиравшие себе союзниками торков, как это делали в XII в. волынские и киевские князья, сразу становились противниками половцев. Соответственно те, кто опирался на половцев, как впоследствии черниговские Ольговичи, становились врагами торков.

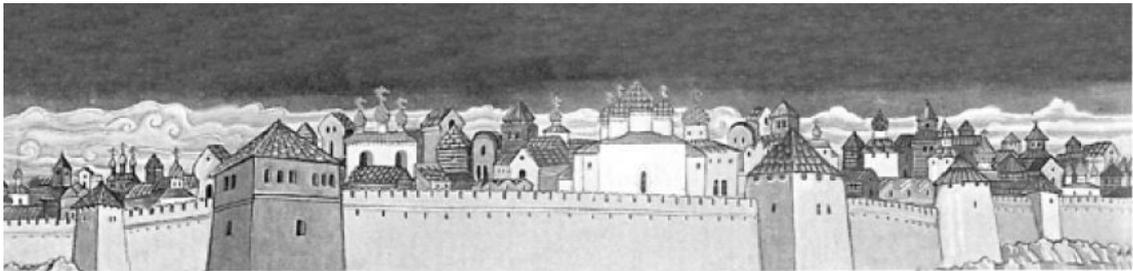
Ситуация была сверхсложная. Всеволод, не видя возможности навести порядок в удельных землях, передал инициативу и фактическую власть своему сыну, княжившему в Чернигове, – Владимиру Мономаху. Сам же великий князь, испытав на склоне лет «печали большие», скончался в 1093 г.

⁶ *Николаиты* – одна из многочисленных антисистемных сект Средневековья, следовавшая сатанинскому культу.

Беспринципность

После смерти великого князя Всеволода, согласно лествичному порядку престолонаследия, на киевское великое княжение взошел Святополк II Изяславич, сын старшего из Ярославичей, княживший до того в небольшом городе Турове. Сын же покойного Всеволода – Владимир Мономах, изгнанный из Чернигова Олегом, сел в Переяславле.

Положение великого князя Святополка оказалось нелегким. Политическая линия его отца была малопопулярна и в Киеве, и во всей Руси. Переговоры Изяслава Ярославича с папой римским были неприятны и неприемлемы для большинства православных русских второй половины XI в. Став великим князем, Святополк не повторял подобных попыток и постарался сменить свое окружение.



Н. К. Рерих. Древнерусский город

Как когда-то Всеволод «отверг дружину свою старшую», Святополк также приблизил к себе совершенно новых людей. Летописец зовет их «уными», то есть юными, но обозначает так не возрастное, а поведенческое отличие. Вместо «старшей дружины», то есть соратников и друзей Ярославичей, у киевского престола собрались новые люди. Они были надежными помощниками великого князя, но при условии, что их служба хорошо оплачивалась. Сподвижниками Святополка становились уже не бескорыстные радетели Русской земли, но хитрые, алчные и часто совершенно бессовестные придворные. Чтобы уверенно опираться на них, великому князю требовались немалые деньги.

И Святополк пошел на нехитрую операцию: он пригласил из Германии евреев-ростовщиков. Ростовщики получили право жительства в Киеве, возможность построить синагогу и свободу в финансовых операциях. Прибывшие с Запада в Киев евреи благодаря своему опыту и сплоченности быстро отняли у непривычных к ростовщичеству киевлян большую часть клиентуры. Однако ростовщики-евреи не ограничились этой деятельностью. Ссужая великому князю деньги, они требовали для себя возможностей максимальной наживы. Наиболее выгодным коммерческим предприятием в то время была торговля рабами. Естественно, что кредиторы подталкивали Святополка к военным походам, целью которых был захват пленников, служивших платой великого князя ростовщикам.

Противостоять зависимой политике князя могли бы Святославичи, но ведь они сидели в Чернигове, и, поскольку киевляне «не хотели» черниговцев, шансов у Святославичей не было никаких. Сын Всеволода – Владимир Мономах – сидел у себя в Переяславле и не мог покушаться на права старшего брата, а должен был исполнять его волю, поскольку заключил с ним политический союз. Святополк решил развязать войну. А воевать ради невольников киевский князь мог только с половцами.

Надо сказать, что половцы были лишены той маневренности, которую традиционно приписывают кочевникам. Как и все степняки, они занимались скотоводством. Но для зим южно-русских степей характерны обильные снегопады, когда толщина снегового покрова порой пре-

вышает 0,4 м. В таких условиях скот не может питаться подножным кормом. И в снежную пору половцы поневоле оказывались прикованными к местам зимовок, а летом – к сенокосам. Даже при хорошо подготовленных зимовках половецкий скот сильно тощал. Особенно страдали ездовые кони, а значит, и военная мощь этого племенного союза.

После нескольких неудачных сражений Святополк II, а с ним Владимир Мономах и старший брат уже известного нам Олега Святославича – Давыд – начали нападать на становища половцев, стремясь перенести тяжесть военных действий в половецкую степь. Половцам пришлось защищать зимовья, где находились их женщины и дети. Волыи упряжки с семьями и утварью кочевников, двигавшиеся со скоростью около 4 км/ч, не могли уйти от русской конницы; половцы поневоле принимали навязываемые им сражения.

Очевидно, что отнюдь не степняки представляли на рубеже XI–XII вв. основную опасность для Киевской Руси. В это время обозначило себя явление более грозное – падение нравов, отказ от традиционной русской этики и морали. В 1097 г. в Любече состоялся княжеский съезд, положивший начало новой политической форме существования страны. Там было решено, что «каждый да держит отчину свою». Таким образом, Русь начала превращаться в конфедерацию независимых государств. Князья поклялись нерушимо соблюдать провозглашенное и в том целовали крест.



А. Д. Кившенко. Владимир Мономах: Долобский съезд в 1103 г.



Князь Владимир Мономах. Фрагмент росписи Грановитой палаты Московского Кремля

Но только съезд окончился, один из князей – Давыд Игоревич – схватил с разрешения Святополка II на Киевской земле князя Василька Тербовольского и велел его ослепить. Ни о чем подобном до тех пор на Руси не слыхивали. Инцидент возмутил всех, но тем не менее Святополк остался великим князем, а Давыда лишь в 1100 г. «сослали» княжить в Бужск. А что же православная церковь? Она, разумеется, осудила эту акцию с христианских позиций, но не более того. Ведь и в церкви единства не было. Как мы помним, «византийцы» – митрополичье окружение – враждовали с монашеской общиной Киево-Печерской лавры.

Вот пример, иллюстрирующий сложность отношений церковных партий, великого князя и его западных друзей. В Киево-Печерском патерике есть рассказ о печерском иноке Евстратии, проданном в Крыму торговцу-иудею. Тот требовал от инока отречения от Христа, мучил его и, не сломив голодом привыкшего к постам Евстратия, распял монаха. Монах погиб. Слух о случившемся прошел по всему Крыму и достиг Константинополя. Император Византии Алексей Комнин преступлений не прощал, шутить не любил и уничтожил еврейскую общину в Крыму.

Лаврская братия, несомненно, не пребывала в неведении относительно обращения еврейского торговца с монахом их собственного монастыря. И тем не менее это не мешало братии иметь с еврейскими ростовщиками одного покровителя – князя Святополка II. Не случайно в «Повести временных лет», созданной Нестором в лавре, многие недостойные качества Святополка оказались старательно затушеваны летописцем в угоду покровителю монастыря. Свои претензии к Святополку первый историк земли Русской выразил крайне сдержанно, указав лишь, что Святополк отнял у монахов соляные промыслы – одно из выгодных предприятий для XI–XII вв., хотя монахи не раз страдали из-за политики Святополка. Тот же Нестор сообщает, что в мае 1096 г. половецкий хан Боняк, союзник черниговских князей и противник Святополка, совершил набег на Киев. Половцы захватили Киево-Печерскую лавру, грабили и убивали монахов. Взятый на Руси полон степняки, как обычно, отвели в Крым и продали местным купцам-работорговцам.



Целование креста Владимиром Всеволодичем Мономахом и Святополком Изяславичем Киевским в знак примирения. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Легко понять, что политика, проводимая Святополком II, была далека от стратегических, политических, экономических и культурных интересов Руси. Война с половцами велась из-за стремления захватить как можно больше пленников и продать их на невольничьих рынках. Естественно, что киевляне были крайне недовольны политикой Святополка, но у него была достаточно сильная дружина, и в ней командовали «уные». Восставить в таких условиях горожанам было слишком рискованно. Но все люди смертны. В 1113 г. Святополк умер, и тогда прорвались народные страсти. Были разграблены дома многих бояр, двор тысяцкого Путяты и

лавки евреев-ростовщиков. Так произошел первый в Киеве еврейский погром. Киевляне расправлялись с еврейскими купцами и их сторонниками, действуя с истинно народным размахом. Не все в городе одобряли стихийно начавшиеся действия киевлян.

Богатые бояре понимали, что аппетит приходит во время еды, а значит, это безобразие может коснуться и их. Поэтому они послали депутацию во главе с митрополитом к Владимиру Мономаху, правителю сильному и достаточно популярному в народе.

Отец и сын

Владимир явился с небольшим отрядом, киевляне не оказали ему никакого сопротивления, а наоборот, признали великим киевским князем. Мономах потребовал прекратить истребление евреев, обещав киевлянам, что князья решат вопрос о еврейской общине. И на княжеском съезде в Выдубиче этот вопрос был решен. Владимир Мономах заявил, что конфисковывать еврейское имущество, хотя и нажитое несправедливым путем, он не будет. Евреи сохранили право на все, приобретенное ими на Руси. Но им отказали в праве на жительство, а тайно приезжавшие лишались покровительства закона. Всем евреям предлагалось немедленно выехать туда, откуда они явились, для чего им был выделен необходимый конвой. После событий 1113 г. западничество на Руси исчезло до XIII в., и в дальнейшем боролись лишь две партии: провизантийская и русская.



Вид Киево-Печерской лавры в XIX в.

Не менее эффективно решил Мономах и половецкую проблему. Русские рати, проигрывая отдельные стычки, легко выиграли войну со столь немобильным противником. Решающий поход в 1111 г. был общерусским. На Донце кочевники были разбиты, а в 1116 г. сын Владимира Мономаха Ярополк разгромил половецкие вежи и на Дону. В 1120 г. тот же Ярополк уже не нашел половцев на Дону: кочевники ушли в глубь степей.

В итоге этих походов западные кочевья между Доном и Карпатами были приведены к покорности. Половцы, жившие на этой территории, вошли в состав Руси на началах автономии и, будучи некрещеными, стали называться «свои поганые» (от латинского *paganus* – «язычник»). В противоположность им половцы, жившие за Доном – на Волге и Кубани, именовались «дикими». «Дикие» половцы обыкновенно выступали союзниками ростово-суздальских князей, тогда как их степные враги, жившие на южной границе Волыни, – торки – поддерживали князей волынских и киевских.



Князь Владимир Мономах. Гравюра 1805 г.



Вокняжение в Киеве Мстислава Владимировича Великого; отъезд Ярополка Владимировича на княжение в Переяславль. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Итак, Владимир Мономах за годы своего великого княжения (1113–1125) решил обе проблемы: половецкую и еврейскую, установив на Руси относительный порядок. Он оставил в наследство своему сыну Мстиславу Великому, вступившему после него на престол, только проблему Полоцкого княжества. И Мстислав, будучи подобно своему отцу талантливым человеком, захватил Полоцк, полоцких князей выслал в Византию, а территорию княжества присоединил к Русской земле. Это был период, когда вся Русь (то есть все восточное славянство) была объединена.



В. М. Васнецов. Отдых Владимира Мономаха после охоты

Мстислав Великий, хотя и княживший очень недолго (1125–1132), пользовался таким уважением, что был канонизирован русской православной церковью.

Начало конца

После смерти Мстислава Киевская держава стала быстро, спонтанно распадаться. Первым отпал Полоцк, куда в год смерти Мстислава Великого прибыли из Византии полоцкие князья. Они были приняты согражданами, и Полоцк вернулся к самостоятельности. Затем, в 1135 г., отделился Новгород. Новгородская «республика» перестала посылать деньги в Киев.

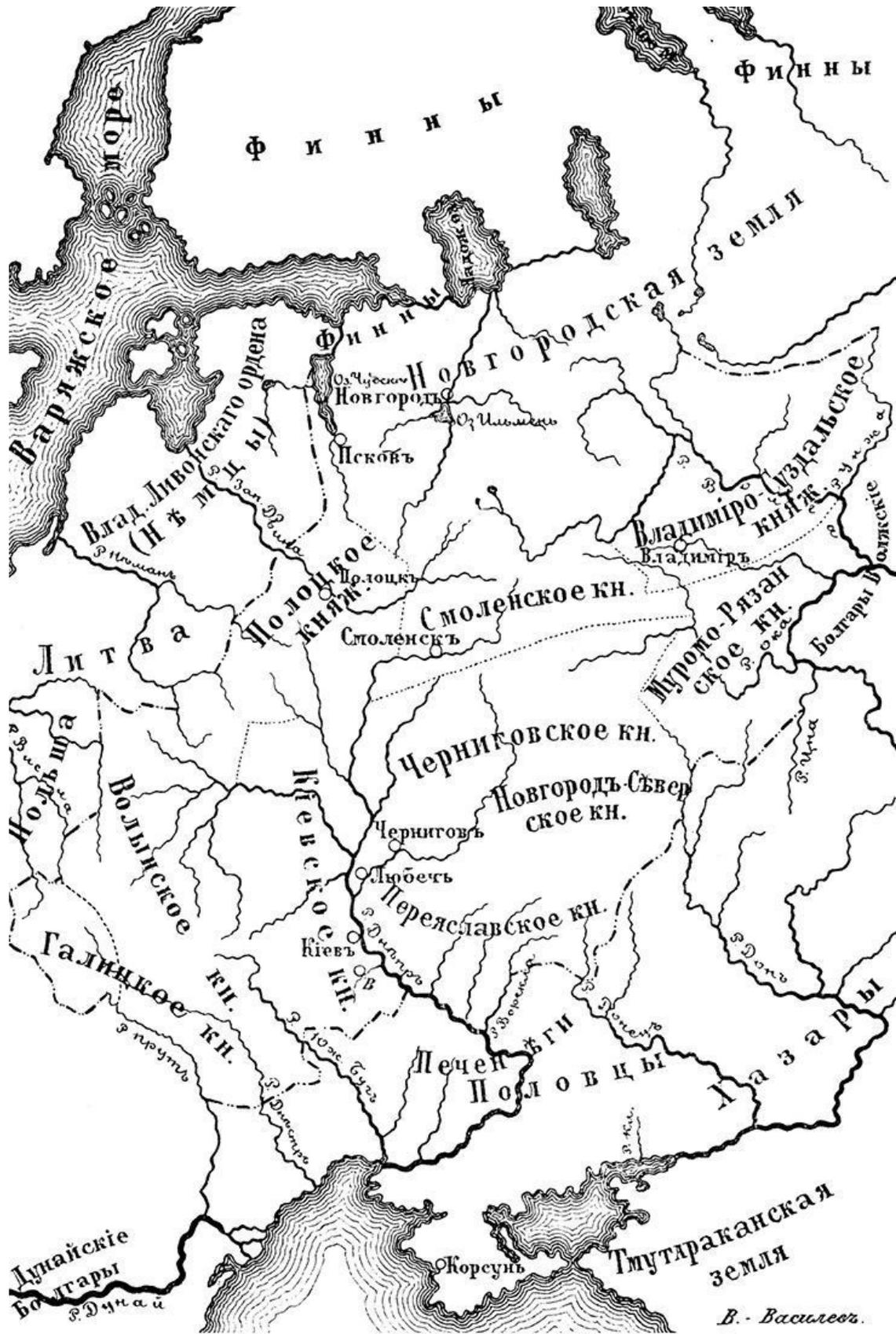
В Киеве некоторое время (до 1139 г.) правил брат Мстислава Ярополк. Он умер, оставив престол брату Вячеславу. И тут в судьбу киевского великокняжеского стола вмешался Чернигов. Сын Олега Всеволод напал на Киев, выгнал Вячеслава и сел на киевский престол, объявив себя великим князем. Против него выступила ветвь Мономашичей, которых поддерживала Волынь. Изяслав, племянник Вячеслава, пытался вернуть Киев потомству Мономаха, но Всеволод – князь крутой, умный и жестокий – держался на великом княжении вплоть до своей смерти (1146).

Менее удачлив оказался его брат Игорь – человек на редкость неталантливый. Меньше чем за месяц своего правления он сумел настроить против себя киевлян, и, когда Изяслав Мстиславич, внук Мономаха, явился с Волыни с отрядом торков, киевское ополчение покинуло князя Игоря. Потерпев поражение под стенами столицы, он пытался бежать, но его конь увяз в болоте около речки Лыбедь. Игоря схватили и заточили в поруб, где он сидел до тех пор, пока третий брат – Святослав Ольгович – не собрал в Чернигове силы для освобождения свергнутого Игоря, постригшегося в заключение в монахи. Но ненависть киевлян, видевших в Игоре своего врага, была опасна и монаху. Изяслав послал дружину вывести Игоря из поруба

и отвести в храм Святой Софии, где бы святость места охраняла его (собор пользовался правом убежища). Но киевляне на соборной площади отбили его у стражников и растоптали ногами, а труп бросили здесь же без погребения (1147).



Великий князь Мстислав Владимирович. Титулярник 1672 г.



Русские княжества до XIII в.

Началась упорная война между Черниговским и Киевским княжествами. В это время отделилась и стала фактически самостоятельной Ростово-Суздальская земля, где правил сын

Мономаха – Юрий Долгорукий, законный глава старшей линии Мономашичей. Изяслав же, любезный киевлянам, относился к младшей линии Мономашичей. Перечислять все бесконечные столкновения, пожалуй, не имеет смысла. Достаточно отметить то, что Долгорукий умер от яда (1157). Его сын Андрей Юрьевич Боголюбский (живший в селе Боголюбове, откуда и прозвище) унаследовал Ростово-Суздальское княжество отца.

Как видим, дети Мономаха схлестнулись с его внуками не на жизнь, а на смерть. Борьба ростово-суздальских князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского с волынскими князьями Изяславом Мстиславичем, Мстиславом и Романом за киевский стол, конечно, была борьбой дядьев с племянниками, но рассматривать ее как семейную ссору – неправильно. Действительно, в соответствии с этикетом того времени, летописцы писали: «князь пошел», «князь решил», «князь свершил» – независимо от того, было ли князю шесть лет, тридцать три года или шел восьмой десяток. Очевидно, что так быть не могло. Как уже говорилось, боролись между собой стоявшие за князьями военно-политические группировки, выражавшие интересы тех или иных земель распадавшегося Русского государства. Процесс этот, начало которому исподволь положили решения Любечского съезда князей (1097), через 70 лет стал необратимым, и Киевская держава к началу XIII в. разделилась на несколько независимых государств.



Князь Георгий (Юрий) Долгорукий. Гравюра 1805 г.



Князь Андрей Боголюбский. Гравюра 1805 г.

Окончательно обособились Северо-Восточная Русь и юго-западные земли (Волынь, Киевщина и Галиция). Самостоятельным государством стало Черниговское княжество, где правили Ольговичи и Давыдовичи. Выделились и Смоленск, и Турово-Пинская земля. Обрел полную независимость Новгород. А половцам, завоеванным и подчиненным, даже не пришлось нарушать своих обязательств: они сохраняли автономию, на которую русские князья и не думали покушаться.

Государственный распад Руси отражал происходивший распад этнической системы: хотя во всех княжествах жили по-прежнему русские и все они оставались православными, чувство этнического единства между ними разрушалось.

Ярким примером утраты этнической комплиментарности стал поступок князя Андрея Боголюбского. В 1169 г., захватив Киев, Андрей отдал город на трехдневное разграбление своим ратникам. До того момента на Руси было принято поступать подобным образом лишь с

чужеземными городами. На русские города ни при каких междоусобицах подобная практика никогда не распространялась.

Приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г. Киев был столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок. Следовательно, в конце XII в. Древняя Русь вступила в новую фазу этногенеза – обскурацию. Пассионарность Руси неуклонно снижалась, и потому разнообразие ландшафтов, традиций и вариаций поведения вело к торжеству центробежных тенденций. В силу этого обстоятельства и оказалась Русь разорванной на отдельные княжества и уделы, которым в этническом смысле соответствовали различные этносы и субэтносы. Последние были крайне разнообразны. Так, в Смоленской земле имелось около десятка уделов, то же самое наблюдалось на территории Ростово-Суздальского и Черниговского княжеств. В Галицкой земле даже сохранилась область, в которой правили не Рюриковичи, а потомки древних славянских вождей – болоховские князья.

Языческие балтские и угро-финские племена: ятвяги, литва, жмудь, эсты, мордва, черемисы, зыряне, заволоцкая чудь – по-прежнему оставались за пределами Руси. Такой она и вступила в тринадцатое столетие – век своей трагической гибели.

Часть вторая В союзе с Ордой

Глава I Рождение Монгольской империи

Великая степь

Тринадцатый век, без сомнения, является наиболее сложным столетием русской истории. Ни одна другая эпоха не породила исторических мифов больше, нежели последний век существования Киевской Руси. Тому имеются веские причины: этногенез Руси, как мы уже говорили, в конце XII в. вступил в фазу обскурации. Если бы дело ограничилось ненарушенным развитием этнической системы, то мы в данном случае фиксировали бы лишь грозное нарастание разрушительных тенденций, которые начали проявлять себя уже во второй половине XII в. Однако этногенез Киевской Руси оказался усложнен этническими контактами с представителями совершенно иных суперэтносов: Монгольского улуса и «христианского мира».

История Западной Европы XIII в. описана даже слишком подробно, чего не скажешь об истории Монгольского улуса. Однако без экскурса в историю монголов нам неминуемо останутся непонятными русские коллизии не только XIII в., но и последующих веков. Потому, оставив на время Европу, перенесемся далеко на восток и познакомимся с народом, сыгравшим решающую роль в истории Евразии XIII–XV вв.

Посреди Евразийского континента тянется Великая степь, ограниченная с севера сибирской тайгой, а с юга – горными системами. Она четко делится Алтаем, Сауром, Тарбагатаем и Западным Тянь-Шанем на две непохожие друг на друга части. Восточная часть Великой степи называется Внутренней Азией, в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири Внутреннюю Азию отделяют Саяны и хребты Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета – Куньлунь и Наньшань, от Китая – Великая Китайская стена, точно соответствующая границе между сухой степью и субтропиками на севере страны. Западная часть Великой степи включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья. В отдельные периоды Великая степь охватывала даже часть территории Венгрии – так называемую пушту.



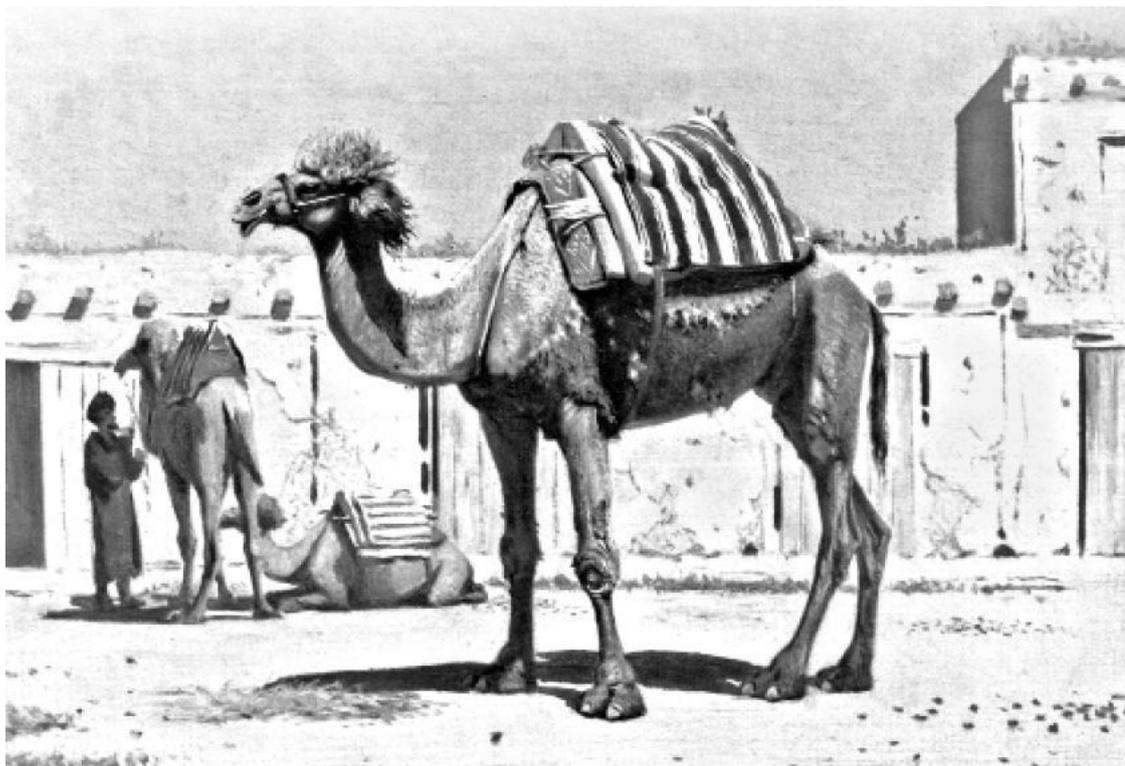
Производство бумаги в Китае. Первая половина XIX в.

С точки зрения географии, вся Великая степь представляет собой единый, четко очерченный регион, хотя климатические различия двух ее частей весьма заметны. Атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи, имеют свои законы движения. Циклоны с Атлантики доносят влагу только до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. А над Монголией постоянно стоит огромный антициклон. Его воздух сух и прозрачен, через него легко проходят солнечные лучи, нагревающие поверхность земли. Зимой здесь выпадает мало

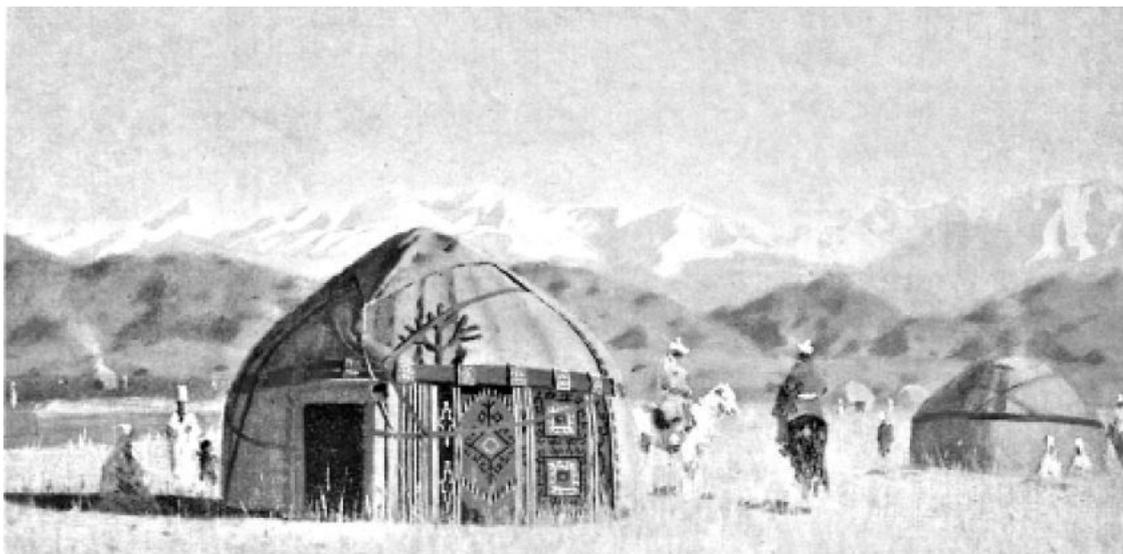
снега, и травоядные животные могут, разгребая его, добывать корм – сухую траву. Весной раскаленная почва разогревает нижние слои воздуха, и те поднимаются вверх. В освободившееся приземное пространство на севере вторгается сухой воздух из Сибири, а на юге – влажный с Тихого океана. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных животных кормом на весь год. А там, где сыт скот, процветают и люди. Вот почему именно на востоке Великой степи сложились благоприятные условия для создания могучих кочевых держав хуннов, тюрок и монголов.

На западе же Степи толщина снежного покрова превышает 30 см. Более того, во время оттепелей снег часто образует очень прочный наст, и тогда скот гибнет от бескормицы. В связи с этим скотоводы вынуждены летом гонять скот на горные пастбища – джейляу, а на зиму – заготавливать сено. Вспомним, что обитавшие в Причерноморье половцы имели постоянные зимовья и потому находились в зависимости от древнерусских князей, ибо, скованные в передвижении, они не могли уклониться от ударов регулярных войск. Поэтому в западной части Великой степи сложились иной быт людей и иные условия для обретения степняками независимости, нежели в восточной.

Но в мире нет ничего постоянного. Циклоны и муссоны иногда изменяют направления своего движения и проходят не над степью, а над тайгой или даже тундрой. Тогда недостаток влаги расширяет пустыни Гоби и Бетпак-Дала, отесняет растения и животных на север, к Сибири, и на юг, к Китаю. Вслед за травой, необходимой для скота, и животными, на которых охотятся, уходят и люди – обитатели Великой степи. Именно в такие эпохи усыхания Великой степи становились неизбежными контакты кочевников и оседлого населения Китая.



В. В. Верещагин. Верблюд во дворе караван-сарая



В. В. Верещагин. Киргизские кибитки на реке Чу

Китайские хронисты, описывая народы, обитавшие к северу от Китая, в Великой степи, называли всех степняков одним именем – «татары», подобно тому, как мы, говоря «европейцы», называем этим словом и шведов, и испанцев. Однако на самом деле этноним «татары» был названием лишь одного из многочисленных степных племен. Сами татары делились на три ветви: «белые», «черные» и «дикие». «Белые» татары – онгуты – жили вдоль границы Великой степи и подчинялись маньчжурской империи Кинь; они охраняли страну, получая за это плату. Поэтому у них были шелковые одежды для жен, фарфоровая посуда и другая иноземная утварь. «Черные» татары занимали открытую степь к северу от пустыни Гоби и подчинялись своим ханам, презирая «белых» татар, которые продали свою свободу и независимость за тряпки и чашечки. Сами они пасли скот, который кормил их и одевал, так как ходили они в одеждах из шкур, ныне называемых дубленками.

Однако «черные» татары вызывали не меньшее презрение у «диких», занимавших территории еще севернее. У «диких» татар отсутствовали даже зачатки государственности, поскольку подчинялись они лишь старшим в роду, а если подчинение становилось в тягость, младшие всегда могли отделиться. Хозяйство «диких» татар основывалось на охоте и рыболовстве, так как больше всего на свете они ценили свою волю. Для девушки из числа «диких» татар выйти замуж за «черного» татарина, который будет заставлять ее доить коров или пасти овец, считалось унижительным наказанием.

Как мы видим, у степняков различных племен стереотипы поведения были разные. Отношение к власти, к родству, к природе – все различало «белых», «черных» и «диких» татар между собой.

Одним из небольших народов Великой степи были монголы, обитавшие в пограничье «черных» и «диких» татар, в восточном Забайкалье. Своими прародителями монголы считали Борте-Чино (Серого Волка) и Алан-Гоа (Пятнистую Лань). К XI–XII вв. в лесостепных урочищах к северу от реки Онон обитали несколько монгольских родов, в состав которых вошли окрестные аборигены.

По рекам Селенге и Толе в центральной части Монголии кочевал народ кераиты. Кераиты управлялись ханами – уважаемыми людьми, которые получали соответствующие должности в зависимости от своей популярности в народе. Жили кераиты не семейными общинами из двух–трех юрт – аилами, а куренями, когда множество юрт ставилось вместе, окружалось телегами и охранялось воинами, ибо кераиты боялись нападения. Они в отличие от соседних

народов в 1009 г. приняли христианство несторианского толка и с тех пор стали очень набожным народом.

К западу от кочевий кераитов, в предгорьях Алтая, обитал народ найманы (монгольское слово «найма» значит «восемь» – именно столько родов имелось в их племени). Найманы были потомками киданей, вытесненных чжурчженями (маньчжурами) с прежних становищ. Берега Байкала к востоку от нынешних Иркутска и Верхнеудинска занимало храброе и воинственное племя меркитов, а в Саяно-Алтае расселились племена ойратов. Все племена Великой степи часто враждовали между собой, но конфликты носили характер пограничных стычек.

Жизнь кочевников была обеспеченной, но трудной, а главное – бесперспективной. Все высшие должности можно было занять только по праву рождения, которое определялось очень сложно, и случалось так, что двухлетний ребенок получал право стать ханом и иметь звание нойона (князя), а мудрый старец или могучий богатырь такой возможности не имели. Но так бы и жили степняки привычной жизнью, проводя ее среди родной природы в повседневных трудах и стычках с соседями, если бы прошедший по широте Байкала пассионарный толчок XI в. не вызвал вспышку этногенеза двух враждовавших народов – монголов и чжурчженей.



Воин верхом на коне. Из гробницы сяньбийского военачальника Лу Жюя. 577 г.



Терракотовая статуэтка. III в. до н. э. Китай

Среди степняков уже к концу XI в. стало заметно появление людей с нетрадиционным поведением. Храбрые молодые люди, способные к активной деятельности и стремившиеся получить награду за свои подвиги в походах и войнах, оказывались обделены теми, кто был выше по происхождению, но значительно уступал им по способностям. И вот эти люди с новыми взглядами уходили из своих куреней в леса и горы. Жили они или охотой, или кражей овец и лошадей у своих соседей. Соседи, конечно, устраивали облавы и истребляли нарушителей традиций, но число людей, покидавших свои становища, все увеличивалось, и назывались они – «люди длинной воли».

Параллельно монгольскому шел и чжурчженьский пассионарный подъем, приведший к покорению маньчжурами царства киданей в Северном Китае.

Надо сказать, что монголы и маньчжуры традиционно враждовали, что проявлялось в форме набегов, открытых столкновений и т. д. Но с ростом энергетических потенциалов этих народов характер противостояния изменился. Известно следующее легендарное обоснование ужесточения монголо-маньчжурской вражды. Якобы какой-то гадатель предсказал чжурчженьскому Богдо-хану, императору Северного Китая, что его народ погубят именно кочевники-монголы. Император решил предупредить усиление монголов и стал ежегодно посылать на их становища военные отряды, которые истребляли мужчин, хватали женщин и детей, при-

водили их в Китай и продавали в рабство. Китайцы покупали пленников для работы на плантациях. Некоторым монголам удавалось бежать. Естественно, что они помнили нанесенные им обиды, и «мщение проникло в их мозг и кровь».

Когда постоянные набеги маньчжуров приняли устрашающий характер, монголы осознали необходимость объединения. Их племена организовались и избрали хана. Первый монгольский хан, проявивший себя как значительный государь, носил имя Хабул. Хабул-хан правил в 30–40-х годах XII в. и сумел остановить натиск маньчжуров. В то время, когда китайцы, потерпев сокрушительное поражение от чжурчженей, были вынуждены уступить им большие территории, монголы разбили чжурчженей и заставили их оттянуть войска от монгольских рубежей. Однако вскоре после смерти Хабул-хана (1149) племенной союз монголов распался, так как обыватели, составлявшие большинство, не мыслили себя подчиненными «людям длинной воли» и оказывали им очень слабую поддержку. Обыватели предпочитали по-прежнему кочевать: аилами на севере, где было безопасно, и куренями на юге, где им угрожали татары и чжурчжени.

Маньчжурская империя, напротив, чрезвычайно усилилась в тот период. Чжурчжени в борьбе со степняками пользовались хитрым и очень жестоким способом борьбы – они выкрадывали талантливых монгольских вождей и предавали мучительной смерти: приколачивали гвоздями к деревянному ослу и выставляли под южное солнце. Человек умирал довольно быстро, но в ужасных мучениях.

В эти же годы в племени кераитов продолжались разногласия. Законный наследник по имени Тогрул был выдан врагами его отца меркитам. Отец высвободил его, но Тогрула схватили татары. Он убежал от татар и взял принадлежавшую ему власть, но оппозиция в орде кераитов была очень сильна, потому что могущественные родственники молодого хана, опираясь на свои курени, всячески мешали объединению. Тогрулу приходилось то и дело убегать из своей страны. При этом найманы, жившие на самом западе Монголии, вступили в союз с кераитской оппозицией и с маньчжурами.

Казалось, народы Великой степи никогда не смогут объединить свои силы для защиты от врага. Будущее степняков представлялось самым мрачным.

Юность Чингиса

В середине XII в. после гибели нескольких монгольских ханов оборону монголов от чжурчженей и их союзников – татар – возглавил потомок Хабул-хана Есугей-багатур («багатур» значит «богатырь»). Человек храбрый и решительный, Есугей-багатур был не ханом, а главой рода Борджигинов, который обитал в районе к северу от современной российско-монгольской границы, там, где сейчас расположен город Нерчинск.

Когда-то Есугей, будучи еще совсем молодым человеком, охотился в степи с соколом и вдруг увидел, как какой-то меркит везет в телеге, запряженной очень хорошей лошадью, девушку исключительной красоты. Есугей позвал своих братьев, и монголы бросились в погоню за добычей. Увидев преследователей, девушка горько заплакала и сказала меркиту, своему жениху: «Ты видишь этих людей – они тебя убьют, брось меня, уезжай, я буду вечно тебя помнить». Потом сняла с себя рубашку и отдала ему на память. Монголы уже приближались – меркит быстро выпряг коня, ожег его плетью и ушел от погони. А братья запрягли своих лошадей в телегу и, привезя плачущую девушку домой, сказали: «Забудь о своем женихе, наш Есугей живет без женщины», – и выдали ее за Есугея. Жену Есугея, имя которой осталось в истории, звали Оэлун.



Чингисхан

Брак оказался счастливым. В 1162 г. Оэлун родила первенца – Тэмуджина, а впоследствии еще трех сыновей: Хасара, Хачиун-Беки, Тэмугэ – и дочь Тэмулун. От второй жены (монголы многоженство разрешали и поощряли) – Сочихэл – у Есугея родилось еще двое сыновей: Бектер и Бельгутей.

Когда Тэмуджин подрос и ему исполнилось 9 лет, по монгольскому обычаю он должен был быть помолвлен. Отец договорился о помолвке Тэмуджина с родителями красивой десятилетней девочки по имени Бортэ из соседнего племени хонкират и повез сына в становище будущего тестя. Оставив Тэмуджина у хонкиратов, чтобы он привык к своей невесте и будущим родственникам, Есугей отправился в обратный путь. По дороге он увидел нескольких человек, сидевших у огня, которые, как и положено в степи, пригласили его разделить трапезу. Есугей подъехал ближе и лишь тут понял, что это были татары. Бежать было бесполезно, потому что татары погнались бы за ним, а конь Есугея устал. Гостя же у походного костра, по степной традиции, тронуть не мог никто.

У Есугея не оставалось выбора – он принял приглашение и, поев, благополучно уехал. Но по дороге Есугей почувствовал себя плохо и решил, что его отравили. На четвертый день, добравшись домой, он умер, завещав родне отомстить татарам. Трудно сказать, насколько прав был Есугей в своих подозрениях, но важно другое: он допускал, что татары могли его отравить, то есть совершить неслыханное дотоле нарушение обычаев степняков.

Сподвижники отца съездили за Тэмуджином и привезли мальчика домой. Как старший сын он стал главой рода, и тут выяснилось, что вся сила племени заключалась в воле и энергии Есугея. Своим авторитетом он заставлял людей ходить в походы, защищаться от врага, забывать местнические счеты ради общего дела. Но поскольку Есугей не был ханом, его влияние кончилось с его смертью. Соплеменники не имели никаких обязательств перед семьей Есугея и покинули Борджигинов, отогнав весь их скот, по существу обрекая семью Есугея на голодную смерть: ведь старшему, Тэмуджину, было только 9 лет, а остальным – и того меньше.

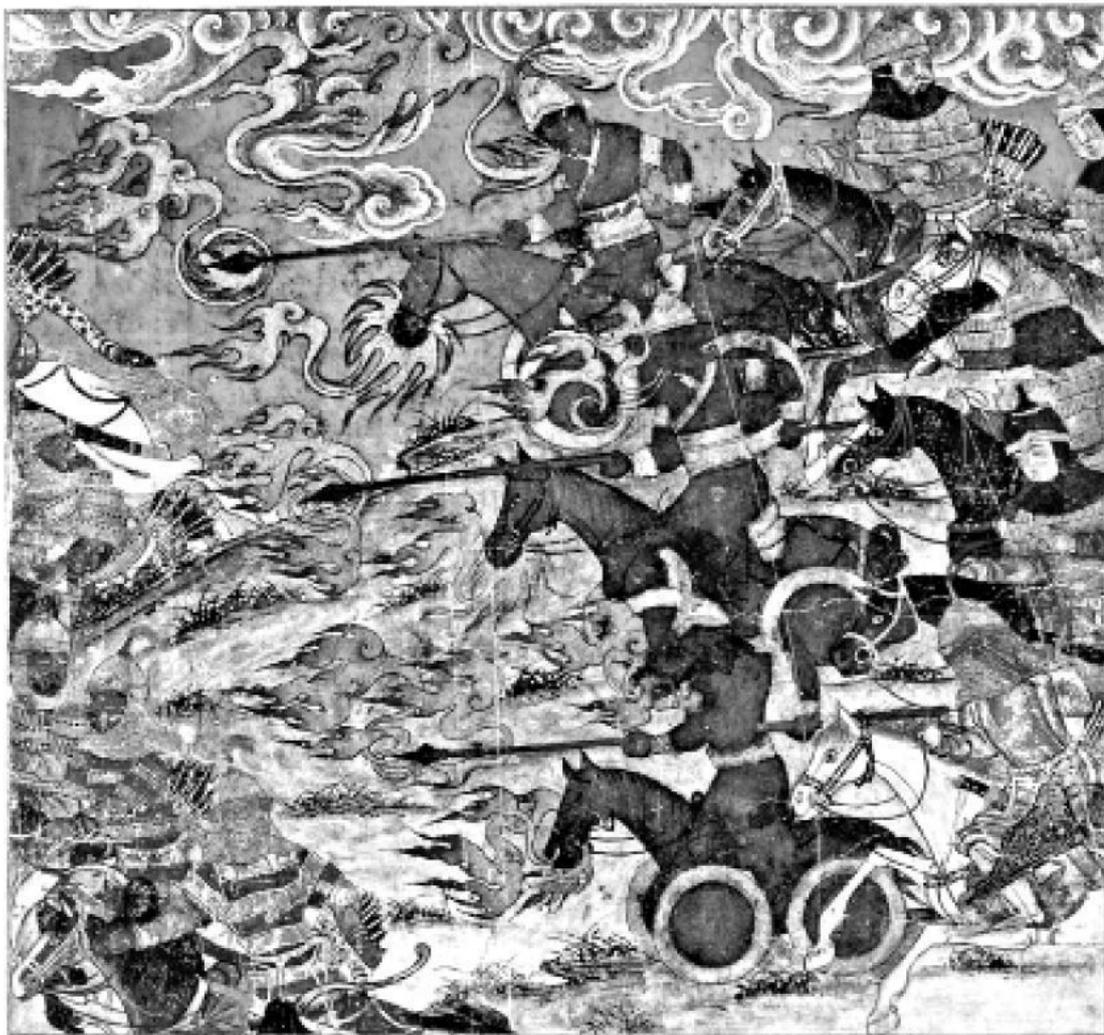
Инициаторами такой жестокости стали тайджиуты – племя, которое было враждебно настроено по отношению к Есугею. Тогда Оэлун схватила знамя Есугея, поскакала за отъезжавшими и пристыдила их: «Как вам не стыдно бросать семью вашего вождя!» Некоторые вернулись, но потом опять ушли, и все трудности воспитания детей и добычи пищи для семьи легли на плечи двух женщин: Оэлун и Сочихэл – старшей и младшей жен Есугея. Они ловили сурков, чтобы получить хоть какое-нибудь мясо, и собирали дикий чеснок – черемшу. Тэмуджин ходил к реке и пытался подстрелить тайменей. Как все монголы, он умел стрелять сквозь воду, несмотря на то что вода преломляет свет, искажая изображение, и попасть в цель очень трудно. Даже летом семья жила впроголодь, делая запасы на зиму.

Между тем соплеменники, оскорбившие и бросившие семью Есугея, продолжали следить за ней, так как опасались заслуженной мести. По-видимому, им удалось сделать соглядатаем старшего сына Сочихэл – Бектера. Бектер, почувствовав за собой силу, начал вести себя пренебрежительно по отношению к детям Оэлун.

Тэмуджин и Хасар не выдержали издевательств сводного брата и застрелили его из лука.



Монгольское войско



Миниатюра из «Книги Царей»

К этому времени уже вполне сложились характеры и определились наклонности детей Есугея. Хасар был храбрый и сильный парень, отличный стрелок. Тэмугэ стал нежным и послушным сыном, он заботился о матери и мачехе. Хачиун-Беки не обладал никакими достоинствами. В Тэмуджине же и друзья и враги отмечали выдержку, волю, упорное стремление к цели. Конечно, все эти качества пугали врагов Борджигинов, и потому тайджиуты напали на юрту семьи Есугея. Тэмуджин успел убежать в таежную чашу, где, как гласит монгольский источник, не было даже тропинок, по которым «сытый змей мог бы проползти».

Через девять дней, мучимый голодом, Тэмуджин был вынужден сдаться. Он вышел в степь, где его схватили и привели в становище. За что же на него охотились? Да, очевидно, за убийство Бектера, тайджиутского шпиона. Тайджиуты не убили Тэмуджина. Таргутай-Кирилтух – друг Есугея – смог спасти юношу от смерти, но не от наказания. На Тэмуджина надели колодку – две деревянные доски с отверстием для шеи, которые стягивались между собой. Колодка была мучительным наказанием: человек не имел возможности сам ни поесть, ни попить, ни даже согнать муху, севшую ему на лицо. К тому же доски приходилось все время держать руками, чтобы они не сдавливали шею.

Тэмуджин внешне сносил все совершенно безропотно. Но однажды, во время праздника полнолуния, тайджиуты устроили большую попойку и напились, оставив пленника под охраной какого-то слабого парня, которому архи (молочной водки) не дали. Тэмуджин улучил момент, ударил парня колодкой по голове и убежал, придерживая доски руками. Но так далеко не убе-

жишь – Тэмуджин добрался до берега Онона и лег в воду. Сторож, придя в себя, закричал: «Упустил я колодника!» – и вся пьяная толпа тайджиутов бросилась искать беглеца. Луна ярко светила, все было видно как днем. Вдруг Тэмуджин понял, что над ним стоит человек и смотрит ему в глаза. Это был Сорган-Шира из племени сулдус, который жил в становище тайджиутов и занимался своим ремеслом – делал кумыс. Он сказал Тэмуджину: «Вот за то тебя и не любят, что ты так сметлив. Лежи, не бойся, я тебя не выдам».

Сорган-Шира вернулся к преследователям и предложил еще раз все обыскать. Легко понять, что пленник обнаружен не был. Пьяные тайджиуты хотели спать и, решив, что человек в колодке далеко не уйдет, прекратили поиски. Тогда Тэмуджин выбрался из воды и пошел к своему спасителю. Сорган-Шира, увидев, что колодник вползает к нему в юрту, испугался и уже хотел было прогнать Тэмуджина, но тут запротестовали дети Сорган-Ширы: «Нет, что ты, отец. Когда хищник загонит пташку в чашу, то ведь и чаша ее спасает. Мы не можем его выгнать, раз он гость». Они сняли с Тэмуджина колодку, изрубили ее и бросили в огонь. У Сорган-Ширы оставался только один выход – спасти Тэмуджина, и потому он дал ему лошадь, лук, две стрелы, но не дал кремня и огнива. Ведь лошади паслись в степи, лук хранился на верхнем карнизе двери юрты, и их легко было украсть, а кремень и огниво каждый степняк носил с собой. Если бы Тэмуджина схватили и нашли у него огниво или кремень Сорган-Ширы, семье спасителя и ему самому пришлось бы плохо.

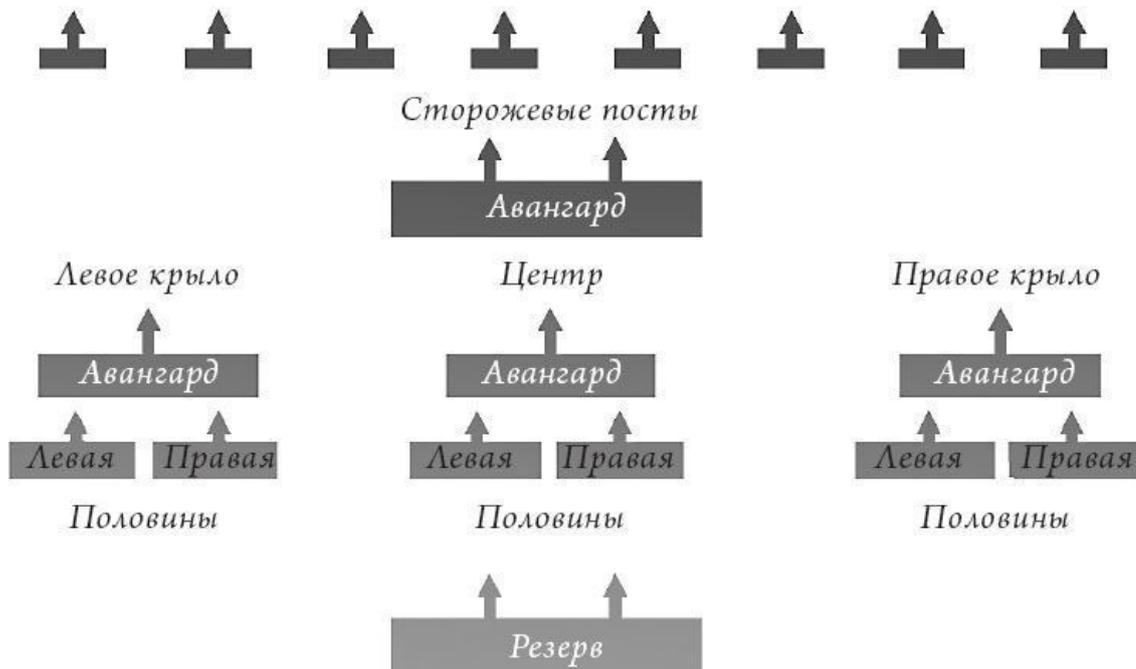


Обращение Чингисхана к подданным. Миниатюра из рукописи. 1397 г.

Тэмуджин ускакал и через некоторое время нашел свою семью. Борджирины сразу же перекочевали на другое место, и тайджиуты больше не смогли их обнаружить. Вот это обстоятельство и показывает, что Бектер действительно был доносчиком: после его смерти некому стало сообщать врагам о местах кочевий Борджиринов. Затем Тэмуджин женился на своей нареченной Бортэ. Ее отец сдержал свое слово – свадьба состоялась. Приданым Бортэ стала роскошная соболья шуба. Тэмуджин привез Бортэ домой... и драгоценную шубу у нее немедленно «изъял». Он понимал, что без поддержки ему не устоять против многочисленных врагов, и потому вскоре направился к самому могущественному из тогдашних степных вождей – Ван-хану из племени кераитов. Ван-хан был когда-то другом отца Тэмуджина, и ему удалось заручиться поддержкой Ван-хана, напомнив об этой дружбе и поднеся роскошный подарок – соболью шубу Бортэ.

Но не успел счастливый от достигнутого успеха Тэмуджин вернуться домой, как становище Борджиринов подверглось новому нападению. На этот раз напали меркиты, вынудившие семью скрыться на горе Бурхан-Халдун. При этом не обошлось без потерь: в плен были захвачены Бортэ и вторая жена Есугея – Сочихэл. Тэмуджин, потеряв любимую жену, был в отчаянии, но не в растерянности. Гонцы Борджиринов поскакали к его побратиму Джамухе-Сэчэну

из племени джаджират и кераитскому Ван-хану. Объединенное войско возглавил Джамуха, бывший талантливый полководцем.



Боевой порядок тумена в XIII в.

Поздней осенью 1180 г., когда уже выпал первый снежок, воины Джамухи и Тэмуджина внезапно обрушились на кочевье меркитов, находившееся к востоку от Байкала. Враги, захваченные врасплох, бежали. Тэмуджин же хотел найти свою Бортэ и звал ее по имени. Бортэ услышала и, выбежав из толпы женщин, ухватилась за стремя мужниного коня. А Сочихэл ушла с похитителями. Похоже, она стала выполнять ту же шпионскую обязанность, что и ее сын Бектер: ведь кроме нее некому было сообщить меркитам, где находится кочевье Борджигинов и как можно организовать нападение. Сочихэл не вернулась, и напрасно ее сын, добродушный Бельгутей, который очень любил свою мать, требовал от меркитов, чтобы ему ее возвратили.

Надо сказать, что, хотя Бельгутей был сыном предательницы и братом предателя, Тэмуджин, зная, что сам Бельгутей человек чистосердечный, ценил его, любил и всегда видел в нем своего ближайшего родственника. Это, конечно, совсем не плохо характеризует человека, из которого историки пытались сделать чудовище! Читая написанное современниками о Тэмуджине, необходимо помнить, что писали о нем люди, крайне дурно к нему настроенные. А ведь даже Дьявол (Иблис) в мусульманской поэзии говорит: «Меня рисуют в банях таким безобразным, потому что кисть – в ладони моего врага».

Поход на меркитов сильно повысил авторитет и известность Тэмуджина, но не среди всех обитателей Степи, а среди их пассионарной части – «людей длинной воли». Одинокие богатыри увидели, что имеет смысл поддержать инициативного сына Есугея, даже рискуя жизнью. И начался процесс, который, сами того не подозревая, спровоцировали кераитский хан и джаджиратский вождь: вокруг Тэмуджина стали собираться степные удалыцы. Они-то в 1182 г. и избрали его ханом с титулом «Чингис».

Само слово «чингис» непонятно. Д. Банзавов, бурятский исследователь, считает, что это имя одного из шаманских духов. Другие полагают, что титул произошел от слова «чингиху» – «обнимать», следовательно, «Чингис» – титул человека, имевшего всю полноту власти. Как бы там ни было, у монголов установилась новая система правления. Назвать ее принцип монархическим довольно трудно, потому что хан был отнюдь не самодержавен, а напротив, не мог

не считаться с нойонами – главами примкнувших к нему племен – и со своими богатырями. Таким образом войско надежно ограничивало волю хана.

Государственным устройством не предусматривалось и право наследования, хотя впоследствии каждый новый хан избирался только из потомков Чингиса. Но это было не законом, а выражением воли самих монголов. Уважая Чингисхана, его заслуги перед народом, они не видели оснований отказывать в наследовании престола его потомкам. Кроме того, монголы верили во врожденный характер человеческих достоинств и недостатков. Так, склонность к предательству считалась столь же неотторжимым атрибутом наследственности, как цвет глаз или волос, и потому предателей истребляли беспощадно вместе с их родственниками.

Избрание ханом стало неожиданностью для Тэмуджина: все другие претенденты на престол из числа потомков Хабул-хана просто отказались от этой обременительной должности. Весть об избрании Тэмуджина ханом по-разному была встречена в Степи. Ван-хан был очень доволен таким оборотом дела, а вождь джаджиратов Джамуха воспринял весть о возвышении своего побратима с раздражением. Как на грех при попытке отогнать из владений Чингиса табун оказался убитым брат Джамухи – Тайчар. Под предлогом мести Джамуха с тридцатитысячным войском двинулся на Чингиса. Не достигнув решающего успеха в разгроме врага, вождь джаджиратов ограничился жестокой расправой с пленными и отступил.

Проявление непривычной для степняков жестокости лишило Джамуху популярности. Два наиболее крупных и боеспособных племени – уруты и мангуты – откочевали к Чингису. На пиру в честь избавления от Джамухи брат Чингисхана Бельгутей поймал вора, укравшего узду и поводок с коновязи. Богатырь Бури-Боко из племени чжурки (юрки) вступился за вора. Произошла драка, закончившаяся для чжурки плачевно. Когда Чингис выступил в очередной поход против татар, чжурки, памятуя о ссоре, не пришли на помощь своим, а двинулись на беззащитные монгольские юрты, ограбили и убили десяток немощных стариков. Вернувшийся из похода Чингис решил наказать племя чжурки и разгромил их кочевья. Вожди племени были казнены, а уцелевшие воины включены в войско монгольского хана.

Детали происшедшего в дальнейшем (1185–1197) точно не известны, но лакуна в исторических знаниях вполне может быть заполнена при помощи сведений содержательной книги «Мэн-да Бэй-лу» («Тайная история монголов»). «Мэн-да Бэй-лу» сообщает, что Тэмуджин был захвачен в плен маньчжурами и 11 лет провел в темнице. Потом он каким-то образом спасся и вернулся в Степь.

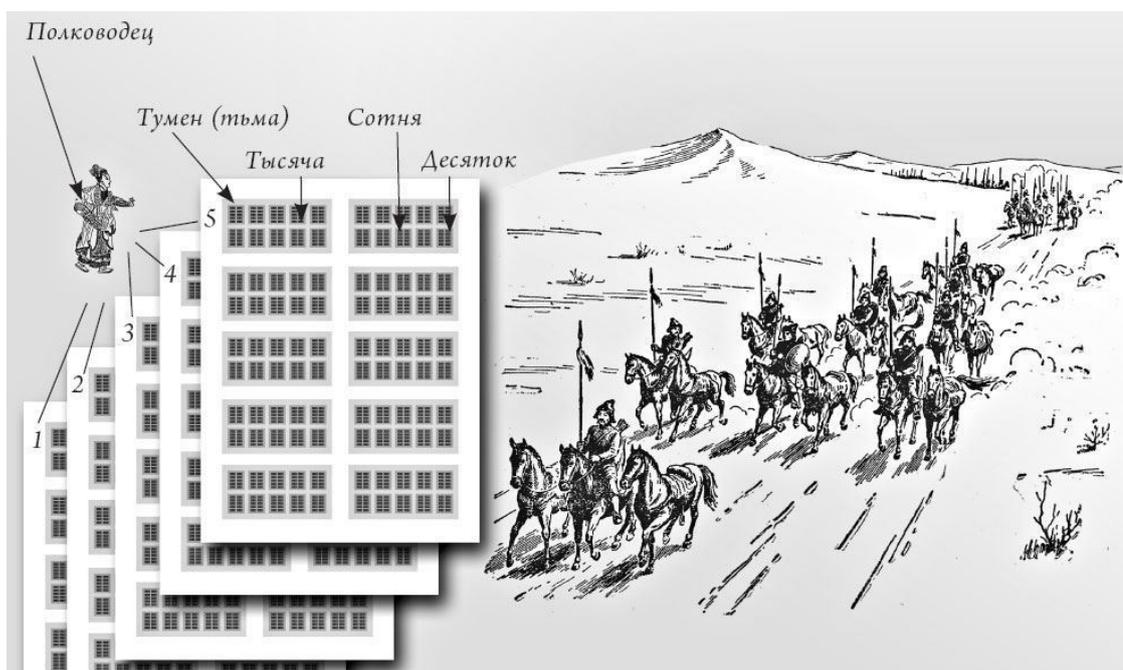
Теперь Чингису пришлось все начинать заново. Из 13 тысяч всадников осталось менее 3 тысяч, монголы не только потеряли все те преимущества, которые приобрели за время правления Чингисхана, но и перессорились друг с другом. Даже Хасар бросил своего брата и пошел служить хану кераитов.

Но уже в 1198 г. Тэмуджин опять стоял во главе мощной орды. Что позволило ему так быстро вернуть утраченное? Вероятно, снова сказались увеличение пассионарности монголов. Число «людей длинной воли» росло; росло и их желание устроить жизнь по-своему. Следовательно, им по-прежнему был необходим вождь, который приказывал бы им делать то, что они хотели выполнять. Ведь соперники Чингиса – родовитые нойоны Алтан, Хучар, Сэчэ-бики – мечтали о старом порядке, основанном на произволе, праве на безобразия, отсутствии верности обязательствам. Сторонники же Чингиса желали твердого порядка, гарантий взаимовыручки и уважения своих прав. Прекрасно поняв чаяния своих последователей, Чингисхан сформулировал новый свод законов – Великую Ясу. Яса отнюдь не являлась модификацией обычного права, а основывалась на обязательности взаимопомощи, единой для всех дисциплине и осуждении предательства без каких-либо компромиссов.

Таким образом, Яса Чингисхана, по сути дела, явилась регламентацией тех новых стереотипов поведения, которые отстаивали «люди длинной воли». Ничего подобного не знала монгольская практика. Так, по Великой Ясе, каждого предателя, то есть человека, обманувшего

доверившегося ему, предавали смертной казни. Простым людям отрубали голову, а людям высокого происхождения ломали позвоночник так, чтобы кровь оставалась в теле убитого. В этом случае, по монгольскому поверью, убитый мог возродиться к новой жизни. Если же кровь вытекала на землю, человек терял не только жизнь, но и душу.

Точно так же смертная казнь полагалась и за неоказание помощи боевому товарищу. Например, встретив любого соплеменника в пустыне, каждый монгол был обязан (!) предложить ему попить и поесть. Ведь путник, который не имел возможности подкрепить силы, мог умереть, и тогда на нарушившего закон падало обвинение в убийстве. Если кто-то из воинов терял лук или колчан со стрелами, то ехавший сзади должен был поднять и вернуть ему оружие. Нарушение этого правила также приравнивалось к неоказанию помощи и влекло за собой смертную казнь.



Организация монгольского войска в начале XIII в.

Кара смертью была воздаянием и за убийство, блуд мужчины, неверность жены, кражу, грабеж, скупку краденого, сокрытие беглого раба, чародейство, направленное во вред ближнему, трехкратное невозвращение долга. За менее тяжкие преступления полагалась ссылка в Сибирь или наказание штрафом.

Яса – неслыханное нарушение племенных обычаев – ознаменовала конец скрытого («инкубационного») периода монгольского этногенеза и переход к явному периоду фазы подъема с новым императивом: «Будь тем, кем ты должен быть!» Законодательно закрепленный принцип взаимовыручки дал пассионарному субэтносу сторонников Чингиса возможность координировать свои усилия. Однако большая часть монголов упорно предпочитала привычные формы родового быта, а не жизнь военной орды.

Врагами монголов Чингиса по-прежнему были и меркиты, и найманы, и татары, и чжурчжени, и ойраты, а единственный союзник – кераиты во главе с Ван-ханом – надежностью не отличался. «Люди длинной воли», как и раньше, должны были защищаться, чтобы жить. Но теперь возросшая пассионарность диктовала им стремление к победам, ибо в те времена только победа над врагами была способна избавить народ от постоянной угрозы. И войны за победу начались. Выход монголов на арену мировой военно-политической истории стал переломным моментом в существовании всего Евразийского континента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.